АЛЕКСАНДР ШИРОКОРАД

ОСМАНСКАЯ УГРОЗА РОССИИ – 500 ЛЕТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Annotation

В историческом контексте агрессия Турции в Сирии в 2012–2016 гг. представляется лишь этапом реализации проекта Великого Турана – тюркского государства от Албании до Китая…

Сразу после завоевания Константинополя в 1453 г. турецкие султаны выдвинули претензии на мировое господство, поставив тем самым под угрозу само существование России как государства.

Автор попытался наиболее объективно рассказать о конфликте двух великих держав, принципиально отказавшись от турко– и тюркофобских штампов отечественных историков и уделив особое внимание военным и политическим проблемам, связанным с черноморскими проливами.

- Александр Борисович Широкорад
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Примечания
  - Список использованной литературы
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32

Александр Борисович Широкорад
Османская угроза России — 500 лет противостояния

© ООО «ТД Алгоритм», 2016
© Широкорад А.Б., 2016

Пролог

В начале апреля 1453 года султан Мехмед II (1451–1481) с огромным войском (около 150 тыс. человек) осадил Константинополь.

Решающий штурм города произошел рано утром 29 мая 1453 г. Силы были слишком неравны, и через три часа турки ворвались в город. Три дня и три ночи длился страшный разгром Константинополя. Последний император Византии Константин XI Палеолог погиб в бою. Мехмед II повелел отрубить голову василевса и выставить ее на высокой колонне в центре Константинополя.

Несколько сот жителей города было убито внутри храма Святой Софии, где они искали убежища. Махмед II прямо по трупам въехал на коне в храм и приказал обратить его в мечеть.

С момента своего восшествия на престол Мехмед II мечтал стать наследником Римской империи. Завоевания Константинополя материализовало его мечты. Как уверял Мехмеда греческий историк Георгий Трапезундский: «Никто не сомневается, что вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи». Мехмед II одновременно объявил себя Римским императором, наследником Августа и Константина, и падишахом, что по-персидски означает «тень бога на земле». Не мудрствуя лукаво, Мехмед II назначил монаха Геннадия константинопольским патриархом, поскольку «тень Бога» могла обойтись без всяких там Соборов.

В XVI веке Турция становится сильнейшим государством Европы. Мехмед II создал мощный флот, в составе которого было около трех тысяч кораблей. В ходе войны с Венецией и Генуей туркам удалось захватить большую часть островов в Эгейском море. Венецианцам удалось удержать только Крит, который турки заняли лишь в 1669 г. В Италии турки взяли небольшой городок Отранто, контролировавший вход в Адриатическое море. Мехмед II готовил большой поход для захвата Италии, но в связи со смертью султана он расстроился.

В 1526 г. турецкие войска взяли Белград и разгромили венгеро-чешское войско под Мохачем. В 1529 г. турки осадили Вену, но взять ее не сумели. По договору 1547 г. между Турцией и Священной Римской (Австрийской) империей Венгрия оказалась разделенной между двумя империями. В Азии в 1515 г. к Турции присоединилась часть Армении с

городом Эрзерумом и северная часть Ирака с Моссулом.

Летом 1516 г. турецкая армия под командованием султана Селима I вторглась в Сирию. В сражении под Холебом войско мамелюков было разбито. Существенную роль в этом сыграла турецкая артиллерия. В начале 1517 г. амия Селима I вступила в Каир. К концу 1517 г. Сирия, Египет, а также все побережье Аравии вдоль Средиземного моря вошло в состав Османской империи. Эти территориальные захваты имели не только политическое и военное, но и огромное религиозное значение. Дело в том, что правители Сирии и Египта считали себя Аббасидами, потомками багдадских халифов, как их называли в Европе – «папами Востока». Действительно, многие века багдадский халиф считался религиозным главой мусульман. Турецкий султан стал наследником халифов, ему торжественно были преподнесены ключи от мекканского храма Каабы (главного мусульманского святилища).

С тех пор турецкие султаны стали считать себя халифами и «тенью Аллаха на земле». Таким образом, султаны присвоили себе право быть духовными главами всех мусульман мира, независимо от их государственной принадлежности. Считалось, что турецкий султан имеет право назначить или сместить всех священнослужителей высшего ранга и получать шариатские налоги. Турецкие султаны широко использовали свою духовную власть в собственных интересах. Принципы халифата были отменены только Кемалем Ататюрком в XX веке.

В 1534 г. турецкие войска заняли южный Ирак и вышли в районе города Кувейта к Персидскому заливу.

В 1537 г. турки снарядили большой флот для похода в Индию, но потерпели неудачу.

В конце XVI века население Османской империи достигло 25–30 миллионов. В это время владения турецких султанов простирались на 7 тыс. км с востока на запад и на 5 тыс. км с севера на юг, занимая территорию примерно 8 млн. кв. км.

31 мая 1475 г. у берегов Каффы (Феодосии) появилась турецкая эскадра, а уже 2 июня турецкие бомбарды калибром 40–20 см начали обстрел города. В помощь туркам подошло многочисленное войско татарского бея Эминека. Штурм города продолжался пять дней, а 6 июня «какие-то люди» из армян Каффы, чтобы избежать разрушений и кровопролития, открыли ворота, что стало полной неожиданностью для защитников. Турки ворвались в город. Каффа была полностью разграблена. Часть «нелатинского» населения была продана в рабство, а их имущество конфисковано. Всех же оставшихся в живых христиан вместе с пожитками

12 июня посадили на турецкие корабли и отправили в Константинополь, где поселили в отдельном квартале.

Теперь Каффа стала главным городом Кефе – турецкой провинции с одноименным названием. Новые хозяева стали называть город Кучук-Стамбул, то есть Маленький Стамбул.

Турецкие войска еще полгода приводили к повиновению феодоритские крепости Южной Таврики. Активное участие в обороне этих крепостей, и, прежде всего, неприступного Мангупа, принимал генуэзцы, бежавшие от турок. После взятия Каффы турки приступили к осаде генуэзского города Сугдеи (Солдайи, Судака). О ходе обороны сохранились сведения, записанные посланником польского короля Мартином Борневским. По его словам, последние защитники Сугдеи во время турецкого штурма 1475 г. заперлись в одной из самых больших церквей города и продолжали сопротивление. Все они были перебиты, и тела их так и остались лежать внутри церкви непогребенными. Борневский лично видел это зловещее здание с замурованными окнами и дверьми и сторожа-турка, некого не пускавшего внутрь.

Находясь под власть турков, Судак (так стал называться город с этого времени) стал центром судебно-административного округа (кадылыка), входившего в состав провинции Кефе и простиравшего по южному берегу Крыма до Алушты включительно.

В начале июня 1475 г. турецкая эскадра вошла в Азовское море и высадила десант в районе венецианской колонии Тана (Азов). Существует предание, что во время осады крепости Дон вышел из берегов и затопил окопы с турками. Тогда командующий Гедик Ажмед-паша воскликнул: «О, благословенная река Азак»[1]. Он сотворил молитву, и волею Аллаха крепость была взята. С тех пор ее стали называть Азак. Теперь Азак, благодаря своему географическому положению, стал северными воротами Османской империи, открывая доступ на ее территорию купцам, послам и паломникам.

Таким образом, степной Крым и земли вокруг Азовского моря были владениями Крымского хана – вассала Порты. Южный Крым, зона пролива Керчь – Тамань, прибрежная полоса с центром в Каффе и Азак прямо вошли в состав Османской империи. На этой территории была образована новая провинция с центром в Каффе. В нее вошли Каффа, Азак, Сугодаг, Инкерман, Балаклава, Мангуп, Керчь, Тамань. Азак стал центром Азовского санджака – военно-административной единицы, во главе которой стоял санджакбей. Будучи формально подчиненным Каффе, азакский санджакбей был фактически самостоятелен и напрямую подчинялся

Константинополю.

В конце 1475 г. турецкий флот захватил генуэзскую колонию Мапа (Анапа) и ряд других колоний.

Так Черное море из итальянского озера превратилось в турецкое. Разница заключалась в том, что господство турок было куда жестче. Так, вассальные отношения Крымского ханства и Константинополя основывались не только на грамоте Менгли Гирея. Во-первых, Мехмед II и его преемники позаботились о том, чтобы в Константинополе и окрестностях постоянно находились несколько членов семейства Гиреев. Таким образом султан в любой момент мог подыскать замену строптивому хану. Султану обычно было достаточно через одного из своих знатных придворных послать избранному быть новым ханом Гирею шубу, саблю и соболью шапку, усыпанную драгоценными камнями, с собственноручно подписанным приказом, который зачитывался перед Диваном. А прежний хан должен был безропотно отречься от престола. Если же хан сопротивлялся, то гарнизон, стоявший в Каффе, и турецкий флот быстро приводили его к повиновению.

За время существования Крымского ханства на престоле побывало 44 хана, но правили они 56 раз, то есть одного и того же хана султан то смещал «с должности», то вновь возводил. Так, Менгли Гирей II и Каплан Гирей побывали на престоле дважды, а Эльхадж Селим Гирей – аж четырежды!

В Крыму по указу султана Сулеймана турки построили крепость и порт Гезлев (современная Евпатория). Крепость имела форму пятиугольника с мощными каменными стенами и 24 квадратными башнями.

На конце Арабатской косы турки построили огромную башню, гарнизон которой составлял 150 секбанов (янычар), большей частью греков по национальности.

В начале XV века турки взяли под контроль Перекопский перешеек – единственный сухопутный путь в Крым. По приказу Сулеймана в 1540 г. хан Сагиб Гирей построил на Перекопе крепость Ор (Ор-Колу, Орта). Ее возводили татары и русские рабы. Крепость имела мощные каменные стены высотой 23 аршина (16,5 м) и 20 квадратных башен. Гарнизон крепости составлял 500 секбанов (янычар) с мушкетами и 500 татар, вооруженных холодным оружием, а также нескольких десятков турецких артиллеристов.

Весь перешеек от Сиваша до Каламитского залива (7 верст) был перекопан большим рвом глубиной 12–15 саженей (25–32 м). На

расстоянии пушечного выстрела у рва были поставлены 7 каменных башен, на которых стояло по 5 турецких пушек типа шахи зарзабин[2]. В мирное время в каждой башне состояло помимо артиллерийской прислуги по 500 секбанов. Замечу, что все секбаны в башнях и Оре были греки по национальности.

Как видим, при Сулеймане вся торговля и дипломатические связи Крымского ханства контролировались турецкими гарнизонами в портах полуострова и на Перекопе.

Несколько крепостей турки построили и на Кавказском побережье. Так, уже в конце XV века была построена крепость Анапа, в конце XVI века – крепость Сухум. В том же XVI веке турки на месте древней крепости в Батуме построили крепость Гония с гарнизоном в 500 янычар.

Возникает естественный вопрос, считали ли султаны достаточной мерой полный контроль над всем побережьем Черного моря или намеревались продолжить экспансию на север и восток от него? Уже Мехмед II в 1476 г. попытался объединить Большую Орду и Крымское ханство в общий улус. Крымский хан Менгли Гирей был увезен в Константинополь, а с согласия османов на крымский престол сел Джанибек Гирей, племянник Ахмата, хана Большой орды.

Однако ни Джанибек, ни Ахмат не пожелали становиться вассалами Константинополя. Тогда по наущению турок крымские беи свергли Джанибека, и турки, как мы уже знаем, привезли в Крым Менгли Гирея.

В январе 1481 г. хан Ахмат был убит сибирским ханом Ибаком. После этого Большая Орда распалась на отдельные улусы, наиболее крупные из которых принадлежали сыновьям Ахмада – Шайх-Ахмаду и Муртаде.

В 1502 г. Менгли Гирей захватил Сарай Берке на Волге и перебил его жителей. Правивший в Сарае Шайх-Ахмад бежал в степь. Большая Орда навсегда прекратила свое существование.

Летом 1509 г. Менгли Гирей с большим войском совершает поход на Нижнюю Волгу. Однако взять Астрахань (Хаджи-Тархан) крымцам не удалось.

Сын Менгли Гирея Мухаммед Гирей I решил собрать все разрозненные части бывшей Золотой Орды, а также улуса Джучи[3]. Речь идет о Казанском и Астраханском ханствах и ордах ногаев. И действительно, в 1523 г. войска Мухаммеда Гирея I овладели Астраханью, но были вынуждены вскоре покинуть город из-за блокады его ногаями. На обратном пути крымцы понесли большие потери.

Мало того, Гиреи решили посадить свою родню на казанский престол.

Причем, речь шла не об отправке одного кандидата на престол, а о подчинении Казани Крыму и, соответственно, Константинополю. Процесс этот был крайне сложный, и желающих узнать подробности я отсылаю к своей книге «Русь и Орда» (Москва: Вече, 2004).

Над Московским государством нависла страшная угроза. Василий III, а позже Иван IV пытались нейтрализовать Казань, сделав ее полунезависимым вассалом наподобие Касимовского ханства и посадить туда хана из касимовской династии. Однако крымская партия возобладала в Казани. Реакция Ивана IV не заставила себя ждать – в 1552 г. русское войско штурмом овладело Казанью, устроив там страшный погром.

В 1556 г. русские воеводы заняли Астрахань. Первоначально в Константинополе не предали особого значения присоединению Астрахани к Москве. У султана Сулеймана II хватало забот и в других частях своей обширной империи, и он понадеялся, что крымские татары и ногайцы вытеснят русских из низовий Волги. Лишь в сентябре 1563 г. султан Сулейман II послал гауша (чиновника высокого ранга) к крымскому хану с приказом готовиться в 1564 г. к походу на Астрахань. Намерение султана очень напугало… хана Девлет Гирея. Крымские ханы меньше всего хотели военного присутствия Турции на Дону и Волге, что неизбежно сделало бы их из полунезависимых правителей бесправными подданными султана. Занятие же отдаленной Астрахани русскими не представляло, по мнению Гиреев, непосредственной угрозы Крыму. Кстати, в этом они были недалеки от истины. Действительно, Астрахань никогда не использовалась русскими в качестве базы для похода в Крым.

В Константинополь из Крыма полетели отписки: этим летом к Астрахани идти нельзя, потому что безводных мест много, а зимой к Астрахани идти – турки стужи не поднимут, к тому же в Крыму голод большой, запасами подняться нельзя.

На следующий год Девлет Гирей постарался вовсе отклонить султана от похода на Астрахань. «У меня, – писал он, – верная весть, что московский государь послал в Астрахань 60 000 войска; если Астрахани не возьмем, то бесчестие будет тебе, а не мне; а захочешь с московским воевать, то вели своим людям идти вместе со мною на московские украйны: если которых городов и не возьмем, то по крайней мере землю повоюем и досаду учиним».

Параллельно Девлет Гирей бомбардировал посланиями царя Ивана, в которых он подробно рассказывал о намерениях султана, и усиленно шантажировал царя. Хан предлагал отдать ему Казань и Астрахань, мотивируя тем, что иначе их заберут турки. Вряд ли хан всерьез надеялся

получить их, во всяком случае, с царя можно было содрать огромные поминки (то есть единовременную дань). О Казани и Астрахани царь Иван резонно ответил: «Когда то ведется, чтоб, взявши города, опять отдавать их».

Весной 1569 г., уже при Селиме II, в Кафу морем прибыло 17-тысячное турецкое войско. Султан отдал приказ кафинскому паше Касиму возглавить войско, идти к Переволоке, каналом соединить Дон с Волгой, а затем взять Астрахань. Вместе с турками в поход двинулся и хан Девлет Гирей с 50 тысячами всадников. Турецкие суда, везшие тяжелые пушки, плыли по Дону от Азова до Переволоки.

В первой половине августа турки достигли Переволоки и начали рыть канал. Естественно, прорыть его за 2–3 месяца было нереально. В конце концов, паша Касим отдал приказ тащить суда волоком. При этом Девлет Гирей и его татары вели пораженческую пропаганду среди турок, стращали их суровой зимой и бескормицей, что, в общемто, было вполне справедливо. Но тут турок выручили астраханские татары, пригнавшие по Волге необходимое число гребных судов. Используя их, Касим в первой половине сентября подошел к Астрахани, но штурмовать ее не решился. Вместо этого он остановился ниже Астрахани на старом городище, решив там построить крепость и зимовать.

Но 50-тысячная татарская орда не могла зимовать в Астрахани. Крымские татары никогда не вели длительных осад. Поэтому Касим был вынужден отпустить татар на зимовку в Крым. Но тут взбунтовались янычары.

Семен Мальцев, отравленный из Москвы послом к ногайцам и захваченный турками у Азова, писал: «Пришли турки на пашу с великою бранью, кричали: нам зимовать здесь нельзя, помереть нам с голоду, государь наш всякий запас дал нам на три года. А ты нам из Азова велел взять только на сорок дней корму, астраханским же людям нас прокормить нельзя; янычары все отказали: все с царем крымским прочь идем».

Одновременно из Астрахани русские через пленного подбросили Касиму дезинформацию. Мол, вниз по Волге на помощь Астрахани идет князь Петр Серебряный с 30 тысячами судовой рати, а полем государь под Астрахань отпустил князя Ивана Бельского со 100 тысячами войска. К ним собираются примкнуть ногайцы, а персидский шах, давний враг султана, воспринял поход турок к Астрахани как попытку создания базы для операций против Персии и шлет к Астрахани свои войска.

Как видим, «деза» была весьма убедительна и правдоподобна. Нервы у Касима сдали, и 20 сентября турки зажгли свою деревянную крепость и

побежали от Астрахани. В 60 верстах выше Астрахани Касиму встретился гонец от султана Селима II, который требовал, чтобы Касим зимовал под Астраханью, а весной туда прибудет сильное турецкое войско. Увы, остановить бегущее войско грамотой султана не удалось. Мало того, хитрый Девлет Гирей повел турок в Азов не прежней дорогой вверх по Волге, а там не через Переволоку на Дон и вниз по реке, а через пустынные степи, так называемой Кабардинской дорогой. Из-за отсутствия воды и пищи погибло много турок.

Итак, Попытка османов распространить свое влияние на Среднюю и Нижнюю Волгу провалилась. Тем не менее, в XVI–XVII веках безопасность Оттоманской империи с севера была гарантирована. В Крыму и причерноморских степях кочевали татарские орды, подвластные османам. Поначалу в Константинополе не задумывались, кого они выбрали себе в союзники. Замечу, в этом не разобрались ни советские, ни нынешние демократические историки. Первые из-за приверженности к историческому материализму, вторые – из толерантности.

Марксисты считали, что в средние века существовало два класса – феодалы и крепостные крестьяне. Причем первые жили за счет непосильного труда вторых. Но Маркс утверждал это, имея в виду феодальные отношения в Западной Европе, а вот Ленин и Ко, не мудрствуя лукаво, перенесли это положение на народы всего мира. Когда говорят «феодализм», «капитализм», «социализм» и т. п., автоматически подразумевается, что основной способ производства – феодальный, капиталистический или, соответственно, социалистический. В Крымском же ханстве феодальный способ производства имел место, но он не приносил и половины валового дохода ханства. Основным же способом производства был грабеж соседей. Такой способ производства не описан Марксом по той простой причине, что подобных государств в Западной Европе в XIII–XIX веке вообще не было.

Крымские татары совершали набеги на соседей практически ежегодно. Они никогда не осаждали крепостей и вообще не стремились к генеральным сражениям с основными силами противника. Их стратегическая и она же тактическая цель войны – награбить и благополучно увести награбленное. Регулярных войск крымские ханы практически не имели. Войско в поход собиралось из добровольцев. Как писал историк Д.И. Яворницкий: «Недостатков в таких охотниках между татарами никогда не было, что зависело главным образом от трех причин: бедности татар, отвращения их к тяжелому физическому труду и фанатической ненависти к христианам, на которых они смотрели, как на

собак, достойных всяческого презрения и беспощадного истребления»[1].

Историк Скальковский подсчитал, что общее число татар в XVIII веке в Крыму и ногайских степях составляло 560 тысяч человек обоего пола или 280 тысяч человек мужского пола. Историк Всеволод Коховский полагал, что крымских хан для больших походов в христианские земли поднимал почти треть всего мужского населения своей страны.

А в середине XVI века Девлет Гирей вел с собой на Русь и по 120 тысяч человек. Таким образом, в разбоях участвовали не крымские феодалы, как утверждали советские историки, а собственно все без исключения мужское население Крыма. Это, кстати, подтверждают запорожские и донские казаки, нападавшие на Крым во время походов хана на Россию. В Крыму они видели очень мало мужчин, кроме, разумеется, десятков тысяч рабов, угнанных из России, Украины, Польши и других стран.

Между прочим, Маркс и Энгельс не стеснялись называть крымских татар разбойниками. Но вот наши отечественные марксисты так и не решились выговорить это слово ни при Ленине, ни при Сталине, ни при Хрущеве.

В результате набегов крымцев от Днестра до Волги, то есть около 1400 км, образовалась огромная буферная зона – Дикое поле. На севере в XVI веке оно простиралось до Киева и Тулы. Там, в огромных лесных массивах, плавнях Дона и Днепра укрывалось немногочисленное мирное население. Никакой власти, естественно, не было.

Российское государство стало жертвой как военной, так и идеологической агрессии. Турки через Причерноморье вторглись в Малороссию и пытались подчинить себе Казанское ханство, непосредственно угрожая Москве. В начале 20-х годов XVI века встал вопрос о выживании Руси. Взятие Казани не было следствием завоевательной политики Ивана Грозного. Оно являлось обязательным условием сохранения независимости Русского государства.

Идеологический вызов Турции заключался в том, что султан объявил себя повелителем всех мусульман. Таким образом, ему должны были подчиняться «правоверные» не только в Крыму, Казани и Астрахани, но даже в Касимове, под боком у Москвы. Бороться с идеологической агрессией только с помощью пушек было довольно бесперспективно, поэтому русские начали ответное идеологическое наступление под лозунгом «Москва – третий Рим».

В окончательном варианте этот тезис прозвучал в послании монаха псковского Елизарова монастыря Филофея в 1514 г. к великому князю

Василию III. Следуя тезису о богоустановленном единстве всего христианского мира, Филофей доказывал, что первым мировым центром был Рим старый, за ним Рим новый − Константинополь, а в последнее время на их месте стал третий Рим – Москва. «Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертого не бывать», – писал Филофей. Заметим, что Филофей знал, к кому обращаться. Мать Василия III София Палеолог была племянницей последнего византийского императора.

Филофей был не одинок. Одним из самых серьезных его соавторов в идее третьего Рима оказался… Римский папа Лев X. Стоит привести дословно послание папы к Василию III, отправленное в 1517 г.: «Папа хочет великого князя и всех людей Русской земли принять в единение с римскою церковью, не умаляя и не переменяя их добрых обычаев и законов, хочет только подкрепить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь греческая не имеет главы; патриарх константинопольский в турецких руках; папа, зная, что на Москве есть духовнейший митрополит, хочет его возвысить, сделать патриархом, как был прежде константинопольский; а наияснейшего царя всея Руси хочет короновать христианским царем… А если великий князь захочет стоять за свою *отчизну* константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы».

Итак, вопреки всем ненавистникам России, первым овладеть Константинополем предложил Римский папа. А по канонам католической церкви Римский папа непогрешим, то есть не может ошибаться.

Надо ли говорить, что замена московского герба с Георгием Победоносцем на новый с двуглавым орлом была предложена исключительно для внешнего потребления, чтобы доказать, что Россия является третьим Римом и наследницей Византии. Для Византии двуглавый орел означал раздел Римской империи на Западную и Восточную, а для России это было нонсенсом, говоря современным языком – чернобыльским мутантом. Также для внешнего потребления Иван IV сам себя объявил царем (искаженное от «цезарь»). В России никаких кесарей ранее не водилось, и власти Ивану от нового титула не убавилось, не прибавилось. Это тоже была претензия на византийское наследство.

Итак, к концу XVI века две великие империи – Россия и Порта – еще не имея общей границы, стали великими антагонистами. Султан считал себя властелином миллионов русских подданных мусульман, а царь – защитником миллионов православных турецких подданных и владельцем Цареградской вотчины, которая по совместительству была султановой столицей.

Глава 1
Как царевна Софья и царь Петр воевали с турками

В 1683 г. султан Мехмед IV предпринял большой поход на Австрию. В июле 1683 года его войска осадили Вену. Город был на грани гибели, но его спасло появление армии польского короля Яна Собесского. 1 сентября 1683 г\ турки были наголову разбиты под Веной.

В 1684 г. в войну с Турцией вступила Венеция. В том же году австрийские войска заняли большую часть Хорватии, которая вскоре стала австрийской провинцией. В 1686 г., после полутора веков турецкого господства, город Буда был взят австрийцами и вновь стал венгерским городом. Венецианцы с помощью мальтийских рыцарей захватили остров Хиос.

Московское государство не могло упустить столь благоприятную возможность наказать крымского хана. По приказу царевны Софьи (формально – от имени малолетнего Петра и его брата слабоумного Ивана) осенью 1686 года была начата подготовка похода в Крым.

В царской грамоте говорилось, что поход предпринимается для избавления Русской Земли от нестерпимых обид и унижения. Ниоткуда татары не уводят сколько пленных, как из нее; продают христиан как скот; ругаются над верой Православной. Но и этого мало. Русское царство платит татарам ежегодную дань, за что терпит стыд и укоризны от соседних государств, а границ своих этой данью все ж не охраняет. Хан берет деньги и бесчестит русских гонцов, разоряет русские города. От турецкого султана управы на него нет никакой.

Во главе 100-тысячного войска выступил в поход «большого полка дворовый воевода, царственныя большия печати и государственных великих посольских дел оберегатель» и наместник Новгородский князь Василий Васильевич Голицын.

Крымскому походу царевна Софья придавала больше значение. Василий Васильевич Голицын был ее любовником, и его успех в Крыму существенно увеличивал потенциал Софьи в борьбе за власть со сторонниками Петра.

Вместе с русскими войсками в походе должны были принять участие и украинские казаки под начальством гетмана Ивана Самойловича. 2 июня

1687 г. русские и украинские силы соединились на реке Самаре.

13 июня армия Голицына перешла реку Конку, тут впервые были замечены татарские разъезды. Однако дальше везде была выжженная степь. После форсирования Конки армия за два дня прошли лишь 12 верст. Для лошадей не было корма. Люди и лошади устали от страшного зноя. Пыль, перемешанная с пеплом, не давала видеть даже ближайшие предметы. Голицын собрал военный совет, на котором было решено возвращаться.

Татары и ранее постоянно поджигали степь при подходе неприятеля. Но тут малороссийские недруги Самойловича подали донос Голицыну, что поджег степи был совершен казаками по приказу Самойловича. Князю и его воеводам тоже надо было найти виноватого. Князь наябедничал Софье, и через две недели Самойлович был лишен гетманской булавы.

25 июля 1687 г. на реке Коломане состоялась Рада, на которой «вольными голосами малороссийских казаков и генеральской старшины» был выбран гетман Иван Степанович Мазепа. Его избранию гетманом сильно способствовал князь В. В. Голицын.

Второй поход в Крым князь Голицын начал в феврале 1689 г. Голицын предполагал прийти в Крым ранней весной, чтобы избежать степных пожаров и летнего зноя. 112-тысячное московское войско двигалось медленно. 14 и 16 мая татары пытались атаковать русских, но были отбиты. Лишь 20 мая Голицын подошел к крепости Перекоп. Штурмовать вал на перешейке, а тем более саму крепость Голицын не решился. Вместо этого он завел переговоры с крымским ханом. Эльхадж Селим Гирей поступил резонно: согласился на переговоры, но стал их затягивать под разными предлогами. В районе Перекопа воды не было. В русских войсках начался падеж лошадей, и Голицын вновь был вынужден двинуться назад.

В Москве царевна Софья заявила о большой победе московского войска и назвала Голицына вторым Моисеем, «проведшим людей своих по дну морскому». Но ей уже мало кто верил.

Неудача крымских походов сыграла свою роль в падении Софьи. В августе-сентябре 1689 г. сторонники 17-летнего Петра произвели государственный переворот и взяли всю власть в свои руки. Несколько сторонников Софьи были казнены, князь В.В. Голицын с семьей был отправлен в пожизненную ссылку. Этот очень «мягкий» для Петра приговор был вынесен под влиянием двоюродного брата фаворита – Алексея Борисовича Голицына, который с младенчества Петра служил у него «дядькой». Сама Софья была объявлена «зазорным лицом» и заточена в Новодевичий монастырь, где и умерла в 1704 г.

Три века в России не утихают споры о роли Петра I в русской истории.

К сожалению, в большинстве случаев эмоции историков берут верх над здравым смыслом. На взгляд автора, роль государя нужно оценивать по той пользе, которую он принес государству. Каждое решение государя надо анализировать, рассматривая все альтернативные варианты. Если выбрано оптимальное с точки зрения государственных интересов решение, то оно заведомо хорошо, вне эмоций и так называемых нравственных оценок историка. Немного упрощая вопрос, можно попросту применить современный критерий: эффективность – стоимость.

Если руководствоваться этим критерием, то участие России в Северной войне, строительство Петербурга, Кронштадта и Балтийского флота были оптимальными решениями, альтернативы которым попросту не было. В переводе на обывательский язык эти деяния Петра можно назвать гениальными.

Совсем иначе дело обстоит с Азовскими походами и строительством флота в Воронеже. Термин: «борьба России за выход к морю», столь любимый русскими и советскими историками, здесь явно неуместен. Чтобы выйти в море, надо не только овладеть Азовом, надо еще взять под контроль три пролива – Керченский, Босфор и Дарданеллы. А для этого надо было уничтожить огромную Оттоманскую империю, войска которой 12 лет назад осаждали Вену. Единственно возможный выход России к морю в то время был лишь в устье Невы, но до этого Петр дошел только через 5 лет.

Рассматривать Азовские походы как средство обуздания крымских разбойников тоже нельзя, так как сил и средств для захвата Крыма у Петра опять же не было. А просто навести страх божий на крымского хана могли бы и казаки. Да заплати Петр донцам и запорожцам одну десятую процента от затрат на Азовские походы и строительство, так они бы запалили Крым с четырех концов, как это делали раньше и без помощи России. При этом можно было избежать конфликта с Турцией. Мол, казаки – люди вольные, пускай султан сам с них и спрашивает.

Увы, Азовские походы следует считать лишь «воинской потехой» 23-летнего недоросля и его компании с Кукуя. Как писал сам Петр: «Шутили под Кожуховым[4], а теперь под Азов играть едем».

В январе 1695 г. Петр приступил к подготовке к первому Азовскому походу. В феврале начался сбор поместной конницы (дворянского ополчения) в Белгороде. При этом с целью дезинформации был пущен слух, что царь с войском пойдет на Крым. 4 марта из Москвы пешком вышли во главе с Патриком Гордоном семь стрелецких и Бутырский полки. В Тамбове к ним присоединились четыре солдатских полка. Провиант и

снаряжение заготавливались в Воронеже и доставлялись вниз по Дону. 24 июня 1695 года войска Гордона стали лагерем под Азовом, но, ожидая прибытия главных сил, боевых действий не начинали.

Основные силы под командованием Ф.А. Головина, Франца Лефорта и самого Петра вместе с артиллерией в конце апреля сели на струги на Москве-реке. По Оке они дошли к 19 мая до Нижнего Новгорода, затем спустились по Волге до Царицына, а оттуда добрались сухим путем до казачьего городка Паншина на реке Дон, где снова сели на струги и поплыли вниз. 29 июня флотилия Петра приблизилась к Азову, где уже стояли войска Гордона.

Со времени ухода донских казаков турки основательно укрепили Азов. Крепость была окружена каменными стенами. Перед стеной возвышался земляной вал и был прорыт ров с деревянным частоколом. На расстоянии в полверсты от основных укреплений крепости было насыпано еще два земляных вала. А в трех верстах от крепости на берегах Дона в 1663 году турки построили две большие каменные башни, так называемые каланчи. Между каланчами были протянуты три железные цепи, перегораживающие выход судам из Дона в море. На берегу Мертвого Донца (северного рукава Дона) по повелению султана Магомета IV построили форт Лютик. Это было очень прочное и надежное каменное сооружение четырехугольной формы, обнесенное земляным валом и окруженное рвом, заполненным водой. По углам форта возвышались четыре башни, внутри находились помещения для гарнизона.

Взять Азов штурмом и сходу шансов почти не было. Поэтому русские начали правильную осаду крепости. 7 июля русские осадные батареи начали обстрел Азова. На одной из батарей в течение двух недель бомбардир Петр Алексеев сам начинял гранаты и бомбы и сам стрелял, а потом записал о своей службе: «Зачал служить с первого Азовского похода бомбардиром».

Для атаки каланчей кликнули охотников (добровольцев) из донских казаков. За участие в операции каждому было обещано по 10 рублей. Сумма, кстати, по тем временам немалая. 14 июля казаки взяли одну каланчу, в ночь с 14 на 15 июля турки оставили и вторую. В каланчах русские нашли 32 турецкие пушки.

Турки не остались в долгу. 14 июля к ним бежал голландский матрос Яков Янсен, состоявший на русской службе. Янсен рассказал, что днем, во время сильного зноя, русские ложатся спать. В полдень 15 июля турки скрытно вышли из крепости. Впереди них шел русский раскольник, который на окрик часового назвался казаком. После этого турки

стремительно ворвались в траншеи, чем вызвали панику в русских войсках. Лишь через несколько часов Гордону удалось отбить у турок захваченные траншеи. Однако к этому времени турки увезли в Азов 9 полевых пушек и испортили много осадных орудий.

5 августа Петр приказал идти на штурм. Для этого было отобрано 4500 охотников. Туркам удалось отбить штурм и нанести большие потери русским.

Кукуйские немцы предложили Петру подвести подкоп под стены крепости и взорвать мощную мину. 16 сентября мина была взорвана, но подкоп провели не туда. Турки не пострадали, а у русских было 30 человек убито и свыше 100 ранено. Сделали еще один подкоп. Взрыв второй мины стоил русским войскам сотни убитых и раненых. Турки же только посмеивались. Повторный штурм также кончился неудачей.

27 сентября на военном совете было принято решение снять осаду и отступить. 22 ноября царь Петр с торжеством вступил в Москву. Было объявлено о большой победе над турками. Две башни (каланчи) объявили городом Новосергиевском, который де был успешно взят.

На самом деле победы были, да вот царь Петр к ним отношения не имел. В мае 1695 года русский отряд под началом боярина Б.П. Шереметева и гетман Мазепа с казаками двинулись от Переволочной к турецкой крепости Кызыкермень, расположенной на Днепре в районе современной Каховки. Шереметев и Мазепа шли степью, а по Днепру к Кызыкерменю на чайках поплыли запорожцы под началом кошевого атамана Максима Самойленка.

25 июля русские начали осаду Кызыкерменя. После пяти дней непрерывной бомбардировки в городе возникла сильные пожары. 30 июля была взорвана одна из башен крепости, и русские пошли на штурм. После пятичасового боя турки сдались. В качестве трофеев Шереметев получил 12 медных турецких пушек, кроме того, несколько пушек взял себе Мазепа. Затем боярин и гетман решили до основания разрушить Кызыкермень. Башни и стены крепости были взорваны, а все, что могло гореть, сожжено.

Тем временем запорожцы осадили турецкую крепость Мустрит-Тавань, или, как ее часто называли, просто Тавань. Узнав о сдаче Кызыкерменя, защитники Тавани тоже капитулировали. После этого турецкие гарнизоны и жители двух малых турецких крепостей Асламкерменя и Мубекеккерменя бежали в Крым, бросив в крепостях большие пушки.

Шереметев и Мазепа не стали разорять Тавань, а наоборот, превратили крепость в свой опорный пункт. Там было оставлено несколько сотен

малороссийских[5] и 600 запорожских казаков.

В ответ крымский хан в конце января 1696 г. напал на район Полтавы, сжег Миргород и монастырь Спаса на реке Орели.

Неудача под Азовом не смутила молодого царя. Наоборот, он с удвоенной энергией стал готовить новый поход. В феврале 1696 г. Петр прибыл в Воронеж строить флот. В качестве образца для строительства галер была использована купленная в 1694 г. в Голландии галера. Из Голландии ее доставили в Архангельск на торговых судах в разобранном виде. Там ее части перегрузили на речные суда и довезли до Вологды, а затем на специальных дровнях – до Москвы. Вместе с галерой прибыл из Голландии и мастер, он имел при себе модель, по которой собирали настоящую галеру. Голландскую галеру собрали к весне 1696 года на Преображенской верфи. Одновременно из сырого, только что срубленного леса заготовили детали для сборки еще 21 галеры и четырех брандеров. За зиму заготовили еще детали для двух галеасов. Собрали галеры и брандеры и спустили их на воду вблизи города Воронежа на правом берегу реки Воронеж в 15 верстах от впадения ее в Дон. Место это было выбрано не случайно: вокруг было много годного для судостроения леса, а глубина реки позволяла пройти к Азову и судам с большой осадкой. Часть судов собирали на Ступинской пристани чуть выше Воронежа.

К апрелю 1969 г. Азовский флот («морской караван») состоял из галеаса «Святой Апостол Петр», 22 галер и 4 брандеров. Командиром кораблей Петр назначил офицеров Семеновского и Преображенского полков, а матросами были солдаты этих же полков. В составе Азовского флота числилось 4225 человек, объединенных в 28 рот (по числу вымпелов).

Кроме боевых судов Петр повелел строить плавсредства для перевозки войск и грузов. К середине апреля 1696 года было построено свыше 1000 судов, 60 морских лодок и 100 плотов. Командовать Азовским флотом Петр приказал Францу Лефорту, присвоив ему звание адмирала, хотя тот никогда ранее не командовал и лодкой.

Во время этой лихорадочной подготовки к войне 29 января тихо и незаметно скончался царь Иван Алексеевич. Теперь Петр не только фактически, но и формально стал единственным властелином России.

23 апреля 1696 г. струги с войсками отправились из Воронежа под Азов. 3 мая двинулись боевые суда, как их называли: «морской караван». Впереди всех шла галера «Принципиум», которой командовал капитан Петр Алексеев.

Первое столкновение с турецкими судами произошло 22 мая в устье

Дона. Казаки под предводительством атамана Фрола Минаева на лодках напали на турецкие суда. Казакам удалось сжечь один корабль и 9 малых транспортных судов, а одно транспортное судно захватить.

С подходом «морского каравана» к 12 июня Азов был блокирован с моря. Одновременно крепость была обложена с суши. 16 июня осадные батареи открыли огонь.

Крымские татары атаковали русский лагерь под Азовом, но были отбиты.

Осадные работы велись прадедовским способом. Параллельно городскому валу насыпали вал такой же высоты и засыпали ров. 17 июня около двух тысяч казаков по собственной инициативе пошли на приступ. Донских казаков вел все тот же Фрол Минаев, а малороссийских – Яков Лизогуб. Казаки овладели городским валом, но внутреннюю цитадель взять не смогли. Тем не менее, на следующий день турки начали переговоры о сдаче. Петр разрешил войскам противника покинуть город с оружием, а населению – с пожитками. Однако туркам пришлось выдать перебежчика Якушку (Янсена).

19 июня русские войска торжественно вошли в Азов. В цитадели было найдено 92 пушки и 4 мортиры. Иностранцев, служивших в русских войсках, особенно поразили большие запасы паюсной икры.

На следующий день после занятия Азова Петр приказал французскому инженеру де Лавалю составить план строительства новой крепости в Азове. Через три дня план был готов и представлен на утверждение военного совета. По этому плану намечалось построить в Азове пять каменных бастионов с равелинами, а на другом берегу Дона, напротив крепости, построить отдельный форт. План немедленно стали приводить в исполнение.

15 августа Петр I покинул Азов и отправился в Москву. В городе был оставлен сильный гарнизон, состоявший из 5597 солдат и 2709 стрельцов. Воеводой Петр назначил стольника князя П. Львова, с ним было два дьяка – В. Русинов и И. Суморoцкий.

Для отвлечения турецких сил от Азова войска боярина Шереметева и гетмана Мазепы должны были атаковать турок в районе Днепро-Бугского лимана. Гетман Мазепа отправил 15 тысяч малороссийских казаков на помощь Петру I под Азов, а сам с остальными казаками 6 июля соединился с войсками Шереметева на реке Коломане. Там боярин и гетман простояли до конца лета, а потом отправились на зимние квартиры.

Запорожские же казаки придерживались иной тактики. В июне 1696 г. 500 казаков с атаманом Чалым вышли на чайках в Черное море. Там казаки

напали на турецкий караван и захватили 8 судов с хлебом для Очакова и 9 судов с разным товаром.

Несколько конных отрядов запорожцев действовало вблизи Перекопа. В связи с этим хан Эльхадж Селим не выполнил указание султана идти всей ордой к Азову. Туда были отправлены 10 тысяч всадников, а сам хан с основными силами расположился между Перекопом и Чонгаром, загородив дорогу в Крым.

30 июня 1740 запорожцев под предводительством кошевого атамана Якова Мороза на чайках вышли в Черное море. В море отряд разделился: 340 казаков с Чалым двинулись к Козлову, а остальные с Морозом отправились на охоту за турецкими судами. Атаман Чалый разорил окрестности Козлова и взял в плен для выкупа 62 состоятельных татар. На обратном пути в Очакове чайки казаков были окружены турецкими галерами. Казакам пришлось высадиться на берег, но там они были окружены татарами. Казаки несколько дней держались в окружении, но затем были вынуждены сдаться. Атаман Чалый был казнен, а остальные казаки обменены на пленных турок и татар.

Яков Мороз несколько дней на 40 чайках крейсировал в море, пока не заметил турецкий караван. В ходе боя было захвачено три судна, на одном из которых были обнаружены письма султана к крымскому хану. При возвращении назад отряд Мороза у Очакова также был перехвачен турецкими галерами. Казаки пристали к берегу, затопили чайки и прорвались в Сечь пешком, приведя с собой 27 пленных турок.

Глава 2
Прутская кофузия Петра Великого

28 июня 1709 г. в сражении под Полтавой русские войска разгромили армию Карла XII. Через 5 дней остатки шведского войска (около 2800 человек) достигли реки Буг на границе русских и турецких владений. Но к этому времени в степи показалась русская кавалерия под командованием генерал-майора Волконского. Начался бой. Из 2800 человек, бывших с королем, на турецкий берег благополучно переправились около шестисот, остальные были перебиты, а четыре офицера и 209 рядовых взяты в плен.

Переправившись на турецкий берег, беглый король отправил в Стамбул члена королевского совета Нейгебауэра. Нейгебауэр от имени Карла XII предложил султану Ахмеду III заключить торговый договор и военный союз против Москвы. Султан приказал Юсуфу-паше, сераскиру Бендер, принять Карла, как гостя Османской империи. Это означало, что турецкая казна брала на себя содержание шведов. Король надолго остановился под Бендерами в специально построенном лагере.

27 июля 1709 г. русский посол в Стамбуле П.А. Толстой в ультимативной форме потребовал от султана выдать короля Карла XII и гетмана Мазепу. Султан Ахмед III отказался. Правда, вскоре вопрос с Мазепой отпал сам собой, поскольку престарелый гетман 22 сентября 1709 г. умер естественной смертью. Его похоронили близ Бендер, но затем гроб выкопали и отправили в Яссы.

14 января 1710 г. султан Ахмет III вручил Толстому ратификационную грамоту, подтверждающую Константинопольский договор 1700 г. Относительно же Карла XII договорились, что он выедет в Швецию через Польшу «только со своими людьми», то есть без запорожцев, подлежащих выдаче русскому царю. Однако Карл XII не собирался покидать турецкую территорию, а применить к нему силу турки не решались. В конце концов, беглому королю предложили 800 кошельков по 500 золотых монет в каждом, только чтобы он уехал, но Карл отказался.

К осени 1710 г. политический маятник в Стамбуле пошел в другую сторону, и 20 ноября 1710 г. султан объявил войну России. По традиции Толстой и другие члены русского посольства были посажены в Семибашенный замок.

Весной 1711 г. крымский хан послал орду в Малороссию. Вместе с

ним выступили запорожцы во главе с Орликом и Гордиенко. Крымцы разорили «слободские городки», но, дойдя до местечка Вололаг, принадлежащего Харьковскому полку, повернули назад к Новобогородицкому и Новосергиевскому городкам на реке Самаре. Гарнизон Новобогородицка оказал отчаянное сопротивление, и татарам с запорожцами пришлось отойти. А малороссийское население Новосергиевска (поселение Вольное) само открыло ворота и выдало царских офицеров. 28 марта 1711 г. татары ушли, оставив в Новосергиевском гарнизон из 500 татар, а также местных и запорожских казаков.

В начале мая 1711 г. войска генерала Бутурлина и гетмана Скоропадского отбили Новосергиевск. Скоропадский получил указ Петра: «…новосергеевских жителей за то, что они отдали свой город хану, выдали государевых солдат и вторично показали изменничество свое, бились против царских войск, казнить десятого человека по жребию, а остальных с женами и детьми отправить в Москву для ссылки»[2].

Летом 1711 г. запорожцы вторглись в Малороссию вместе с крымскими татарами: крымский хан с 10 тысячами татар – на левый берег Днепра, а запорожские атаманы Филипп Орлик и Костя Гордиенко с 5 тысячами казаков – на правый. Замечу, что формально Правобережье продолжало оставаться польской территорией. Но польские паны бежали с правого берега еще в 1704 г. и с этого времени Правобережье контролировалось русскими войсками и местными казацкими полковниками.

Чтобы привлечь на свою сторону как можно больше обывателей, Орлик разослал в города по обе стороны Днепра несколько универсалов и «прелестных писем». Так, несколько писем было отправлено миргородскому полковнику Даниилу Апостолу, однако царь приказал эти письма публично сжечь, а казака, привезшего их, если он окажется запорожцем, посадить на кол.

Гетман Скоропадский отправил против запорожцев войско под началом генерального асаула (есаула) Бутовича. В сражении под Лысянкой гетманские полки были разбиты, а сам Бутович взят в плен.

Атаманы Орлик и Гордиенко захватили несколько местечек и городков и сосредоточили свои силы под Белой Церковью. По показаниям начальника русских войск силы эти были довольно велики: «при запорожцах и городовых козаках, числом до 10 000 человек, были еще татары белогородской и буджицкой орды с ханским сыном салтаном, числом до 20 000 человек, и кроме того поляки и молдаване с “кіевским”

воеводой Иосифом Потоцким и со старостой Галецким, 3000 человек, сторонники Станислава Лещинского и, следовательно, шведского короля Карла XII»[3]. Русских же солдат в Белой Церкви было всего лишь 500 человек, да еще несколько верных царю белогородских казаков. Однако штурм крепости в Белой Церкви не удался. Бригадир Анненков повел русских солдат на вылазку, в результате чего казаки, татары и ляхи были разбиты и бежали, потеряв не менее тысячи человек.

Кроме того, семь тысяч запорожских казаков под предводительством польского воеводы Иосифа Потоцкого вместе с крымским ханом Девлет-Гиреем в том же 1711 году дошли до города Немирова и до «тамошних слобод», но были разбиты русскими войсками, потеряв около 5000 человек. При этом начальник русских войск генерал Рене освободил из рук татар и разослал по домам около 10 тысяч пленных малороссов.

Набеги татар и запорожцев не были главными событиями 1711 года.

25 февраля 1711 г. в Успенском соборе Кремля в присутствии Петра I был зачитан манифест о войне с Турцией. Петр решил лично возглавить поход против турок. Он настолько был уверен в успехе, что взял с собой супругу Екатерину. Заметим, что это была не прихоть царя, у которого всегда хватало метресс, а хорошо продуманный политический шаг. Дело в том, что царю с Екатериной Алексеевной пришлось тайно обвенчаться 6 марта 1711 г. Зачем самодержцу потребовалось держать свой брак в тайне? Ведь Петр всегда плевать хотел на мнение своих подданных. Но тут ситуация была слишком уж скандальная. Марта Скавронская родилась в 1686 г. в семье чухонского крестьянина в Лифляндии. В 16-летнем возрасте она вышла замуж за трубача шведской армии, поэтому позже ее часто называли Трубачовой. В августе 1702 г. Мариенбург, где жила Марта, был занят русскими. Марта стала наложницей русского драгуна, позже она перебралась к генералу Р.Х. Бауэру, от него – к фельдмаршалу Б.П. Шереметеву. Меншиков выпросил красотку у фельдмаршала, а от Алексашки Марта в конце 1703 г. перешла к Петру. В 1705 г. Марта сменила веру на православную и стала Екатериной Алексеевной.

27 января 1708 г. Екатерина родила Петру дочь Анну, а 18 ноября 1709 г. – Елизавету, а родившиеся в 1705 г. близнецы Петр и Павел, и в 1707 г. дочь Екатерина умерли в младенчестве. Ситуация осложнялась тем, что Марта-Екатерина не была разведена со шведским трубачом. Петр планировал вернуться из победоносного похода на турок и официально представить Екатерину как сподвижницу его великих дел, чтобы иметь хоть какое-то основание для возведения ее в сан императрицы.

Отправляя армию к южным границам, Петр не имел детального плана

кампании.

5 июня 1711 г. армия Шереметева подошла к реке Прут, а 12 июня к ней присоединился сам Петр с гвардейскими полками. На военном совете было решено медленно идти вниз по течению реки и «вдаль не отдаляться».

8 июля начались стычки с турецко-татарской конницей. К этому времени в основной группировке русских войск было 38 246 человек при 122 орудиях[6].

Как потом утверждал Петр, численность войск противника достигала 270 тысяч человек. На самом деле их было в 2–3 раза меньше. Командовал турками великий визирь Балтаджи Мехмед-паша.

9 июля турки атаковали войско Петра. В этот день у русских было убито: генерал-майор Видман, офицеров – 44, нижних чинов – 707. Взято плен и пропало 3 офицера и 729 нижних чинов. Потери турок по русским, явно произвольным, данным составили 7 тысяч человек.

Утром 10 июля сражение возобновилось, но до рукопашной дело не дошло, а ограничилось артиллерийской дуэлью. Положение русских было плачевным: в армии не хватало продовольствия, начался падёж лошадей. По решению военного совета к туркам с предложением о перемирии был отправлен гвардейский унтер-офицер Шепелев. Турки колебались. К вечеру к великому визирю отправился вице-канцлер П.П. Шафиров. В данной ему инструкции Петр писал: «В трактовании с турками дана полная мочь господину Шафирову, ради некоторой главной причины…». А главной причиной был панический страх, охвативший царя. Петр соглашался отдать туркам все завоеванные у них города, вернуть шведам Лифляндию и даже Псков, если этого потребуют турки. Кроме того, Петр обещал дать Махмеду-паше 150 тысяч рублей, а другим начальным людям еще более 80 тысяч. Но выплатить такие огромные деньги было нереально, так как армейская казна была почти пуста. И тогда Екатерина спасла положение. Она отдала на подкуп турецких сановников все свои драгоценности, а это десятки тысяч золотых рублей. Кроме того, собрали все деньги, бывшие в войсках. Как писал датский посол Юста Юля: «Как рассказывали мне очевидцы, царь, будучи окружен турецкой армией, пришел в такое отчаяние, что как полоумный бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить не слова. Большинство окружавших его думало, что с ним удар».

Однако беспокоился царь зря. Визирь не устоял перед деньгами и согласился на мир на довольно сносных для России условиях, причем турки не собирались вмешиваться в русско-шведские отношения.

На мой взгляд, не следует забывать, что турки равно не хотели усиления как России, так и Швеции. Ведь Северная война велась Швецией не из-за Нарвы и побережья Финского залива, а из-за господства над огромной, хотя и слабой, Речью Посполитой, Данией, Саксонией и др. Это только для Петра устье Невы казалось пупом земли. Именно поэтому турки хранили строгий нейтралитет, когда шведская армия шла к Полтаве. И не исключено, что в случае разгрома русских под Полтавой турки стали бы помогать Петру.

Таким образом, в условиях, предложенных великим визирем, были только уступки Турции, а о территориальных уступках Швеции не было ни слова. Наоборот, Османская империя была заинтересована в продолжение Северной войны и во взаимном обескровливании сторон.

Согласно условиям мирного договора[7], Петр срыл укрепления Таганрога и вернул Азов туркам. На Днепре русскими были срыты Каменный Затон и Новобогородицкая крепость.

Царь обещал «запорожских козаков оставить в полном покое и не “вступаться” в них. “Его царское величество весьма руку свою отнимает от козаков с древними их рубежами, которые обретаются по сю сторону Днепра и от сих мест и земель, и фортец и от полуострова Сечи, который сообщен на сей стороне вышеупомянутой реки”»[4]. То же самое касалось и казаков-некрасовцев.

Петр обещал вывести все свои войска из Речи Посполитой. Особенно волновали турок русские полки на Правобережье.

Узнав об окружении русского войска на Пруте, Карл XII помчался прямо туда. Он без остановки проскакал верхам 120 верст, мечтая увидеть капитуляцию Петра I. Однако король пришел в неистовую ярость, увидев уходящее с барабанным боем русское войско. Карл кинулся с упреками к великому визирю Балтаджи: «Разве не от тебя зависело отвести царя пленным в Стамбул?!» Визирь получил от русских громадную взятку и, будучи в отличном настроении, сострил: «А кто бы управлял государством в его отсутствие? Не подобает, чтобы все короли были не у себя дома». Прутский договор не устроил ни Россию, ни Турцию, и еще два года страны балансировали на грани новой войны. Естественно, что Карл прилагал все усилия, чтобы вынудить султана начать войну.

Неудача на Пруте погубила Азовский флот. После сдачи Азова 3 корабля и 20 мелких судов отвели из Азова к Черкасску, корабль «Шпага» за ветхостью сожгли, корабли «Гото Предестиниция» и «Ласточка», шнявы «Мункер» и «Лизет» сначала хотели провести вокруг Европы на Балтику, а

затем продали Турции. Суда, отведенные в Черкасск, были сломаны в 1716 г. С 1712 по 1727 год были разобраны и все корабли, стоявшие на стапелях в Таврове. Однако большая часть их орудий, якорей и др., а также сами верфи в Таврове были законсервированы.

Так закончил свое существование Азовский флот, в составе которого было почти 500 судов различных классов и типов, в том числе 35 двухпалубных и 48 однопалубных кораблей, 23 фрегата, 7 шняв, 10 бомбардирских судов, 9 брандеров, 11 яхт, 10 галиотов, 200 бригантин, 70 палубных ботов, 1 тартана, 4 качи и 70 больших лодок.

Таким образом, Петр Великий одержал ряд блестящих побед над шведами и прорубил на севере «окно в Европу», но на юге все его предприятия закончились крахом. Россия не только не получила выхода к Черному морю, но еще и потеряла земли Запорожского войска.

Глава 3
Война 1768–1774 годов

Как уже отмечалось, всю историю Турция и особенно ситуацию в Греции в XV–XIX веках наши историки написали на 99,9 % на основе западноевропейской и русской, как бы помягче сказать, «пропаганды военного времени». Ну а в военное время лгать не только можно, но и нужно, дабы вводить неприятеля в заблуждение, воодушевлять собственное население платить военные налоги, вести войну до победного конца и т. п. Турецкой историей нас никто не баловал. Буду самокритичен – и в моих предыдущих книгах есть хоть и меньшие, чем у других наших историков, элементы необъективности по отношению к туркам.

Это постепенно начинают понимать и историки Западной Европы. Так, Кэролайн Финкель пишет: «В работах по истории Османской империи XIX века слишком часто говорится о возникновении национальных движений на Балканах как о неизбежном результате “плохого правления” турок в этом регионе и утверждается, что балканские христиане якобы столетиями оказывали героическое сопротивление османскими завоевателям, ожидая, когда наступит подходящий момент, чтобы окончательно освободиться. Но такое мнение обходит стороной и сложные исторические процессы, которые привели к расчленению империи, и события, имевшие прямое отношение к формированию каждого из государств, появившихся на ее территории в XIX веке и в начале XX столетия»[5].

Добавлю от себя, при «плохом управлении» в государстве происходит восстание всех основных национальностей, а восстание одной национальности или народности чаще всего является коростолюбивой игрой элиты при слабости центральной власти.

В XVIII веке в Оттоманской империи мы повсеместно видим сепаратистские движения, но в большинстве своем они не национальные, а религиозные. Возьмем тот же Египет, где власть медленно, но верно захватывала мамлюкская аристократия.

Но перейдем конкретно к грекам. Вот что пишет о ситуации в Греции доктор исторических наук Г. Л. Арш: «Греческие крестьяне и ремесленники были обложены тяжелыми налогами. Они отдавали завоевателям все, чем была богата греческая земля. Полное бесправие, гражданская неполноценность характеризовали положение греков во времена турецкого

господства. Даже в официальных документах греки и другие христиане назывались “портой райей”, т. е. стадом. Особенно широкий размах злоупотребления и притеснения пашей достигли в XVII–XVIII веках, во время прогрессировавшего упадка Османской империи»[6]. Вот бы спросить многоуважаемого Григория Львовича, а он сравнивал уровень жизни русского или польского крестьянина с греками. Так и не понял господин Arch, что у греческого крестьянина было куда больше прав, чем у русских или польских крестьян. Или что, русские чиновники меньше взяток брали, чем турецкие? А как польские паны в веке просвещения (то есть XVIII веке) своих крестьян на кол сажали или шкуру с живых сдирали, оный господин совсем забыл.

Да, греческие крестьяне платили подати. Да, был произвол пашей. Но вот крепостного права ни русского, ни польского образца в Греции не было.

А вот что пишет британский историк Стивен Рансимэн: «Распространение власти одной великой Империи над всем Ближним Востоком разрушило национальные барьеры для торговли. Несмотря на корыстолюбие местных правителей, торговля процветала по всей Империи; все больше купцов с Запада приезжало в турецкие порты для закупки шелка и ковров, оливок и сухофруктов, трав, припав и табака, которые производились здесь. Сами турки не испытывали склонности к предпринимательству, и они изгнали итальянцев, которые в прежние времена занимали преобладающее положение в левантийской торговле. Торговая деятельность была предоставлена подчиненным им народам – евреям, армянам, сирийцам и грекам; греки, в первую очередь по той причине, что они были самыми лучшими моряками, заняли здесь первое место. В их среде всегда было много бедняков. Большинство греческих крестьян, как в Европе, так и в Азии, с трудом поддерживали свое существование на неплодородной земле. Но там, где природа была щедрее, как на горе Пелион с ее полноводными ручьями, возникли процветающие общины; небольшие производства объединялись вместе в ассоциации или корпорации. Шелк из Пелиона стал известен к концу XVII в., а те, кто его производил, пользовались особыми привилегиями со стороны султана. В Амбелакии в Фессалии и в Навусе в Западной Македонии существовало процветающее производство хлопка. В то же время торговля мехом в Империи сосредотачивалась вокруг македонского города Кастория, жители которой закупали мех на далеком севере и шили из него в своих мастерских шубы и шапки. Крестьяне, работавшие на табачных плантациях Македонии, не испытывали особого угнетения, хотя основная часть денег уходила турецким помещикам. Не только местное судоходство вокруг

Константинополя и процветающая рыбная торговля находились в руках греков и христиан-лазов, которые, будучи православными, шли наравне с греками, но и перевозка грузов по восточному Средиземноморью производилась судовладельцами-греками, жившими на островах Эгейского моря, в Идре и Сиросе. Греческие купцы везли мальмское вино на рынки Германии и Польши или закупали хлопок и специи на Среднем Востоке для перепродажи. Но настоящее состояние можно было сделать в больших портовых городах: в Смирне, Фессалонике и, в первую очередь, в самом Константинополе. Коран, а также собственное нерасположение турок к банковскому делу привели к тому, что они мало им интересовались. В скором времени евреи, и в еще большей степени греки, стали банкирами и финансистами Империи»[7].

Греческие купцы, совершая деловые поездки в города Западной и Центральной Европы, подолгу жили там, обзаводились домами, зачастую оставаясь навсегда. Греческие торговые колонии возникли в Вене, Пеште, Лейпциге, Амстердаме, Ливорно, Триесте и в других городах. В России центром греческой эмиграции с середины XVII века стал город Нежин. Здешней греческой общине, состоявшей в основном из жителей Эпира и Македонии, правительство России предоставило большие привилегии.

Греки, проживавшие в городах Западной Европы и России, вступали в контакты с властями и разведками этих стран и предлагали им различные способы расчленения Турецкой империи.

Я долго пытался найти в отечественной и зарубежной литературе данные об исламизации Греции. Удалось найти лишь общую численность греков, исповедующих ислам на начало третьего тысячелетия. По разным данным эта величина колеблется от 1,5 до 2 миллионов человек. Ну, пусть 200 лет назад их было в четыре раза меньше, и то получается не меньше полумиллиона. Кроме того, в материковой Греции и на островах Эгейского моря проживало турок и других мусульманских народов, тех же албанцев, арабов, тоже не менее полумиллиона.

Вопреки Аршу в Греции не было насильной исламизации, злодеи-турки не заставляли греков терять «самобытность» и отказываться от их исконной религии. Замечу, что самобытности и исконной религии пантеона Олимпийских богов их насильственно лишали римские императоры, начиная с Константина Великого. И опять же, пока никто не доказал, что православное духовенство в Греции в XVI–XVIII веках до начала Смуты турки преследовали больше, чем крестоносцы и венецианцы в XIII–XVI веках.

Следует заметить, что турки за более чем 300 лет владычества над

Грецией так и не смогли взять под жесткий контроль ряд горных районов – Мани (Пелопоннес), Сули (Эпир), Сфакья (Крит). В социально-экономическом отношении это были наиболее отсталые области Греции. Там сохранялись еще сильнейшие пережитки патриархально-родовых отношений. Управляли этими областями так называемые «капитаны», по русски авторитеты.

В горах действовали банды клефтов. Большинство из них были крестьянами, но встречались и разорившиеся купцы, дезертиры из турецкой армии и т. п. Замечу, что в переводе с греческого «клефт» означает «вор». Я лично не могу провести грань между греческими повстанцами и грабителями. И пусть греки не обижаются, такое было в свое время во всех странах Европы. Вспомним того же Наливайку, Стеньку Разина и Пугачева.

Турецкие власти безуспешно боролись с клефтами. В конце концов, они были вынуждены легализовать отдельные отряды клефтов, поручив им охрану порядка в тех районах, где они действовали. Эти отряды, как бы состоявшие на службе у турок, стали называться арматолами (от итальянского armato – вооруженный). Но грань между арматолами и просто клефтами оставалась весьма условной. Некоторые отряды арматолов, не поладив с турецкими властями, снова становились клефтами.

Но греческие повстанцы-разбойники действовали не только на суше. Если на материковой части Греции турецким властям худо-бедно удавалось контролировать большую часть территории, то на малых островах дело обстояло совсем иначе. Подавляющее большинство населения небольших островов составляли православные. Лишь на нескольких островах, как, например, на Хиосе, жили мусульмане, да и там они не доминировали. На нескольких крупных островах турки построили крепости и содержали гарнизоны, но на большинстве островов османов вообще не было.

Жители многих греческих островов еще в XVI веке начали промышлять пиратством. Как писал в 1785 г. Матвей Коковцев[8]: «Жители острова Индрос [Идра – А.Ш.] по бесплодию своего острова склонны к разбоям».

В 1692 г., то есть за 76 лет до описываемых событий, английский офицер Робертс потерпел кораблекрушение в мыса Иос и был взят в плен греческими пиратами. Несколько лет он служил кананиром на пиратских кораблях, а затем, вернувшись в Англию, написал воспоминания. Они вошли в «Собрание необычных путешествий, изданное капитаном Уильямом Хакке», четыре тома которых вышли в Лондоне в 1699 г.

Робертс писал, что греческие пираты зимовали обычно от середины декабря до первых дней марта на островах Эгейского моря, охотнее всего

на Паросе, Антипаросе, Мелосе и Иосе. Затем они перебирались на обрывистый и изобилующий удобными и укромными бухтами остров Фурни, расположенный между Самосом и Икарией. На холме выставлялся часовой, он подавал сигнал маленьким флажком при появлении в море какого-нибудь паруса. Тогда пиратские суда выскакивали из узкого выхода из бухты на востоке острова Фурни и устремлялись к Самосу на перехват купца.

Точно также пираты действовали всю весну и первую половину лета у островов Некария, Гайдарокиси и Липса, с учетом их географических особенностей. В июле они, как правило, перебирались к Кипру, Родосу и Египту – поближе к Сирии, и там занимались ремонтом своих судов и сбытом награбленного.

Осень пираты снова проводили в засадах, а зимой разбредались по своим селеньям к женам и детишкам с тем, чтобы весной начать все сначала. Любопытный штришок – все православные церкви острова Иос были построены на благочестивые пожертвования пиратов.

Лишь наиболее отчаянные парни выходили на промысел зимой в штормовое море. Но добыча в это время года была невелика, и пираты в основном грабили побережье. В «Описи государственных документов» Венеции сохранилось письмо губернатора Занте (так итальянцы называли греческий Закинф), датированное 1603 годом. В письме губернатор жаловался на пиратов, серьезно подорвавших венецианскую торговлю тем, что «они выходят в море даже в середине зимы и в самую бурную погоду благодаря маневренности своих кораблей и мастерству своих моряков».

Греческие пираты создали на островах Эгейского моря десятки больших и малых баз. Пираты, писал Робертс, «заполонили своими гребными лодками все уголки Киклад и Мореи и превращали в свою законную добычу любой корабль, неспособный к защите, или входили ночью в селения и жилища на ближайшем побережье, забирая все, что они могли найти. Суда этого типа, называемые здесь траттами, кишели в каждой бухте; они длинные и узкие наподобие каноэ; 10, 20 или даже 30 человек, каждый вооруженный мушкетом и пистолетом, гребли с большой быстротой, а когда ветер был благоприятным, использовали также маленькие мачты с латинскими парусами».

Союзниками греческих пиратов были мальтийские рыцари. Начиная со второй половины XVII века Мальта превратилась в один из крупнейших невольничьих рынков Средиземноморья. Риторический вопрос – как верхушка ордена смогла обеспечить себе сказочное богатство, располагая островом, длина которого всего 25 км? На какие шиши, пардон, строился

мощный флот, возводились роскошные здания? Спору нет, мальтийские рыцари обладали поместьями за рубежом, шли пожертвования, но, увы, основной статьей дохода рыцарей оставалось пиратство и работорговля.

Мальтийские рыцари не видели в греческих пиратах конкурентов, а наоборот, давали приют их кораблям и командам. Мальта настолько прославилась пиратством, что французские моряки называли остров Иос (Кикладские острова), бывший пристанищем греческих пиратов, «Маленькой Мальтой».

Как видим, во владениях Османской империи на берегах Адриатического, Ионического и Эгейского морей скопилось немало взрывчатого материала.

Вступив на престол, Екатерина II ни на секунду не сомневалась, что рано или поздно ей придется воевать с турками. Надо признать, она всеми силами пыталась оттянуть войну, но с первых дней своего царствования стала готовиться к войне с османами.

В исторической литературе давно идет спор о том, кто был автором плана нанесения удара по Турции со стороны Средиземного моря. Большинство авторов склонны приписывать эту идею Григорию Орлову. Я же считаю, что автором этого проекта была сама Екатерина, хотя и допускаю, что на это ее натолкнули англичане.

До Екатерины русские как военные, так и торговые суда не заплывали в Средиземное море. И вот в 1763 г. тульский купец Владимиров ни с того, ни с сего организует акционерную компанию с капиталом в 90 тыс. рублей (!) для торговли со странами Средиземноморья. А новая царица, едва-едва сидящая на троне, вступает в число акционеров компании и дает ей 10 тыс. рублей. Мало того, 23 октября 1763 г. в Петербурге специально для похода на Средиземное море закладывается фрегат «Надежда Благополучия». Уже 4 июня 1764 г. фрегат был спущен на воду, а в августе вышел из Кронштадта под торговым (купеческим) флагом[8] с грузом железа, полотна, канатов и т. д. Тем не менее, экипаж состоял из военных чинов, фрегат нес полное артиллерийское вооружение – 34 пушки.

В декабре 1764 г. «Надежда Благополучия» прибыла в Ливорно. Товары были выгружены, а взамен принят груз сандалового дерева, свинца и макарон. 12 сентября 1765 г. фрегат благополучно вернулся в Кронштадт.

Больше «компаньоны» судов в Средиземку не отправляли. Официальные источники умалчивают, какие убытки понесла компания в ходе этого похода. Понятно, что это была чисто разведывательная акция, а торговая компания служила крышей. Да и стоял фрегат в Ливорно около полугода, что просто разорительно для обыкновенного купца. По приходе

«Надежды Благополучия» в Кронштадт выяснилось, что подводная часть наружной обшивки фрегата из досок дюймовой толщины была источена червями, и ее целиком пришлось сменить. Следовало учесть это на будущее, что и не преминули сделать, когда началась подготовка Архипелагской экспедиции («Архипелажной», как ее тогда называли).

Разведка на Средиземном море велась неспроста. Еще в 1736 г. русский посол в Константинополе Вешняков утверждал, что восстание балканских христиан и русская помощь им оружием – самый верный путь для победы над Турцией.

В 1763 г. по приказу императрицы Григорий Орлов отправил к «спартанскому» народу двух греков – Мануила Саро и артиллерийского офицера Папазули. Саро возвратился из своей поездки в мае 1765 г. и привез известие, что «спартанский народ христианского закона и греческого исповедания, и хотя живет в турецких владениях, но туркам не подчинен и их не боится, а даже воюет с ними. Живет в горах и в таких малодоступных местах, что турки и подступиться к нему не могут». Повсеместно как простые греки, так и их старшины выражали Саро и Папазули желание подняться против турок при первом появлении русских кораблей. Саро писал: «По моему усердию смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольное число; завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки – народ смелый и храбрый».

С началом войны Екатерина смогла уже открыто обратиться к балканским христианам с призывами к восстанию. 19 января 1769 г. был обнародован «Манифест к славянским народам Балканского полуострова». Там говорилось: «Мы по ревности ко православному нашему христианскому закону и по сожалению к страждущим в Турецком порабощении единоверным нам народам, обитающим в помянутых выше сего областях, увещеваем всех их вообще и каждый особенно, полезными для них обстоятельствами настоящей войны воспользоваться ко свержению ига и ко приведению себя по прежнему в независимость, ополчась где и когда будет удобно, против общего всего христианства врага, и стараясь возможный вред ему причинять».

Несколько аналогичных посланий было направлено и к грекам.

Екатерина II и ее окружение прекрасно понимали, что без поддержки русских регулярных сил любое восстание в Греции и на Балканах не только заведомо обречено на поражение, но и даже не способно будет оттянуть на

себя значительное число османских войск. Поэтому Екатерина приняла смелое решение послать эскадру за 8 тысяч верст в Восточное Средиземноморье, куда еще никогда не заплывали русские суда. Мы помним, что даже «Надежда Благополучия» не пошла далее Ливорно.

В состав эскадры вошли семь кораблей («Европа», «Святослав», «Св. Евстафий Плакида», «Трех Иерархов», «Св. Иануарий», «Северный Орел» и «Трех Святителей», из которых «Святослав» был 80-пушечный, а остальные – 66-пушечные). Кроме того, в составе эскадры был фрегат «Надежда Благополучия», 10-пушечный бомбардирский корабль «Гром», четыре 22-пушечных пинка «Соломбала», «Лапоминк», «Сатурн» и «Венера» (в ряде документов они именовались транспортами), а также два пакетбота – «Летучий» и «Почталион».

Эскадра получила название «обшивная», поскольку корпуса всех ее судов были обшиты снаружи дополнительным рядом дубовых досок с прокладкой из овечьей шерсти, чтобы подводную часть не источил морской червь, как это произошло с «Надеждой Благополучия». Естественно, что обшивка уменьшала скорость хода и увеличивала осадку судов.

Артиллерию эскадры составляли 640 пушек. Помимо личного состава (3011 человек), на судах находились взятые сверх нормы десантные войска – 8 рот Кексгольмского пехотного полка и 2 роты артиллеристов, мастеровые для ремонта кораблей и артиллерии, в общей сложности 5582 человека.

Командовать русскими силами на Средиземном море императрица поручила своему 34-летнему фавориту Алексею Орлову, убийце императора Петра III.

Алексей решил высадить первый десант в греческом порту Витулло[9] на полуострове Майна. Жители этого полуострова (майноты) существовали главным образом грабежом и разбоем и никогда не признавали над собой власти турок.

18 февраля 1770 г. в Витулло с Мальты прибыла эскадра Спиридова, в составе которой были корабли «Св. Евстафий», «Св. Иануарий», «Трех Святителей»; пинк «Соломбала» и пакетбот «Летучий».

Первая партия, названная Восточным легионом, состояла под начальством пехотного капитана Баркова. Барков имел под своей командой поручика Псаро – природного грека, одного сержанта и двенадцать русских солдат с небольшим числом майнотов. Он получил от графа Федора Орлова приказание идти в Пассаво и там собрать майнотов и других греков, которыми нужно было пополнить этот легион. Через три дня, по прибытии его в Пассаво, то есть 21 февраля, к нему присоединились семь майнотских

и греческих капитанов, партии которых усилили отряд Баркова до 1200 человек. 26 февраля капитан Барков пошел прямо на город Миситру (древнюю Спарту).

После девятидневной блокады вода, проведенная в крепость простым водопроводом, была отрезана, и турки принуждены были сдаться. Они охотно согласились сложить оружие, отдать все имущество, обязались не служить более в эту войну против русских и только просили свободного пропуска из Мореи. 8 марта 3500 вооруженных турок (видимо, не только солдат, но и вооруженных жителей) вышли из ворот Миситры и сложили оружие.

Далее, чтобы избежать обвинений в тенденциозности, процитирую Журнал капитана-командора С.К. Грейга[10]: «Но только что обезоружение их было закончено, как майноты, не знавшие законов войны, свято соблюдаемых между образованными народами, и ослепленные успехом, предались остервенению и с совершенным бесчеловечием начали резать и убивать беззащитных турок, мужчин, женщин и детей. Капитан Барков с 12 русскими солдатами с величайшим самоотвержением старался прикрыть и защитить турок, но без успеха: греки перебили их более тысячи человек. Наконец Баркову с большим трудом и опасностью удалось привести остальных турок в предместье и расположить в греческих домах; он строго приказал им завалить двери и окна и для охранения их расставил на часы всю свою малочисленную дружину. Остервенение майнотов было до того велико, что они начали стрелять из ружей по русским часовым. Капитану Баркову осталось тогда только одно средство, чтоб отвлечь их ярость, – предать им опустелый город на разграбление. Этим ему удалось спасти несчастных турок, которые иначе, наверно, были бы лишены жизни. Между тем как майноты грабили город, несчастные старались скрыться; но, к сожалению, и эта мера оказалась недействительною: отряды майнотов, предпочитавших мщение и кровь богатой добыче, бросились за бегущими турками и множество истребили их по дороге. Настоящее число убитых здесь турок неизвестно; но вообще из них спаслись весьма немногие. Число турок, со включением жен и детей, доходило до восьми тысяч».

В Греции не было турецких анклавов или христианских гетто. Так что в Спарте повстанцы вырезали не только этнических турок, но и греков, принявших мусульманство, евреев, албанцев и т. д.

Вскоре отряд Баркова возрос до 8 тысяч человек как за счет греков, так и русского десантного отряда при двух полевых пушках. Барков со своим войском двинулся к городу Трополица. По прибытии к городу он немедленно потребовал, чтоб губернатор Селим-паша сдался. Греки,

ослепленные прежними удачами и увеличением своих сил, не рассчитывали встретить сопротивление и думали, что паша тотчас согласиться на предложенные условия. Но паша не давал ответа.

Турки, узнав о страшной участи, постигшей гарнизон Миситры, когда он сложил оружие, решили умереть с оружием в руках и скорее защищаться до последнего, чем видеть истязание своих жен и детей. Город не был в состоянии выдержать блокады, и поэтому гарнизон, конный и пеший, вышел из городских ворот. При появлении турок греки решили, что они выходят с намерением сложить оружие, и в нетерпении точили ятаганы для возобновления резни. Из донесения капитана Баркова видно, что он был того же мнения и потому больше старался предотвратить повторение ужасной резни в Миситре, чем готовился отразить нападение неприятеля. Но действия турок скоро вывели его из этого заблуждения. Турки начали обход по равнине, чтобы избежать встречи с небольшим отрядом русских, находившимся впереди с двумя легкими орудиями, из которых Барков приказал стрелять при наступлении неприятеля. Со всей яростью отчаяния турки бросились во фланг грекам. Греки, испуганные таким неожиданным нападением, побросали оружие и пустились бежать, не пытаясь даже сопротивляться. Разъяренные турки резали их без пощады, и все, кто могли поднять ятаган или кинжал, бросились из городских ворот, чтобы принять участие в бою.

Капитан Барков, поручик Псаро и горсть русских солдат стояли посреди равнины, оставленные греками. Вскоре их со всех сторон окружили турки. Турки, хотя и одушевленные победой, были, однако, удержаны твердостью и искусными действиями этого небольшого отряда и не осмеливались к нему приблизиться. Окружив русских, они открыли по ним со всех сторон из-за кустарника и больших камней сильный ружейный огонь. Русские держались на месте, пока не потеряли одного сержанта и десять рядовых убитыми и несколько раненых. Заметив, что, куда бы они ни двинулись, турки немедленно отступали, они решились пробиться к тесному дефиле между гор, на той самой дороге, по которой они пришли. Русские вынуждены были бросить два полевых орудия. Из всего отряда только капитан Барков (получивший две тяжелые раны), поручик Псаро, один сержант и двое рядовых достигли тесного дефиле, к которому отступали и за которым турки уже их не преследовали. Поручик Псаро был послан в Миситру, чтобы удержать этот город, а капитана Баркова на лошади привезли в Каламату, а оттуда – на флот. Баркову удалось даже спасти знамя, он приказал снять знамя с древка и опоясался им.

Так кончилась эта экспедиция Восточного легиона. Миситра была все

же удержана майнотами до полного ухода русских из Мореи. Тогда майноты оставили этот город и возвратились в свои горы, увезя с собой все богатства этого района Греции, совершенно ими разграбленного.

Еще раз подчеркиваю, по всей войне 1768–1774 гг. у меня нет турецких источников, и это лишь сокращенная версия доклада Баркова. Нетрудно догадаться, что в Трополице не было крупных регулярных частей турецкой армии, а поражение русским и повстанцам нанесли мирные жители, как турки, так и греки.

Несколько слов следует сказать о попытке графа Орлова захватить крепость Модон недалеко от Наварина, занятого русскими войсками 10 апреля 1770 г. В сражении под стенами Модона греческое ополчение при первом же натиске турок обратилось в паническое бегство. Немногочисленные русские десантники отступали организованно, но были вынуждены бросить всю артиллерию. Затем турки осадили Наварин. Орлов приказал взорвать укрепления Наварина, а войскам эвакуироваться на корабли.

11 июня все корабля русских сосредоточились у острова Милос. Командование флотом принял на себя Орлов, подняв кайзер-флаг на корабле «Трех Иерархов».

В донесение Екатерине Орлов причиной всех неудач выставил поведение греков. Екатерина поверила или, по крайней мере, сделала вид. Она утешала Орлова: «Хотя мы и видим теперь, что Морейская экспедиция не соответствовала своими следствиями мужественному от вас предпринятому ее отверстию по причине сродной грекам трусости, легкомыслия и предательства, кои особливо под Модоном толико пакости причинили».

В ночь с 25 на 26 июня 1770 г. (ст. ст.) русские брандеры атаковали турецкий флот в Чесменской бухте. К утру у турок сгорело 14 кораблей, 6 фрегатов и до пятидесяти малых судов. 60-пушечный корабль «Родос» и 5 турецких галер были взяты в плен.

Глава 4
Архипелажная губерния

Замечу, что тут почти все наши историки ставят точку в рассказе об «Архипелажной эскадре». Между тем русские корабли ушли из Восточного Средиземноморья лишь в первой половине 1775 г. Мало того, Екатерина II перегнала туда с Балтики еще четыре эскадры, чуть ли все, что могло плавать в Балтийском флоте. Чем же они занимались?

Еще 28 июня 1770 г., исправив повреждения, полученные в сражении, русские корабли покинули Чесменскую бухту. 1 июля отряд под командованием контр-адмирала Эльфинстона в составе кораблей «Святослав», «Не тронь меня» и «Саратов», фрегатов «Надежда» и «Африка», пинка «Святой Павел» и трех транспортов пошел к Дарданеллам для установления блокады.

7 июля отряд адмирала Спиридова в составе кораблей «Европа», «Три Святителя», «Иануарий» и фрегата «Святой Николай» двинулись в крейсерство по Архипелагу.

Отряд контр-адмирала Елманова в составе фрегата «Надежда Благополучия», пинков «Венера», «Сатурн» и «Соломбала» стоял с июня по октябрь 1770 г. в Порт Магоне. Там же был организован госпиталь для наших больных и раненых моряков.

Сам Алексей Орлов с кораблями «Три Иерарха» и «Ростислав», бомбардирским кораблем «Гром», фрегатами «Победа», «Слава» и «Парос», а также пакетботом «Почталион» 12 июля пошел к острову Лемнос. 14 июля отряд Орлова по пути осмотрел берега острова Самотраки и двинулся далее к Лемносу. На следующий день отряд Орлова подошел к острову Лемносу, где уже стоял корабль «Три Святителя» из отряда адмирала Спиридова. Орлов хотел захватить остров Лемнос и в бухте Пелари устроить главную базу «Архипелажной» эскадры. Для этого в первую очередь следовало овладеть крепость Пелари. У Орлова сил и так было более чем достаточно, но он тянул 5 дней, находясь вблизи Пелари и дожидаясь подхода судов из отряда Спиридова. Наконец 19 июля подошли суда отряда Спиридова, за исключением корабля «Иануарий», пришедшего к Лемносу 23 июля.

20 июля русские высадили десант на Лемнос и осадили крепость Пелари.

Между тем контр-адмирал Эльфинстон с эскадрой, преследуя турецкие суда, 14 июля вошел в пролив, стал на якорь посреди него и демонстративно под огнем батарей с обоих берегов приказал играть музыкантам и бить в литавры и барабаны. Сам же адмирал сел с офицерами пить чай на палубе. При этом русские корабли не отвечали туркам ни единым выстрелом. В Константинополе эта демонстрация произвела удручающее впечатление. Зато Орлов пришел в ярость и вместо приказа о штурме Дарданелл написал Екатерине донос на Эльфинстона.

В результате Эльфинстону пришлось ограничиться блокадой Дарданелл: кораблем «Не тронь меня» – между Имбро и Румелией; кораблем «Саратов» и фрегатом «Африка» – между Тенедосом и Анатолией; кораблем «Святослав» и фрегатом «Надежда» – между Имбро и Тенедосом.

Блокада пролива была достаточно эффективна. 19 августа фрегат «Африка» отконвоировал к Лемносу целую флотилию захваченных торговых судов. 29 августа «Африка» вернулся к Дарданеллам.

Между тем на Лемносе осада крепости Пелари шла весьма удачно, и турки начали переговоры о капитуляции. 21 августа к острову пришел фрегат «Святой Павел», купленный накануне в Ливорно. Фрегат понравился командующему, и 27 августа Орлов перенес свой кайзер-флаг с корабля «Три Иерарха» на «Святой Павел».

Графу Орлову пришла в голову дурацкая мысль вызвать к себе «на ковер» Эльфинстона, как будто нельзя было письменно снестись с адмиралом, занятым блокадой Дарданелл. А тот был тоже не прост, и 5 сентября отправился к командующему не на легком судне, которых у н его хватало (ехать-то было всего 50 миль по спокойному теплому морю), а на самом сильном корабле «Святослав».

Утром 6 сентября «Святослав» сел на камни у юго-восточной оконечности Лемноса. На корабле открылась сильная течь. Эльфинстон приказал срубить все мачты и выбросить часть тяжестей за борт, но это не помогло снять «Святослав» с камней. На следующий день на помощь флагману подошли суда его эскадры: корабль «Не тронь меня», фрегат «Надежда» и пинк «Святой Павел». 9 сентября Эльфинстон перенес свой флаг на корабль «Не тронь меня», туда же начали свозить и команду «Святослава».

По приказу Орлова к «Святославу» стянулась чуть ли не треть русской Архипелагской эскадры. Так, 12 сентября к «Святославу» подошли шесть греческих корсарских судов. 12–13 сентября от Дарданелл ушли последние остатки эскадры Эльфинстона – фрегат «Африка» и корабль «Саратов».

Теперь блокада Дарданелл была полностью снята. Этим не преминули воспользоваться турки. Алжирский адмирал Хасан набрал из религиозных фанатиков Стамбула 4 тысячи головорезов, вооруженных лишь саблями и пистолетами. Их посадили в гребные суда и скрытно высадили на Лемносе. Воинство Хасана незаметно подошло к позициям русских, осаждавших Пелари, и устроило резню. 26 сентября остатки русских войск были эвакуированы на суда. А на следующий день по приказу Орлова был сожжен стоявший на камнях «Святослав». Понятно, что в иной ситуации корабль можно было спасти. Алжирца же Хасана султан наградил чином капудан-паши.

Непосредственным виновником аварии «Святослава» был английский лоцман Гордон. Но Орлов со Спиридовым пожелали все свалить на Эльфинстона. Кроме того, Эльфинстона обвинили в том, что он де ослабил блокаду Дарданелл, благодаря чему «турки успели перевезти на Лемнос значительные силы, заставившие Орлова прекратить осаду крепости и удалиться с Лемноса».

По приказу Орлова Эльфинстон был с первой же оказией отправлен в Россию, а корабли его эскадры включены в состав эскадры (отряда) Спиридова.

Ряд наших военно-морских теоретиков рассматривают попытку захвата Лемноса лишь как возможность получить базу для флота для «ближней блокады» Дарданелл. По моему же мнению, захват Лемноса был частью плана по прорыву русской эскадры в Дарданеллы. Те же теоретики считают, что при «ближней блокаде» Дарданелл, осуществленной кораблями, базировавшимися на Лемносе, можно было полностью парализовать снабжение Константинополя морским путем, заставить турок заключить мир и т. д. На мой же взгляд, создание военно-морской базы русского флота на острове Лемнос было бы опасно для русских. Остров довольно большой – 480 кв. км, наряду с греками там проживало и турецкое население, хотя преобладало греческое. До проливов было около 60 верст, но до ближайшего острова Имбро – всего 20. Турки могли в ночное время или при безветрии на гребных судах высадить большой десант на Лемнос, и русским пришлось бы плохо. Для ближней блокады Дарданелл нужен был сильный русский гарнизон не только на Лемносе, но и на ближайших островах – Имбро, Самотраки и других. А достаточных сухопутных сил, как уже говорилось, у Орлова не было.

Итак, попытка прорыва русского флота в Проливы провалилась. Надвигалась зима – холода и шторма. О захвате какого-либо порта на материковой Греции нечего было даже и думать. Оставалось захватить

какой-нибудь остров.

Кто предложил выбрать остров Парос главной базой русского флота – неизвестно. Во всяком случае, стратегически он выбран удачно. Парос принадлежит к Кикладским островам (южная часть Эгейского моря) и находится в центре их. Таким образом, владея Паросом, можно легко контролировать Эгейское море и подступы к проливу Дарданеллы, до которого около 350 км. До ближайшей точки полуострова Малая Азия от Пароса 170 км, и туркам высадить десант с материка на остров невозможно, не обеспечив себе господства на море.

15 октября 1770 г. эскадра графа Алексея Орлова в составе кораблей «Три Иерарха», «Ростислав», «Родос», бомбардирского корабля «Гром», фрегатов «Слава», «Победа» и «Святой Павел» прибыла к острову Парос.

24 ноября к Парусу пришли фрегат «Надежда Благополучия» и пинк «Сатурн». К 4 декабря там собрались почти все суда Архипелагской эскадры.

В течение нескольких месяцев конца 1770 г. и начала 1771 г. 27 населенных островов Эгейского моря были заняты русскими или добровольно перешли на их сторону, причем население островов обращалось к командованию эскадры с просьбой принять их в подданство Екатерине II. Фактически в Эгейском море вокруг Пароса образовалась губерния Российской империи.

Несколько слов стоит сказать о самом Паросе. В различные периоды истории его называли Пактия, Миноксо и Ирия. Площадь острова составляет 196 кв. км, длина побережья около 60 км, а максимальная длина острова около 25 км. Для сравнения, площадь Мальты 220 кв. км. На острове преобладают каменистые породы, известняки, много мрамора, за что греки называли Парос Белым остовом.

Парос имеет две большие бухты, удобные для стоянки кораблей. На северном берегу расположена бухта Ауза (Наусса). Ширина входа в нее 800 саженей (1707 м), длина бухты 2700 саженей (5762 м). На юго-восточной стороне острова три небольших островка образуют с Паросом большой рейд Порто Трио. Интересно, что вода, пригодная для питья, была обнаружена русскими именно у этих двух бухт. В прочих местах острова вода «нечиста и нездорова». В Аузе русские сделали водохранилище и провели водопровод.

На Кикладских остовах и в том числе на Паросе постоянные поселения были уже в третьем тысячелетии до нашей эры. В истории есть даже термин «Кикладские идолы», то есть статуэтки XXIV–XV веков до н. э. В античные времена Парос был известен как родина Архилоха (VII в.

до н. э.), основоположника ямбической поэзии.

В XIV–XVII веках Парос несколько раз переходил от византийцев к венецианцам и туркам. На юге острова до сих пор существуют остатки венецианской крепости Сунгон, разрушенной турками в XVII веке.

Подобно ряду других островов Архипелага, в XVII веке и в начале XVIII века Парос был пристанищем пиратов. Уже упомянутый Робертс писал, что только пираты знали секрет входа в бухту, прегражденного большим подводным рифом и старой затопленной насыпью. Между двумя соседними островами – Парос и Антипарос – пираты умудрились построить подводную стену с несколькими узкими проходами, также державшимися ими в строжайшей тайне.

К моменту захвата русскими на Паросе проживало 5 тысяч человек, в подавляющем большинстве православных греков. Они занимались хлебопашеством, виноградарством и овцеводством. Население острова влачило нищенское существование.

Турецких властей на острове не было, и греки радостно приветствовали наши корабли. Русские моряки использовали обе бухты острова – Аузу и Трио, где были оборудованы стоянки кораблей. Но столицей «губернии» стал город Ауза, построенный русскими на левом берегу одноименной бухты.

Первым делом бухта была укреплена, на ее левом берегу построили два редута с каменными брустверами на девять и восемь 30– и 24-фунтовых пушек. На островке у входа в бухту расположили 10-орудийную батарею. Соответственно, была укреплена и бухта Трио.

На левом берегу бухты Ауза возвели здание Адмиралтейства. Да, да! Российского Адмиралтейства! Балтийский флот имел Адмиралтейство в Петербурге, на Черном море Адмиралтейства вообще не было, как не было и флота, а вот на Средиземном море возникло Адмиралтейство для нашего Архипелагского флота. В Аузу из Петербурга были выписаны десятки корабельных мастеров, включая знаменитого А.С. Касатонова, который позже стал главным инспектором кораблестроения. 3 июля 1772 г. адмирал Спиридов выдал Касатонову премию 50 червонцев с объявлением в приказе.

Корабли в Аузе не строили, да и в этом нужды не было, но ремонтировали корабли всех рангов. Зато строили в большом числе малые парусные и разнообразные гребные суда.

Адмиралтейство было видно в море издалека благодаря высокой сигнальной мачте. Рядом с Адмиралтейством выстроились многочисленные флотские магазины (склады), а подальше располагались пороховые склады.

Ну, и как у нас в России, первыми строились особняки из мрамора для местного начальства – контр-адмирала Борисова, бригадира Ганнибала и др.

Аузу заполнили различные административные здания, пекарни, прядильни, казармы матросов. Замечу, что сухопутные войска по каким-то объективным, а скорее субъективным соображениям дислоцировались вне города. Так, казармы Шлиссельбургского пехотного полка располагались на правом берегу бухты Ауза. Чуть дальше находились лагеря греков, славян и албанцев. В глубине острова располагался лагерь лейб-гвардии Преображенского полка.

Между тем на Средиземное море с Балтики прибыло пополнение. 15 июля 1770 г. из Ревеля вышла 3-я Архипелагская эскадра в составе новых 66-пушечных кораблей «Всеволод» и «Св. Георгий Победоносец», а также нового 54-пушечного корабля «Азия». Эскадра конвоировала зафрахтованные британские суда, которые везли в Архипелаг оружие и провиант. Кроме того, на борту этих судов было 523 гвардейца Преображенского полка и 2167 человек пехоты других полков. Командовал эскадрой контр-адмирал Иван Николаевич Арф, приглашенный Екатериной II в 1770 г. из королевского датского флота. Вместе с ним на корабли эскадры было принято несколько десятков датских офицеров и матросов.

В Англии к эскадре присоединился 40-пушечный фрегат «Северный Орел», купленный в Лондоне, с командой с проданного одноименного корабля.

Эскадра Арфа шла по проторенному 1-й Архипелагской эскадрой маршруту: Англия – Менорка.

19 октября эскадра контр-адмирала Арфа в составе кораблей «Всеволод», «Азия» и «Победоносец», фрегата «Северный Орел» и шестнадцати транспортов прибыла в Порт Магон. Корабль «Всеволод», пинки «Венера» и «Соломбала» и три транспорта остались зимовать в Порт Магоне. А остальные суда эскадры Арфа 25 декабря прибыли в российскую военно-морскую базу Ауза.

Плавать в Архипелаге контр-адмиралу Арфу пришлось совсем недолго. Он не поладил с Орловым, и 15 июля 1771 г. граф предложил Арфу отправиться в Петербург. Вместе с контр-адмиралом изъявило желание вернуться в отечество большинство офицеров и матросов датчан с его эскадры. Уведомляя об этом императрицу в своем донесении от 16 июля 1771 г. Орлов просил ее, как особой милости, чтобы в случае отправления новой эскадры из России составить ее из российских матросов, офицеров и командиров, «ибо от своих одноземцев не токмо с

лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего от них долг усердия и любви к отечеству требуют, но еще и в понесении трудов, беспокойств и военных трудностей довольно уже усмотрено между российскими людьми и иностранными великое различие, а притом и неразумение иностранного языка делает невинное несогласие и затруднение».

Контр-адмирал Арф прибыл в Петербург в январе 1772 г. А 31 марта того же года он был уволен Высочайшим указом со службы в Российском флоте, с пожалованием ему единовременной награды в 5 тыс. рублей.

Но вернемся к делам архипелажным. С января 1771 г. стали пользоваться еще одной базой на острове Миконо (в настоящее время Миконос), расположенном примерно в 35 км к северо-востоку от Пароса. 16 января туда прибыл фрегат «Надежда Благополучия», а 21 января – корабли «Азия» и «Победоносец». С этого времени остров Миконо стал вторым по значению пунктом базирования русского флота в Архипелаге после Пароса.

Губерния из 27 островов должна была обеспечивать флот численностью до 50 вымпелов и несколько пехотных полков. Поэтому острова были обложены податью (10-процентным налогом) на хлеб, вино, строевой лес и т. д. Определенная доля налога взималась деньгами. Кроме того, часть этих товаров покупалась русскими властями, но установить пропорцию между оплачиваемыми товарами и собираемыми налогами автору не удалось.

Например, на острове Парос не было леса, поэтому строевой лес доставляли с островов Имбо и Тассо. Замечу, что Имбо находится всего в 17 милях от Дарданелл, и там располагалась передовая база русского флота. В Екатерининской бухте стояли корабли и суда, блокировавшие Дарданеллы. На Имбо жило 3 тысячи греков под управлением епископа, они-то и поставляли лес русским. Остров Тассо имеет 30 миль в окружности. На нем жило 4 тысяч православных греков, ими также управлял епископ.

Замечу, что и на других островах епископы, как православные, так и католики, охотно сотрудничали с русскими властями и исполняли как бы роль городничих в островной губернии. Так, например, на острове Наксия[11] в 4 милях к востоку от Пароса, окружностью 60 миль, жило 6 тысяч греков, как православных, так и католиков, и у каждой общины был свой епископ. С Наксии русские власти получали хлеб, вино, дровяной лес и хлопчатобумажную ткань. Русские власти учредили на острове греческую гимназию, где учились не только наксийцы, но и жители других островов. Забегая вперед, скажу, что в 1775 г. при эвакуации «губернии»,

все учащиеся гимназии (с их согласия) были вывезены в Петербург. Многие из них позже заняли важные государственные посты в России и других странах.

Понятно, что «губерния» все же не могла обеспечить все нужды флота и сухопутных войск. Оружие, обмундирование и продовольствие везли морем из России и Англии, но это выходило крайне дорого. Все, что желали русские, охотно продавали мальтийцы и жители вольного города Ливорно, но и там цены «кусались». Поэтому основным источником снабжения губернии стало пира…, пардон, извиняюсь, корсарство.

С приходом 1-й Архипелагской эскадры к берегам Мореи в море вышли десятки греческих пиратских судов, которые начали нападать на турецкие суда. Собственно, как уже говорилось, ничего нового в этом не было. Средиземное море и до 1769 г. кишело пиратами всех национальностей − варварийскими[12], мальтийскими и т. д. Замечу, что случаи полного уничтожения экипажа и пассажиров судна были часты, но в подавляющем большинстве случаев знатных пленников отдавали за выкуп. Притом условия торга были честными – личность посредника неприкосновенна, а с пленными хорошее обращение. Тех же, за кого выкуп, явно, не светил, включали в состав команд пиратских кораблей, отпускали на волю или продавали в рабство. Вообще в XVIII веке в Восточном Средиземноморье, которое турки называли Белым морем, пиратов считали, в общем-то, достойными людьми, занимающимися полузаконным промыслом.

Кстати, о законности. Уже в XV–XVI веках монархи Западной Европы стали выдавать пиратам каперские свидетельства, которые позволяли им нападать на корабли неприятеля уже на законных основаниях. К середине XVIII века, согласно морским законам, капером считался корабль, который с разрешения правительства снаряжается для военных действий частным лицом и укомплектовывается вольнонаемной командой. Слово «капер» происходит от германского «Caper». У французов каперы назывались корсарами (corsaire), у англичан – приватирами (privateer). Любопытно, что в служебной переписке русские моряки и дипломаты во времена Екатерины Великой использовали все три термина – каперы, корсары и приватеры, подразумевая одно и тоже. Я же, чтобы не путать читателя, буду называть их корсарами.

Суда же корсаров, кроме трех уже перечисленных терминов, назывались крейсерскими. Крейсеры же в современном понимании этого слова в русском флоте появились 1 февраля 1892 г., когда по Высочайшему повелению состоявшие в составе флота казематные фрегаты, корветы и

клипера были переклассифицированы в крейсеры, а башенные фрегаты – в броненосцы береговой обороны.

Замечу, что с петровских времен и до 1892 г. в русском флоте классификация судов (фрегаты, корветы, бриги и т. д.) шла не по их размерам, водоизмещению или артиллерийскому вооружению, а по парусному вооружению. Были и исключения. Так, к примеру, бомбардирские суда отличались от других судов исключительно вооружением. Они имели орудия крупного калибра: две 5-пудовые мортиры для навесной стрельбы и две 3-пудовые гаубицы для настильной стрельбы. (До начала XX века в России гаубицы и единороги имели максимальный угол возвышения около 20°, и лишь в редких случаях – до 25°, то есть навесная стрельбы из них была исключена).

Бомбардирский корабль мог нести различное парусное вооружение – фрегата, бриг[13] и др. Точно также и крейсерские (корсарские) суда именовали по их назначению. Они могли нести самое различное артиллерийское и парусное вооружение.

По законам XVIII века государство не только выдавало каперам патент на ведение боевых действий, но и брало с них залог для выплаты компенсаций жертвам незаконных каперских действий. Екатерина II установила сумму залога в 20 тыс. рублей. Другой вопрос, что, видимо, его никто не платил, а матушка государыня просто соблюдала приличия. Да и откуда у нищих греков такие деньги?!

Формально корсары должны были соблюдать все обычаи морской войны и все захваченные суда (призы) доставлять в порты государства, выдавшего патент, где морской суд рассматривал правомерность захвата. Надо ли говорить, что подобные процедуры в XVIII веке выполнялись крайне редко, и даже не из-за злой воли корсаров, а просто из-за технической невозможности их реализации.

По морским законам пиратством считается «морской разбой, чинимый частными лицами, по частному почину, в корыстных целях и против чужой собственности»[9]. Военные суды всех национальностей были обязаны преследовать пиратские суда, а захваченных в плен пиратов судить вплоть до применения смертной казни.

Но законы законами, а не только корсары, но и военные суда в XVIII веке занимались форменным пиратством, действуя не по морским законам, а с точки зрения целесообразности, то бишь «по понятиям». Особенно этого и не скрывали. Так, в XVII веке британский адмирал Дрэк Нет официально заявил: «Нет мира вне европейских вод», то есть вне этих вод

не действуют законы морской войны. Замечу, что «европейскими водами» Восточное Средиземноморье ни англичане, ни французы не считали.

Общее число пиратских или корсарских судов, пусть каждый именует их по желанию, действовавших в 1770–1774 гг. было не менее 500. Все эти суда можно разделить на три категории.

В первую входили несколько судов, купленных Россией. Их владельцы, как правило, принимались на русскую службу, им присваивались офицерские чины, а вольнонаемная команда из греков, албанцев, славян и т. д. вроде бы тоже состояла на русской службе и получали жалованье. Эти суда поднимали Андреевский флаг и включались в списки судов Архипелагских эскадр. Современные историки о таких судах скромно говорят: «добровольно присоединившиеся к Архипелагской эскадре».

Во вторую категорию входили каперские (крейсерские) суда, которые считали себя российскими каперами и по мере необходимости поднимали Андреевский флаг. Периодически командование русской эскадры снабжало такие суда деньгами, оружием и продовольствием.

К третьей, самой многочисленной категории относились суда, не подчинявшиеся русским властям и не имевшие с ними зачастую никаких дел. Но опять же, при необходимости они поднимали русский Андреевский флаг. Тут справедливости ради надо заметить, что русские военные суда в Архипелаге очень часть нападали на турецкие и иные суда, вообще не поднимая флага.

Понятно, что русское командование старалось не афишировать действия греческих корсаров, и в служебных документах они упоминались крайне редко. Поэтому в истории остались названия лишь самых больших корсарских кораблей.

Рассмотрим судьбу нескольких «полурусских» фрегатов. Фрегат «Григорий» был куплен Россией в Архипелаге в конце 1770 г. Известны лишь его размеры: длина 33,9 м, ширина 8,7 м, осадка 5,1 м. Командиром первое время был неизвестный грек, а с 1771 г. по 1774 г. – русский, А.Б. Давыдов.

Фрегат «Парос» также был куплен в Архипелаге. Размерения его: длина 25,6 м, ширина 6,8 м, осадка 3,1 м. Вооружен 10 пушками. Командовал им в 1770 г. Н.С. Скуратов, а с 1771 г. Ф.Я. Мистров.

Фрегат «Победа» куплен в Архипелаге в 1770 г. 16-пушечный. Командиром первоначально был грек, а с 1772 г. П. Козлятев.

Фрегат «Федор» куплен в Архипелаге в 1770 г., командир А.П. Муромцев. 17 октября 1771 г. при переходе от острова Тассо к острову

Имбо на фрегате открылась сильная течь. «Федор» попытался выброситься на мель у острова Св. Евстратия, но затонул. Всему экипажу удалось спастись.

Кроме того, в Архипелаге в 1772 г. у частных владельцев были куплены фрегаты «Запасной» и «Помощный» (с 1771 г. до августа 1774 г. служил брандвахтой в порту Ауза). Национальный состав команд на обоих фрегатах неизвестен, но крайне маловероятно, что там были русские матросы, которых не хватало. Даже на 66-пушечных кораблях приходилось ставить матросами иностранцев.

На этом список «полурусских» судов кончается. Следующий фрегат, «Святой Николай», «в 1770 г. добровольно присоединился к 1-й Архипелагской эскадре»[10]. На самом же деле владелец судна грек А.И. Поликути привел в феврале 1770 г. свое судно на рейд Витуло, где стояла русская эскадра. Орлов формально купил судно, и оно стало числиться 26-пучешным фрегатом. Поликути получил чин лейтенанта русского флота, а его команда стала матросами русского флота. 21 февраля 1770 г. на «Св. Николае» был поднят Андреевский флаг.

Фрегат «Святой Павел» был куплен Россией в 1770 г. в Ливорно. Его размерения: длина 28,7 м, ширина 7,6 м, осадка 2,2 м. Вооружение: 22 пушки. Командиром стал грек Панаиоти[14] Алексиано. На русскую службу он поступил еще в 1769 г. в Ливорно и участвовал в Чесменском сражении на корабле «Ростислав». В конце сражения Панаиоти был отправлен на шлюпке к турецкой галере, захватил ее и вывел из строя горящих кораблей. За это его произвели в лейтенанты русского флота и назначили командиром фрегата «Св. Павел».

Панаиоти Алексиано участвовал в осадах крепостей Цефало (1771 г.) и Яффа (1772 г.), крепостей на островах Карибода и Имбро (1774 г.). В 1771 г. Панаиоти сжег у острова Станчо стоявшее на мели турецкое судно. В следующем году в заливе Дамиетта у берегов Египта Панаиоти потопил два турецких фрегата и много мелких судов. В 1772 г. он у острова Родос захватил турецкие трекатру, полаку и фелюгу[15], а в том же году у Яффи еще две фелюги.

В 1776 г. Панаиоти Алексиано стал командиром 66-пушечного корабля «Святой Александр Невский» на Балтике. В 1783 г. он был произведен в капитаны 1 ранга и отправлен на Черное море. В 1787 г. участвовал в бою с турками в Днепровском лимане, командуя кораблем «Владимир». На этом корабле он и умер 8 июля 1787 г. уже в чине контр-адмирала.

О фрегате «Слава» и его командире корсаре графе Марке Войновиче

при желании можно написать целый роман. Начнем с того, что в графы Российском империи его никто не производил. Просто появился в 1770 г. то ли серб, то ли черногорец Марк (Марко) Иванович Войнович и заявил, что он граф. Матушка Екатерина разбираться не стала – крайне нужно было пушечное мясо, и, присвоив чин мичмана, определила его на 66-пушечный корабль «Святой Георгий Победоносец», отправлявшийся 30 июня 1770 г. из Ревеля в Архипелаг в составе эскадры контр-адмирала И.Н. Арфа.

В начале 1771 г. мичману Войновичу поручили командовать корсарской пола крой «Ауза». Замечу, что она и в списки судов российского флота не входила. А в том же 1771 г. Войнович стал командиром 16-пучешного фрегата «Слава», купленного Россией в Архипелаге в 1770 г.

С 1771 г. по 1774 г. Войнович на «Славе» почти непрерывно крейсировал в море, нападая на крепости и захватывая турецкие суда. К этим его подвигам мы еще вернемся. Марк Войнович был произведен в майоры русской службы и награжден орденом Георгия 4 степени. В 1776 г. фрегат «Слава» был продан в Ливорно, а Марк Войнович отправился в Россию. На Балтике в 1777 г. бывший пират Марк стал командовать гребным фрегатом «Св. Марк». Интересно, отсутствовало ли чувство юмора у командования Балтийского флота, или наоборот, не знало меры?

В 1780 г. капитан 2-го ранга Марк Войнович направился на Каспий. Там отряд из трех фрегатов, бомбардирского корабля и трех ботов направляется к южным берегам Каспийского моря и остается на зимовку в Астрбадском заливе. 15 декабря 1781 г. Войнович был захвачен в плен персидским ханом Ага-Магометом, но через 2 недели выкуплен за большую сумму. В 1782 г. Войнович с отрядом судов возвращается в Астрахань. В следующем году его производят в капитаны 1 ранга и отправляют на Черное море, где с 1785 г. он командует Севастопольской корабельной эскадрой.

В 1787 г. Екатерина произвела Войновича в контр-адмиралы. Но, увы, к этому времени лихой пират превратился в тучного и осторожного чиновника, каким мы его и видим в кинофильме «Адмирал Ушаков». Это он 3 июля 1788 г., впервые увидев турецкую эскадру, обращается с вопросом к бригадиру Федору Ушакову: «Батюшка, турки идут! Что делать?»

После боя Войнович получил Георгия 3-й степени, но Потемкин потребовал убрать «героя» к известной матери… Екатерина подумала, подумала и отправила Войновича в 1790 г. на Каспий – а вдруг его персы опять украдут?! Но и персам он оказался не нужен. В результате в 1791 г. императрица вовсе уволила его со службы.

После смерти Екатерины II Марк Иванович явился к Павлу и чем-то ему понравился. В 1796 г. император произвел его вице-адмиралы, а через 3 года − в полные адмиралы. Заслуги же старого пирата в царствование незабвенного Павла Петровича история от нас утаила.

Еще одним адмиралом стал корсар Антон Павлович Алексиано[16]. Он поступил на русскую службу в 1770 г. В 1772 г. мичман А. Алексиано назначается командиром купленного в Архипелаге 22-пушечного фрегата «Констанция» (длина 27,3 м, ширина 7,1 м, осадка 3,7 м). На нем А. Алексиано и плавал до конца войны. В ходе второй турецкой войны он командовал 40-пушечным фрегатом «Св. Иероним» на Черном море. В 1798 г. в ходе войны с Францией Алексиано командовал кораблем «Богоявление Господне» и участвовал в захвате островов Цериго, Занте и Корфу, а 29 октября того же года захватил 18-пушечную французскую шебеку. Скончался Антон Алексиано в Севастополе, находясь на службе в чине вице-адмирала.

Я не выбирал отдельных наиболее выдающихся корсаров, просто из четырех капитанов корсарских фрегатов, купленных в казну, три стали адмиралами русского флота. А зря такие чины у нас безродным иностранцам не давали.

Храбрые корсары, делавшие головокружительную карьеру в русском флоте, были не только греки. Вот, к примеру, некий «мальтийский кавалер» граф Мазини[17] в начале 1770 г. на собственные деньги плавал в Архипелаге. «За выдающиеся заслуги» 4 декабря 1772 г. Екатерина II пожаловала графа в контр-адмиралы «сверх комплекта». После войны контр-адмиралу Мазини было предложено отправиться в Кронштадт, но он заявил, что там для него слишком холодно. Императрица дала отставку Мазини с выплатой адмиральского жалованья пожизненно.

Греческие корсары, действовавшие в Архипелаге, делились с русским командованием не только добычей, но и захваченными кораблями. По просьбе Орлова самые большие и быстроходные турецкие суда доставлялись в Аузу, где их переделывали во фрегаты.

Таким образом, в 1770–1772 гг. в строй русских эскадр были введены фрегаты «Архипелаг», «Делос», «Зея», «Мило», «Накция», «Тино», «Андро», «Миконо», «Минерва» и «Санторин». Правда, часть из них оказалась негодной для боевых действий и числилась в составе эскадры только на бумаге. Те же «Мило», «Андро» и «Миконо», переоборудованные в Аузе во фрегаты в 1771 г., простояли там без дела более года, а затем в 1772 г. были разобраны на дрова. Зато другие активно действовали в

Архипелаге, а потом еще лет 10 плавали на Черном море.

Весьма любопытный приз вручили корсары Алексею Орлову осенью 1770 г. Лихие пираты захватили у самого малоазиатского берега турецкое судно, на борту которого оказалась семнадцатилетняя красавица – дочь того самого алжирского адмирала Гассана, с которым русские сражались при Чесме. Она плыла из города Масира в Константинополь.

Орлов, узнав о подарке корсаров, категорически запретил любопытным офицерам знакомиться с ней и даже сам не заходил в ее каюту. (Хотя, может, и заходил…) Во всяком случае, он отпустил девушку в Стамбул, да еще подарил ей брильянтовый перстень. Гассан-бей не остался в долгу и послал графу великолепных арабских скакунов с богато украшенной упряжью.

Слухи о «галантности» Орлова дошли до императрицы, и та написала Алексею: «…услышала я, что у вас пропал перстень с Моим портретом в чесменскую баталию, тотчас заказала сделать другой, который при сем прилагаю, желая вам носить оный на здоровье. Потерян перстень, вы выиграли баталию и истребили неприятельский флот; получая другой, вы берете укрепленные места».

Под «укрепленными местами», Екатерина, явно, подразумевала Дарданеллы, но Орлов давно решил, что сей орех ему не по зубам.

26 августа 1772 г. эскадра Коняева вышла из Ливорно и двинулась в Архипелаг. Но уже через два дня в днище корабля «Победа» открылась сильная течь, и он был вынужден покинуть эскадру и идти в порт Ферайо на острове Эльбе на ремонт. 6 сентября корабль закончил ремонт и 29 сентября благополучно прибыл в базу русского флота – порт Трио на острова Парос.

Остальные два корабля 25 сентября подошли к острову Цериго и начали крейсировать между островами Цериго и Кандия в надежде захватить какое-либо судно.

Турецкий флот в первой половине 1772 г. почти не мешал русским. Остатки султанского флота и новопостроенные корабли базировались на Константинополь и боялись выходить в Эгейское море. Султан попытался было купить 15 кораблей вместе с вооружением у Франции, но получил отказ. Основных причин было две – объективная и субъективная. Первая заключалась в том, что Франция интенсивно готовилась к войне с Англией. А вторая анекдотична – шестидесятилетний дряхлый Луи XV увлекся дитем панели, сделавшейся маркизой – 26-летней Жанной Дюбари. Красотке оказалась мало королевской опочивальни, и она полезла в политику, добившись отставки герцога Шуазеля, который уже более 10 лет

руководил внешней политикой Франции, и которого называли «кучером Европы», то есть главным политиком мира. В конце 1770 г. Шуазель получил отставку и был сослан в свое поместье. Место его по просьбе Дюбари получил герцог д’Эгильон – человек способный, но занятый не столько внешней политикой, сколько придворными интригами. Шуазель мог заставить короля вмешаться в русско-турецкую войну, а д’Эгильон – нет. Новый министр мог заявить русскому послу Хотинскому: «Мы сдали глупость, что позволили пройти вашему флоту». Но дальше болтовни он идти не хотел.

Турецкие власти решили использовать против русских барбарейскую (тунисскую) эскадру, состоявшую из шести 30-пушечных фрегатов и 6 шебек, и дульциннотскую[18] эскадру, состоявшую из 47 фрегатов и шебек, вооруженных от 30 до 16 пушек.

Обе эскадры были местными корсарскими формированиями, а не регулярными соединениями оттоманского флота. Никакой угрозы 74–66-пушечным русским кораблям их слабая артиллерия не представляла. Тем не менее, Орлов начал запугивать императрицу этими корсарскими отрядами. Якобы все эти суда должны были нагрянуть «нечаянным нападением» на русский флот и сжечь его. «Такие коварные с неприятельской стороны предприятия, производимые уже в действие, принудили меня принять оборонительное оружие», захватить нужные проходы и «отправить в разные места эскадры, а особливо против дульциниотов, морских разбойников, дабы не допустить оных к соединению с тунисцами», доносил Орлов Екатерине.

К середине октября 1772 г. и дульциннотская, и барбарейская эскадры ничего не предпринимали против русских, к тому же еще действовало перемирие, заключенное на Дунае 19 мая (в Архипелаге оно действовало с 20 июля). Так что турецкие планы уничтожения русского флота и захвата «губернии», скорей всего, фантазия графа Орлова.

16 сентября 1772 г. корсарская эскадра в составе фрегатов «Св. Николай» и «Слава», которыми командовали Иван и Марк Войновичи[19], полакр «Мадон» и «Ауза», а также шебеки «Забияка» пошли к острову Цериго, где должны были соединиться с кораблями Коняева и напасть на суда дульциниотов. 12 октября суда Ивана Войновича обнаружили в Парисском проливе «девять 30-пушечных фрегатов и 16 шебек». На самом деле это были не фрегаты специальной постройки, а вооруженные парусные купеческие суда. 16 октября отряды Ивана Войновича и Коняева соединились.

19 октября фрегат «Слава», шебека «Забияка» пол-акра «Ауза» пошли в разведку. Вскоре они встретили несколько фрегатов и шебек дульциннотов. Как сказано в рапорте Орлова Екатерине, фрегаты несли «нейтральные флаги». Фрегаты подошли к дульциннотским судам. Капитаны дульциннотских судов не заподозрили обмана и даже поднялись на борт «Св. Николая», где выпили с Иваном Войновичем, считая его «славянским капитаном». Войнович выведал все, что хотел, и суда мирно разошлись. Затем разведчики вернулись к остальным судам, стоявшим у острова Занте.

23 октября наша эскадра пошла к порту Патрас. 25 октября подул сильный встречный ветер, и эскадра три для «лавировала» в Патрасском проливе, несколько раз в безрезультатные перестрелки с дульциниотскими судами.

26 октября близ Лепантского залива русские корабли «Граф Орлов» и «Чесма» вместе с корсарской эскадрой Ивана Войновича вступил в бой с девятью фрегатами и шестнадцатью шебеками, стоявшими на якоре у Патраса. Как писал дружный авторский коллектив под руководством В.Н. Алексеева в составе 13 человек (где был один контр-адмирал, куча капитанов 1 и 2 ранга, один доктор и 4 кандидата наук): «Русский отряд вступил в неравный бой»[11].

Еще ранее академик Е.В. Тарле писал: «Русская атака при таких условиях являлась делом не только рискованным, но прямо опасным»[12].

На самом деле дульциннотские фрегаты представляли собой вооруженные торговые суда и не входили в состав регулярного флота, а тем более шебеки. Их могли бы легко расстрелять два русских корабля и без отряда И. Войновича.

Ни дульциннотские корсары, ни их коллеги из отряда Войновича не оставили отчетов или мемуаров, почему мне придется ограничиться цитированием шканечного журнала корабля «Граф Орлов».

10 часов.

«В начале 10 часа с обеих крепостей и с неприятельского флота начали производить по нас пальбу, но мы, несмотря на страсть оной, надеялись на свое мужество и на помощь всевышнего Бога, чем себя охотно побуждали дать баталию и мы с эскадрою усиливали притти к неприятелю в ближнее расстояние, дабы наши пушки удобнее их вредить могли».

11 часов.

«В исходе 11 часа и выстрелом от нас из пушки сигналом велено лечь на якорь и вступить в бой с неприятелем. Вся эскадра лавировалась и

поворачивали каждый особо как им было способно, стараясь только о том, чтоб притти на ближнее расстояние к неприятелю. Глубина по лоту 35–30 – 25 сажень, грунт – ил».

12 часов.

«В 1/2 12 часа приблизившись мы к неприятельскому флоту от ближнего к нам неприятельского фрегата 2 кабельтова более не было, хотя «Чесме» и определено стать к крепости первой, но присмотря наш командующий, что на оной сделалось помешательство в управлении также и в парусах, и начала спускаться под ветр и надежды не предвидел от нея сделать успеха но на место оной приказано от командующего заступить самим и на глубине 20 сажень ил грунт убрав паруса положили якорь… и начата от нас по неприятельскому флоту, лежащему к крепости и в крепость куда только было удобно действовать сильно жестокая пальба с левого борта с обоих деков ядрами книпелями и картечью брандскугелями, а с «Чесмы» и фрегата «Николая» также сильно, а фрегат «Слава» и шебека «Забияка», находясь под ветром под парусами ближе к эскадре имели баталию с неприятелем куда их было можно с таким же успехом, что лучше ото всех желать не можно, а «Мадон» и «Ауза» будучи тогда вдали от нас под ветром не имели случая биться, в исходе часа увидели мы от нашей с эскадрою сильной пальбы с неприятельских судов люди бросалися в воду и с великой торопливостью, иные съезжали на берег и по ним еще более от нас пальба происходила и сшибли в 6-х стоящего фрегата безань мачту и зажжен от наших брандскугелей… А в неприятельском флоте на многих уже шебеках и фрегатах на ближних к нам спущены флаги и вымпелы, в которых мы палили и оных оказалось, что те неприятельские суда от нашей эскадры побежденные сделались».

Бежавший турецкий флот пробовал укрыться под защитой береговых батарей.

Развязка боя, по существу уже решенного в пользу русских 26 октября, наступила 29 октября. Эскадра Коняева в этот день систематически громила артиллерией и поджигала брандскугелями сбившийся у берега, разбитый и совсем уже беспомощный турецкий флот.

К 4 часам дня все было кончено. У русских потерь почти не было.

Далее приведу детали из шканечного журнала корабля «Граф Орлов» (флагманского) за 29 октября:

1 час.

«В неприятельском флоте 8 фрегатов, из коих 1 горит, да 12 шебек. В 1/2 часа поворотили мы оверштаг на левый галс, и посланы от нас на шлюпках вооруженных с карказами для зажжения неприятельских

побежденных нами судов констапель Сукин под защищением шебеки «Забияка», а после лейтенант Макензи и при нем небольшая егерская команда, и велено ему Макензи из неприятельских судов стараться привести к эскадре ежели можно, в 1 час поворотили мы овер-штаг на правый галс, тогда по нас с обоих крепостей и со стоящих при южной крепости флагманского турецкого фрегата, из шабек происходила пальба из пушек и от нас противу их столь сильно и скоро что напоследок принудили неприятельские суда бой оставить, потом мы пошли к NW для отдаления от крепостей потому что примечено имеющимся течением в Лепанекий залив нас сильно дрейфует.

2 часа.

В начале часа шебека «Забияка», пришедши близко побежденных неприятельских судов и для очищения берега, чтоб шлюпкам безопаснее было зажигать суда, палила на берег и по судам из пушек, сие сделать от командующего нашего приказано было и зажжено видно от Патраса стоящие во 2-х шебек 1 шебек из 4-х и 5-х фрегатов 2, в 1/2 2-го часа отдали мы рифы и распустили брамсели, в 2 часа фрегат «Слава» подходил к неприятельским побежденным судам же и для очищения берега дабы шлюпкам можно безопасно исправить дело палил из пушек и видно было лейтенант Макензи приставал в 7-х к стоящему от Патраса фрегату и отданы были нашими людьми на оном марсели, потом съехав со оного Макензи и в 9-х к стоящему фрегату им зажжен а в 8-х стоящей шебеке сам загорелся, а в 11-х стоящий фрегат, который еще прежде шел под парусами почитали мы брандером сам загорелся и свалившись в 10-х стоящею шебекой и оная от фрегата загорелась-же, тогда-ж с фрегата «Николай» посланный барказ видно было приставал в 7-х к стоящему фрегату, а отъехав от оного к 2-й стоящей шебеки которая от их загорелась, а в 1-х стоящий фрегат с шебеки «Забияки» видно посланным барказом зажжен»[13].

За два дня, 28 и 29 октября, русские и корсары сожгли семь «фрегатов» и восемь шебек. Один «фрегат» успел втянуться в Лепантский залив, но был уже так поврежден, что на другой день затонул. Шесть шебек успели спастись бегством.

Потери кораблей отряда Коняева оказались невелики. На «Чесме» был убит лейтенант Козмин, ранены лейтенант Лопухин и 5 матросов. На корабле «Граф Орлов» потерь не было. По судам отряда Ивана Войновича сведения отсутствуют.

Русская эскадра с 29 октября по 4 ноября стояла у Патраса, а затем пошла к острову Цериго. Там 10 ноября от нее отделился отряд И.

Войновича и пошел в крейсерство, а корабли Коняева 19 ноября присоединились к флоту, стоявшему на якоре у острова Миконо.

Как уже говорилось, с турками 19 мая 1772 г. было заключено перемирие, которое действовало в Архипелаге с 20 июля. Согласно его условиям, турецкие военные корабли формально должны были оставаться в своих базах. Кроме того, турки в Архипелаге, то есть по берегам Эгейского моря, включая порты Малой Азии, были обязаны «судов не делать, а уже сделанные не спускать, спущенные же на воду не вооружать».

Алексей Орлов потребовал от командиров русских судов и корсаров пресечь снабжение Константинополя продовольствием как на турецких, так и на французских судах. Он приказал разослать по средиземноморским портам Европы свой манифест, в котором предостерегал нейтральные нации от отвоза туркам провианта.

В подтверждение своих слов Орлов 18 октября 1772 г. отправил к Дарданеллам эскадру С.К. Грейга. В ее составе были корабли «Победа», «Три Святителя», «Всеволод»; фрегаты «Надежда», «Африка», «Победа», «Парос», «Григорий», «Констанция» и бомбардирский корабль «Молния».

Но Никита Панин напугал Екатерину угрозой появления французского флота в Средиземноморье, в результате чего 20 августа 1772 г. Орлов получил рескрипт императрицы, где содержалось требование пропускать в турецкие порты нейтральные суда с провиантом. Орлову ничего не оставалось иного, как выполнить приказ императрицы.

Блокада русским флотом Дарданелл привела к большому росту цен на рынках Стамбула. Но голода там, увы, не было из-за подвоза провианта на французских судах и сухим путем с Балкан и Малой Азии, а также по Черному морю.

29 ноября 1772 г. Алексей Орлов писал графу Панину, что задержал шесть французских судов, которые везли пшеницу в Константинополь. На борту их найдены турецкие письма и контракты, по которым шкиперы договорились с турками о перевозке султанского хлеба с румелийского берега в столицу. Но из-за навязанных ему императрицей ограничений французов пришлось отпустить в Константинополь, ограничившись устным предупреждением.

Сейчас известно, что Франция не была готова к войне, и Екатерина допустила большую ошибку, пробив брешь в русской блокаде. Да и Орлов мог быть поумнее, и не только не наказывать корсаров за захват французских судов, а наоборот, пообещать им смотреть на все сквозь пальцы.

22 октября 1772 г. четыре корсарских фрегата под Андреевским

флагом в сопровождении русского бомбардирского корабля «Молния» внезапно напали на крепость Чесму на побережье Малой Азии. Был высажен десант в 530 человек. Но взять крепость не удалось, и ограничившийся разграблением окрестностей десант был принят на суда отряда.

Рассказ о кампании 1772 г. я завершу приключением уже известного нам лейтенанта Панаиоти Алексиано. Ночью 9 сентября 1772 г. он на фрегате «Святой Павел» подошел к острову Станчио и высадил десант. Греки, воспользовавшись внезапностью, овладели небольшой турецкой крепостью Кеффано, где было взято 11 пушек. За это Екатерина II наградила Алексиано орденом св. Георгия 4-й степени.

23 сентября 1772 г. Алексиано на «Св. Павле» захватил у острова Родос турецкий трекатр (небольшое торговое судно).

20 октября 1772 г. Орлов получил сведения, что перемирие с турками закончилось, но в Египте об этом не знали, так как с Константинополем не было связи по морю. И Алексиано на своем «Св. Павле» и с корсарской гребной фелукой, которой командовал грек Паламида, отправляется «за зипунами» к устью Нила. Замечу, что оба судна на походе шли без флагов, спасибо хоть «веселый роджер» не подняли. Как уже говорилось, фрегат «Св. Павел» – это торговое судно длиной 28,7 м и шириной 7,6 м. Орудийные порты были замаскированы. И фелука тоже ничем не отличалась от сотен таких же фелук, плававших в Восточном Средиземноморье. Таким образом, суда Алексиано, не вызвавшие никаких подозрений у египтян, спокойно вошли в гавань Дамиетты[20]. И уже в порту корсары открыли огонь. Остальное читатель может представить себе сам, вспомнив эпизоды из англо-американских фильмов, где пираты врываются в порты Карибского моря.

Я же процитирую приглаженное и чуть романтическое изложение событий из донесения Орлова Екатерине II: «Как скоро начал он [Алексиано – *А.Ш.*] подходить ближе и поднял на фрегате и фелуке российский флаг, то неприятель, будучи сим потревожен, произвел из судов и крепостных стен пушечную пальбу, однако и тем не мог защитить одного небольшого своего судна, которым вооруженная фелука легко овладела, а лейтенант Алексиано, пользуясь сим смятением, решился атаковать неприятеля в порте; почему, не взирая на производимый с трех сторон огонь, пошел он прямо в середину двух больших судов, где, бросив якорь, тотчас вступил в бой, который сперва продолжался с великою с обоих сторон жестокостью и отчаянием через 2 часа, а потом, увидя неприятель не малое число убитых и раненых из своего экипажа, а притом разбитие

судов и появившуюся течь, начал бросаться в море для спасения жизни и на шлюпках, барказах и вплавь пробираться к берегам, чему и из других судов последовали экипажи, и сим решилось наконец сражение. Лейтенант Алексиано, по потоплении двух разбитых судов и по взятии фелукою несколько других мелких, удалился от крепостных пушечных выстрелов, стал на якорь на рейде и простоял тамо до другого утра в ожидании прибытия Селима-Бея и других судов из Александрийского порта. 22 числа перед полуднем, увидя в море под турецким флагом идущее прямо к Дамианскому порту судно и считая, что на оном помянутый бей находится, изготовился к новому сражению и как скоро оное подошло ближе к фрегату, то Алексиано, подняв российский флаг, сделал несколько по нем выстрелов, а сия нечаянность бывшего на судне неприятеля столь сильно устрашила, что он без всякого сопротивления опустя флаг, отдался военнопленным и перевезен фелукою на фрегат и другие взятые в порту суда; в числе пленных был помянутый Селим-Бей с тремя главнейшими агами, разными другими офицерами и служителями, коих всех осталось 120 человек турков, на судне же найдено: магометов штандарт, 7 знамен, 4 серебряные перья, значащие отличное турецких офицеров достоинство и заслуги, за которые жалует султан сими знаками, булов 4, топорков 3, щитов 3, большие литавры, 2 флага и 8 пушек с множеством разного оружия»[14].

Обрадованный Орлов даже отказался от своей доли добычи, отдав ее Алексиано и его сподвижникам. Лишь знамена были отправлены в Италию, а оттуда – в Петербург.

После приключений в Дамиетте Алексиано вместе с полакой капитана Паламидо до конца октября корсарствовал у сирийских берегов.

Любопытно, что уже в советское время академик Е.В. Тарле поверил, а скорее, сделал вид, что поверил басням Орлова. Он писал о Дамиетте: «Полная победа настоящего героя Алексиано и его матросов», «огромно было значение Патрасской победы эскадры Коняева и Дамиеттской победы Алексиано»[15]. Позднее наши историки с завидным упорством переписывали перлы академика.

Забавная история, хорошо характеризующая нравы как корсаров, так и местных турецких гарнизонов, произошла у берегов острова Кипр. У восточной оконечности Кипра находится маленький безлюдный остров Клидес, где в свое время крестоносцы построили замок Кастро Россо (Красный замок). Замок находился на высоких утесах, и его защищал приличный турецкий гарнизон численностью 130 человек.

В 1772 г. славонец (увы, его имя история утаила), командир шебеки «Забияка», решил захватить Кастро Россо. Естественно, одна шебека сделать этого не могла. Тогда командир пошел на хитрость: захватил греческих рыбаков с Кипра и подробно допросил их о замке. Спросил и о глубинах, могут ли близко подойти к крепости бомбардирские и 66-пушечные корабли, и т. д. А в заключение пообещал повесить рыбаков, если они хоть слово скажут о своем пребывании на шебеке. Мол, шебека послана на разведку, а через три дня здесь будет весь флот с самим Орловым.

Как и следовало ожидать, греки, вернувшись, раззвонили по всей округе, что, мол, идет русский флот. В ту же ночь турецкий гарнизон на малых судах бежал, и не на Кипр, отделенный узким проливом в несколько километров, а аж в малоазиатский порт Караманию в 130 км. Причем, все пушки и припасы были оставлены турками в целости и сохранности.

Так команда «Забияки» без боя овладела Кастро Россо, и до конца войны остров Клидес был базой греческих корсаров.

К началу 1773 г. основные силы русского флота находились в порту Ауза. В их числе были корабли «Иануарий», «Три Святителя», «Чесма»; фрегаты «Надежда Благополучия», «Констанция»; бомбардирские корабли «Гром» и «Молния» и брандвахтенный фрегат «Помощный». Там же ремонтировались корабль «Не тронь меня» и фрегаты «Делос» и «Архипелаг». Ряд корсарских судов выбыл из строя за ветхостью: фрегаты «Зея», «Андро» и «Миконо» были разломаны в 1772 г. в порту Ауза, а пинк «Святой Павел» сожжен в Ливорно.

На сей раз Алексей Орлов решил зимовать в Архипелаге. Он держал свой флаг на корабле «Ростислав», стоявшем у острова Миконо. Там же зимовали корабли «Победоносец», «Саратов»; фрегаты «Николай», «Слава», «Запасный»; бомбардирский корабль «Страшный» и пинк «Венера».

У острова Тассо стояла эскадра С.К. Грейга в составе кораблей «Победа», «Всеволод», «Азия», «Граф Орлов»; фрегатов «Надежда», «Африка», «Минерва» «Парос»; пинков «Соломбала» и «Сатурн» и двух полакр.

Еще одна эскадра стояла у острова Патмос. В нее входили фрегаты «Северный Орел», «Тино», «Наксия», «Победа» и пакетбот «Почталион». Фрегат «Святой Павел» и две полакры находились у берегов Египта.

В Ливорно находились корабли «Европа» и «Три Иерарха» и фрегат «Григорий», а на Мальте – фрегат «Рафаил».

Сам Орлов с некоторым преувеличением, но, в основном, верно

обрисовал ситуацию в Архипелаге в письме к Екатерине от 5 марта 1773 г.: «Что же принадлежит до производимых ныне со стороны Оттоманской Порты вооружений, то она старается во всех местах строгими фирманами набирать сухопутные войска, для усиления армии, хотя по дошедшим ко мне известиям народная подлость [простой народ – *А.Ш.*] и неохотно на то соглашается; во всех приморских, купеческих городах удерживаются насильно матросы и отправляются сухим путем в Константинополь, где ныне находится весь турецкий флот, корабли и мелкие суда для починки тамо, и вооружения нужным снарядом и экипажем. По общему слуху считается ныне 9 корабле всех, старых и вновь построенных, как в разных портах Черного моря, так и в Константинополе с множеством тартан[21], шебек, галер и других мелких судов, с коими капитан-паша намерен выйти из канала в Архипелаг, чего однако и ожидать ненадежно, за недостатком нужного числа матросов. Равномерно же и остатки дульциниотских судов с поспешностью вооружаются при своих берегах, не показываясь в открытом море.

Для удержания неприятельских покушений эскадра от флота Вашего Императорского Величества, состоящая из 5 кораблей и нескольких фрегатов, под командой контр-адмирала Грейга, разъезжает при устье Дарданельского канала, корабли же «Чесма» и «Ростислав» находятся в Наксийском канале…»[16].

Однако в целом в 1773 г. русский флот вел себя довольно пассивно. Орлов было приказал Спиридову не пропускать любые нейтральные суда в Дарданеллы, но Совет из Петербурга его одернул, написав Орлову, что это может удержать турок не только от заключения перемирия, так нужного для России, но и повернуть против малочисленного русского войска все силы, и втянуть Россию в новую войну с «ненавиствующими нам» французами.

Опять же, Орлов не догадался дать полную свободу рук греческим корсарам, а начал обличать их перед Екатериной и всем «мировым сообществом».

Русский же флот, поддерживая блокаду в зимнее время, понес тяжелую утрату. 7 февраля 1773 г. корабль «Азия» вышел с острова Миконо к острову Имбро и пропал со всем экипажем. Погибли капитан 1 ранга Н.В. Толбухин и еще 438 человек. У острова Миконо нашли лишь бизань-мачту и несколько обломков корабля.

Орлов попытался добиться хоть какого-то успеха и приказал захватить остров Станчо, который в античные времена, как и сейчас, назывался Кос. Станчо принадлежит к группе островов Южные Спорады и отделен от

полуострова Малая Азия проливом шириной всего около 5 км. Длина острова 40 км, наибольшая ширина 10 км. На Станчо в то время проживало 60 тысяч жителей.

Для операции против острова Станчо была направлена 2-я дивизия кораблей «Св. Георгий Победоносец», «Трех Святителей», «Саратов» и «Трех Иерархов»; фрегаты «Северный Орел», «Соломбал»[22], «Тино», «Победа»; бомбардирские суда «Гром», «Страшный», «Молния»; полака «Патмос» и 7 трекатр. На корабли был посажен десант. Командовал эскадрой контр-адмирал А.В. Елманов[23].

29 июля эскадра Елманова подошла к Анатолийскому берегу к местечку Ангелло и высадила десант албанцев[24].

Им навстречу вышли 100 турок (регулярных войск, а, скорее всего, местных жителей). Албанцы убили 40 человек, а остальные разбежались. Десантники сожгли 7 магазинов с хлебом и мельницу и вечером того же дня благополучно вернулись на суда.

Затем эскадра отправилась к острову Станчо (Косу). Подойдя к острову, Елманов разделил эскадру на две части. Отряд под командованием капитана 2 ранга С.П. Хметевского, командира «Трех Святителей», в составе кораблей «Трех Иерархов», «Трех Святителей», фрегатов «Северный Орел» и «Победа» был отправлен для блокады острова Станчо. А с остальными судами Елманов двинулся к турецкому городу и крепости Будрум[25], расположенному на одноименном полуострова на Анатолийском берегу, напротив острова Станчо.

Будрум – это турецкое название греческого города Галикарнас, известного еще в V веке до н. э. Именно там царь Мавсол (Мавзол) построил себе первый в мире мавзолей. Мощную каменную крепость Св. Петра построили в 1492–1522 гг. рыцари Иоанниты, но, увы, в начале 1523 г. ее захватил турецкий султан Сулейман II Великолепный.

30 июля отряд Елманова подошел к крепости. Вперед выдвинулись три бомбардирских корабля, которые открыли огонь из гаубиц и мортир. Через час на восточный берег залива у крепости высадились 4 албанских батальона (4 майора и 919 человек), а также отряд славонцев (101 человек) под командованием графа Ивелича, то есть всего 1020 человек.

На следующий день, 31 июля, ранним утром туда же были высажены русские пехотные и артиллерийские подразделения, всего 1452 человека и семь 3-фунтовых единорогов. Причем, единороги были сравнительно легкие − всего 340 кг, и солдаты их перетаскивали по берегу вручную, без конной тяги. Командовал русским десантным отрядом инженер-майор

Матвеев.

На берегу у места высадки был оставлен подпоручик Радилев с тремя единорогами и 80 солдатами. Остальные двинулись к крепости. Целями десанта были захват острова и уничтожение стоявшего в заливе турецкого фрегата. Возможно, это был и не военный фрегат, а торговое судно с парусным фрегатским вооружением. Во всяком случае, фрегат не стрелял ни по десанту, ни по кораблям.

Однако из-за сильного ружейного и артиллерийского огня турок обе задачи выполнить не удалось. По пути русские сожгли две турецкие полугалеры, одну фелуку и магазин с адмиралтейскими припасами. Албанцы же основательно пограбили несколько жилых кварталов Будрума. После этого десант благополучно был принят обратно на суда. В полдень контр-адмирал Елманов решил атаковать 13-пушечную батарею на западном берегу Будрумского залива, которая своим огнем мешала нашим гребным судам войти в залив «для сожжения упомянутого фрегата». Немедленно на западном берегу залива были высажены все 4 албанских батальона и славонцы. Но батарею взять не удалось, а на следующее утро появились большие «скопища» турок, и десантники начали отход. В ходе операции албанцы сожгли Зефирбееву деревню, усадьбу какого-то важного турка и 5 мельниц. Русские потеряли 21 человека убитыми и 25 ранеными.

Все три дня бомбардирские корабли работали по крепости бомбами, брандскугелями и карказами[26]. В крепости и в городе были заметны значительные разрушения и многочисленные пожары. «Гром» даже добился двух попаданий 5-пудовыми мортирными бомбами в турецкий фрегат. На нем вспыхнул пожар, но вскоре команде удалось потушить его.

5 августа эскадра Елманова ушла от анатолийских берегов и в тот же день подошла к острову Станчо, где соединилась с отрядом Хметевского. На следующий день, 6 августа, бомбардирские суда «Гром» и «Страшный» подошли как можно ближе к турецкой цитадели главного города острова. Бомбардирский корабль «Молния» подойти к острову не смог из-за противного ветра и сильного течения.

В тот же день на берег были высажены иррегулярные части: 1020 албанцев и славонцев – участников высадки в Бурдруме, и еще 190 албанцев с судов Хметевского. Затем высадились русские солдаты под командованием инженер-майора Матвеева с семью 3-фунтовыми единорогами и две роты морской пехоты (как тогда говорили, «из морских солдатских батальонов»).

В первый день высадки десантники отбросили турок и заняли плацдарм у крепости. Но на следующий день большие силы турок

контратаковали албанцев и русских. Согласно отчету Елманова, туркам удалось переправить на остров около 5 тысяч солдат. Кроме того, была мобилизована мусульманская часть населения. В ходе жестокого боя албанцы понесли тяжелые потери. Был убит майор Якумати, а майор Стата тяжело ранен и умер на следующий день. Командование над иррегулярными войсками принял майор Константин Георгиев, но и он почти сразу получил ранение. Албанцы, понеся тяжелые потери, бросились бежать.

Русская пехота оказалась в тяжелом положении. Майор Матвеев был ранен в левую ногу и передал командование майору Черемисову. Через несколько минут и Черемисов был ранен. Русские солдаты понесли его на руках, но туркам удалось отбить майора и взять в плен. Туркам достались и шесть 3-фунтовых единорогов.

Когда отступающие десантники приблизились к берегу, корабли и фрегаты открыли по туркам огонь ядрами и дальней картечью. По русским данным огнем корабельной артиллерии было уничтожено до 100 человек кавалерии противника.

Неудаче десантников способствовала еще и страшная жара, от которой плохо становилось не только русским, но и албанцам и грекам.

Потери десанта составили 86 человек убитыми и 76 человек ранеными, из которых умерло 32 человека. Я цитирую отчет Елманова, из которого не ясно, о каких потерях идет речь, то ли только русских, то ли общих.

Причиной неудачи в Будруме и поражения в Станчо явилась преступная легкомысленность графа Орлова, которому Спиридов и Елманов просто не рисковали возражать. Вспомним, скольких адмиралов граф вытурил из Архипелагской эскадры. Прошлые неудачи на Лемносе и в других местах ничему не научили его. Орлов не учел того, что деревянным кораблям трудно бороться с противником, засевшем в каменных крепостях. Ядра 36-, 24– и 36-фунтовых пушек были малоэффективны при действии по толстым каменным стенам турецких крепостей, особенно при действии с большой дистанции.

Чтобы подавить огонь крепостной артиллерии Орлову надо было иметь не три, а тридцать или, по крайней мере, пятнадцать бомбардирских кораблей. Десантные операции проводились, как правило, летом при тихой погоде и вблизи баз на Паросе, поэтому высоких мореходных качеств от бомбардирских кораблей не требовалось. И можно было переделать под бомбардирские корабли греческие корсарские суда или, по крайности, купить суда в Ливорно. Переделка была очень проста. Требовалось

подкрепить палубы в местах установки мортир. 5– и 3-пудовые мортиры можно было прислать из России, где их имелось больше чем достаточно, а можно было и закупить в Англии, Ливорно, Венеции или Триесте.

Огонь 15–30 бомбардирских судов, то есть 40–90 пятипудовых мортир мог в течение светового дня подавить сопротивление любой турецкой крепости в Архипелаге.

Орлов не учитывал способность турок перебрасывать на острова подкрепления на малых гребных судах, а также участия в бою мусульманского населения, которое отчаянно дралось за свои дома и жизнь своих близких. Турки прекрасно знали, что будет с ними после прихода албанцев (греков).

В состав эскадры следовало привлекать побольше гребных корсарских судов, чтобы обеспечить с моря полную блокаду атакуемой крепости.

В составе десанта должно было быть, по крайней мере, в два раза больше пехоты. Кроме того, на гребных судах следовало доставить хотя бы несколько десятков кавалерии, а также артиллерийских лошадей. Для русских моряков это дело вполне привычное. Еще со времен Петра Великого в составе Балтийского флота имелись десятки так называемых конских галер, которые предназначались для перевозки кавалерии.

На берег следовало высаживать не только 3-фунтовые, но и 1/2-пудовые, и 1-пудовые единороги весом 1146 кг и 1851 кг, с конной тягой. При штурме турецких крепостей особенно был важен навесной огонь. Поэтому десант должен был быть снабжен десятками 8-фунтовых Кегорновых мортирок весом (со станком) менее 50 кг. Такие мортирки легко переносились по полю боя четырьмя номерами прислуги. Большую роль сыграли бы и 1/2-пудовые мортиры, вес которых составлял около 300 кг.

Увы, наши военные уже 300 лет тупо недооценивают роль навесного огня. Их регулярно бьют, а они все мечтают сражаться в «большом поле», где «есть разгуляться где на воле» и где все решает настильный огонь. В Крымскую войну союзники взяли Севастополь исключительно из-за превосходства в мортирном огне.

В 1877 г. под Плевной русская артиллерия навесным огнем не сумела разрушить наспех возведенных турками земляных укреплений полевого типа. В результате − огромные потери в ходе трех неудачных штурмов Плевны и задержка наступления на полгода. Только в результате бездействия остальных турецких сил русская армия избежала полного разгрома.

В 1904 г. японские 11-дюймовые мортиры развалили русские

укрепления и утопили весь флот в Порт-Артуре.

В 1939–1940 гг. самые мощные советские орудия – 203-мм гаубицы Б-4 не могли пробить финские доты в упор: на 100–400 м. Требовалось попасть и одну точку минимум два раза.

После первого штурма Грозного ваш покорный слуга написал статью «Очередное фиаско “полигонного» мышления”», где утверждал, что огромных потерь в Грозном можно было избежать, применив 240-мм минометы «Тюльпан» и М-240[17].

Но вернемся к войне в Архипелаге. В начале 1773 г. в Сирии друзский шейх Дагер и эмир Шехад подняли мятеж против турецких властей. На помощь им 25 июля 1773 г. пришла русско-корсарская эскадра под командованием Ивана Войновича. В ее составе были фрегаты «Св. Николай» (капитан Иван Войнович) и «Слава» (капитан Марк Войнович), шебека «Забияка» и галеры «Рондинелос» и «Унионе». Корсары захватили Бейрут с весьма незначительными потерями: на «Св. Николае» было убито 8 и ранено 15 человек, на «Славе», соответственно, 4 и 6 человек, на «Забияке» – 4 и 7 человек, на галерах – 1 и 4 человека.

Город был передан друзам, а корсары взяли себе все турецкие пушки и две полугалеры. Кроме денег и другого имущества, захваченного в Бейруте, Марк Войнович стребовал с друзов 300 тыс. пиастров. Из этой суммы 30 тысяч (1/10 доли) было уплачено графу А. Орлову, а остальные поделены между капитанами и командами корсаров.

24 июня 1773 г. фрегат «Почталион» (командир капитан-лейтенант Семен Кравцов) с корсарскими полугалерой и фелукой погнался за двумя турецкими ландрами (небольшими торговыми судами). Одну из них длиной 16,2 м с тремя фальконетами он захватил, а другую, с двумя 1/2-фунтовыми пушками, потопил, предварительно сняв пушки.

5 июня 1773 г. на корабле «Чесма», стоявшем у берегов Пароса, состоялась очередная ссора между Алексеем Орловым и Григорием Спиридовым, после чего адмирал написал прошение об отставке. Официальным поводом стало состояние здоровья 63-летнего Спиридова: «Но при старости лет моих понесенные в службе труды и здешний арипелажский климат паки меня до того ж ныне довело, что я совсем в моем здоровье одряхлел и к болезненным от головы и глаз припадкам стал быть мало памятен, и от того, сам предвижу, во исполнении медлителен и по всему тому больше ко исполнению положенной на меня должности не так уже, как прежде, могу быть способен».

А через 5 месяцев Адмиралтейств-коллегия получила Высочайший указ, подписанный Екатериной. Единственной наградой, полученной

Спиридовым при отставке, было назначение «вместо пенсиона полного адмиральского жалованья».

В начале октября 1773 г. Елманов на кораблях «Св. Георгий Победоносец» и «Трех Святителей» с полакой «Лютра» прибыл к острову Тассо и «приказал приматам [старейшинам – *А.Ш.*] оного острова, чтобы заготовленных в прошлом 1772 году 85 дерев вывезти на берег, да вновь вырубить и также вывезти на берег 13 мачтов дерев, а также 100 сажен дров».

25 октября 1773 г. к румелийскому берегу пошли крейсировать полакра «Св. Иоанн Богослов», полугалеры «Лев» и «Олимпиада». Командовал отрядом мичман Марацо, он же капитан полакры. Капитаном полугалеры «Лев» был Анагностий, кто командовал второй полугалерой, установить не удалось. Особых успехов отряд не достиг, были захвачены лишь два малых турецких судна – волик и фелука.

Других крупных операций русский флот в 1773 г. не проводил. В чем-то это связано с тем, что Алексей Орлов был больше занят дворцовыми интригами в Петербурге, нежели боевыми действиями в Архипелаге. В сентябре 1772 г. в постели императрицы оказался конной гвардии поручик А.С. Васильчиков. Весть об этом к концу года дошла до Орлова. Ему стало не столько обидно за брата, сколько страшно потерять огромные имения и титулы. Ведь большинство отставных фаворитов во времена Анны и Елизаветы отправлялись если не в застенки, то в Сибирь. Вспомним хотя бы Бирона и Лестока.

В конце 1772 г. Алексей Орлов, ссылаясь на нездоровье, просит у Екатерины разрешения приехать в Петербург. Екатерина отказывает. Мало того, она приказала курляндскому губернатору графу Броуну не пропускать Алексея, если тот окажется в Риге без ее позволения.

К лету 1773 г. А. Орлов несколько успокоился. Ни он, ни братья не лишились своих должностей и привилегий, а новый фаворит оказался глуп. Сама Екатерина называла его дураком, говорила, что он «скучен и душен». Васильчиков не лез ни во внутреннюю, ни во внешнюю политику и был крайне ничтожной личностью. По словам князя Щербатова, он «ни худа, ни добра не сделал».

Поняв, что Алексей Орлов не намерен конфликтовать, Екатерина в августе 1773 г. разрешила ему приехать в Петербург. 3 октября на заседании Совета императрица спросила, с какой целью посылается в Архипелаг 5-я эскадра под командованием контр-адмирала С.К. Грейга в составе четырех кораблей и двух фрегатов. Ведь находящийся там флот стоит много, а вреда противнику не приносит.

«Если он, – сказала Екатерина, – может быть употреблен для какого-нибудь предприятия, и надобны будут на него сухопутные войска, то я беру на свое попечение их доставить». Ей ответили, что эскадра отправляется по требованию графа А. Орлова для замены обветшалых кораблей, и если флот не находит способа вредить неприятелю, то все же облегчает положение сухопутной армии, отвлекая от нее противника. В ответ Екатерина предложила на следующее заседание Совета пригласить Алексея Орлова.

Через три дня, на заседании 7 октября, императрица спросил А. Орлова, в каком положении находятся дела в Архипелаге, и нельзя ли извлечь из флота большую пользу. Орлов ответил, что из находящихся там кораблей пять совсем обветшали, что в нынешнюю кампанию он намеревался разорить Салоники и Смирну для пресечения подвоза туркам запасов через эти места, но болезнь вынудила его оставить флот. «Я не думаю, – говорил Орлов, – чтоб неприятельский флот мог появиться в Архипелаге. Турки с тех пор, как узнали малочисленность наших сухопутных сил там, уж не так их опасаются. Побеждаемы они были малым числом, потому что обыкновенно пугаются всего того, о чем не знают, но, пришедши потом в себя, принимают достаточные мары».

Тут в разговор вступил бывший фаворит Григорий Орлов: «Это свойственно туркам, как и всем невеждам. Потому-то и не надобно давать им время на размышление, а стараться пользоваться их замешательством. Также надобно поступать с ними и при мирных переговорах. Этим средством можно скорее получить желаемое».

Екатерина заметила, что, по ее мнению, полезнее было бы действовать на одном европейском берегу, как ближайшем к Константинополю. Но Чернышев и А. Орлов возразили, что с малыми силами нельзя утвердиться на этом берегу. Ведь турки могут очень быстро стянуть туда силы числом до 40 тысяч. Так что это предприятие может принести лишь одну пользу – на время встревожить турок и отвлечь туда их войска.

Граф Панин заметил, что отправка в Архипелаг новой эскадры причинит туркам новое беспокойство, и следует надеяться, что зимой турки возобновят мирные переговоры. Екатерина ответила на это: «Мое намерение состоит в том, чтобы, не полагаясь на заключение мира, приняты были сильные меры для достижения этого в будущей кампании. Долгая война приводит народ в уныние, и потому никто так мира не желает, как я. Надобны ли во флот сухопутные войска и сколько? Довольно ли 20 тысяч?». Алексей Орлов ответил, что с двадцатью тысячами он готов идти прямо на Константинополь. Екатерина спросила: «Нельзя ли овладеть

Галлиполи. Я бы могла доставить на флот четыре или пять тысяч иностранного войска». З.Г. Чернышев предположил, что от иностранного войска возникнут большие неудобства, а Н.И. Панин заметил, что враждебные державы, узнав об этом, могут выставить препятствия.

«Кроме всех неудобств при употреблении иностранных войск, – сказал А. Орлов, – всякий успех будет им приписан. Для избежания мнения, что мы без англичан ничего сделать не можем, я всегда старался употреблять, сколько можно, своих офицеров». Императрица на это заметила, что при Петре Великом были примеры употребления иностранных войск, и надобно сравнивать неудобства с выгодами.

Екатерина вышла из Совета, ясно выразив свое неудовольствие на ход войны. «Флот, – сказала она, – не делает ничего, а армия едва действует, а неприятель этим пользуется, и все это происходит собственно от нас».

После ухода императрицы Алексей Орлов предложил Совету как можно скорее отправить с Грейгом новую эскадру, разрешив ему бить встречных варварийцев. Совет согласился. Еще Орлов предложил не заключать с турками перемирия, что бы не дать им времени посоветоваться с французами.

О себе Орлов сказал, что видит волю императрицы, чтобы ему продолжать начальствовать над флотом, от чего как усердный сын отечества не уклоняется, но не может отвечать за себя в исправном исполнении возложенного на него дела, потому что подвержен болезненным припадкам. Тем не менее, императрица приказала Алексею Орлову уехать в Архипелаг.

21 октября 1773 г. из Кронштадта вышла 5-я Архипелагская эскадра под командованием контр-адмирала Грейга. В ее составе были 74-пушечный корабль «Св. Великомученик Исидор», три 66-пушечных корабля «Дмитрий Донской», «Мироносиц», «Александр Невский», два 32-пушечных фрегата «Павел» и «Наталия» и шесть транспортов. Эскадра шла по проторенному пути: Копенгаген – Портсмут – Гибралтар – Ливорно. Грейг, по одному ему ведомым причинам, придя в Ливорно 11 февраля 1774 г., простоял там полгода. В Аузу эскадра прибыла только 6 сентября 1774 г., уже после заключения мира с Турцией.

Как уже говорилось, для вооружения русских эскадр в Средиземном море Екатерина делала большие закупки орудий в Англии. Так, согласно указу от 10 февраля 1772 г., Адмиралтейству было приказано закупить на заводе Каррон в Шотландии чугунные пушки: 36-фунтовых – 123 и 30-фунтовых – 892. Английские купцы Томсон и Петерс обещали все эти пушки доставить в Петербург в течение 1772 г., но оговорили, что пушки

будут калибра 32 фунта. Наше Адмиралтейство задумалось: вводить ли новый калибр? Ведь 32-фунтовых пушек у нас отродясь не было. Но померили калибр, и он оказался равным нашим 30-фунтовым пушкам, то есть 6,46 дюйма (164 мм), и согласились. У нас во флоте эти пушки называли 30-фунтовыми каронскими, а позже изготовленные в России по их образцу 30-фунтовые пушки – «длинными обр. 1786 г.».

К 1 января 1774 г. в порту Ауза находились корабли «Европа», «Три Святителя», «Победоносец», «Чесма», «Ростислав», «Победа»; фрегаты «Не тронь меня», «Северный Орел», «Африка», «Григорий», «Делос», «Архипелаг», «Помощный», «Запасный»; бомбардирские корабли «Гром», «Молния» и «Страшный». Кроме того, фрегат «Улисс», переоборудованный из захваченного у турок торгового судна, и корабль «Иануарий» находились в капитальном ремонте.

У острова Патмос находились корабль «Три Иерарха», фрегаты «Тино», «Победа» и две полакры. В Ливорно стояли фрегат «Минерва», пинки «Венера» и «Сатурн».

В крейсерстве у Бейрута находились фрегаты «Николай», «Слава», «Надежда», «Святой Павел», «Наксия» и четыре полакры. У острова Леро крейсировал пакетбот «Почталион».

В первой половине 1774 г. русский флот крупных операций не производил, а корсары под Андреевским флагом баловались помаленьку. Документы на сей счет сохранились лишь обрывочные, и оценить ущерб, нанесенный корсарами, невозможно. По сему поводу есть лишь отдельные сообщения:

31 января 1774 г. шебека «Забияка» и галера «Унионе» отправились из Аузы к острову Цериго и захватили там какие-то мелкие суда.

27 февраля адмирал Спиридов, окончательно сдав дела вице-адмиралу Елманову, на корабле «Европа» в сопровождении фрегата «Григорий» и бомбардирского корабля «Страшный» отправился в Ливорно, куда и прибыл 17 марта.

12 марта на крейсерство к острову Имбро вышли фрегаты «Северный Орел», «Африка» и «Тино».

31 мая 1774 г. шебека «Забияка» имела бой с «корсарским судном» у берегов Кипра. После перестрелки противники разошлись в разные стороны. На «Забияке» убит один человек и ранено трое. Поскольку в документе не указана национальность «корсарского судна» (если бы это были турки, то уж написали бы обязательно), то это был конкурент-грек, оспаривавший у «Забияки» «зону влияния».

В ночь на 30 мая 1774 г. лейтенант Марк Войнович на фрегате «Слава»

в сопровождении двух шебек и двух полугалер высадил вошел в Хиосский пролив и высадил на азиатском берегу 130 греков-ипсариотов (уроженцев острова Псаро) под командованием капитана Варнача. Ипсариоты убили свыше 50 турок и захватили 4 пушки. Две медные и одну чугунную пушки греки доставили на борт фрегата, а одну большую чугунную пушку заклепали и сбросили в море. Затем отряд Войновича отправился крейсировать в Митиллинский пролив.

Несколько слов стоит сказать и о капитане Варначе. На самом деле его имя было Варвакис. Он был уроженцем острова Псаро и еще до войны промышлял пиратством, за что греки называли его капитаном. В 1770 г. Варвакис вместе со своей 20-пушечной полакрой присоединился к эскадре Алексея Орлова. Екатерина присвоила ему звание поручика, но все по-прежнему звали Варвакиса капитаном. После окончания войны Варвакис продолжал пиратствовать в Эгейском море. Туркам каким-то образом удалось его схватить и заключить в Семибашенный замок. Капитана ждала казнь, но его выручил русский посол в Стамбуле. Судно же Варвакиса прошло Проливы и прибыло в Еникале вместе с греками, желавшими переселиться в Россию.

По прибытии в Россию Варвакис был принят императрицей, от которой он получил тысячу червонцев и право беспошлинной торговли на 10 лет.

Но все это будет позже. А пока 13 июня 1774 г. лейтенант Панаиоти Алексиано на фрегате «Св. Павел» вместе с двумя полугалерами «Зижига» и «Лев» отправился на крейсерство к Дарданеллам. 26 июня Алексиано высадил 160 корсаров на небольшой остров Карыбада (Мекасти), находящийся в заливе Декария у румелийского берега. Навстречу корсарам выбежала толпа турок с одной пушкой. Но греки их рассеяли и захватили пушку.

Затем корсары осадили небольшую каменную крепость с пятью башнями. После небольшой перестрелки ее гарнизон капитулировал с условием, что туркам разрешать без оружия на лодках переправиться на румелийский берег. Корсары выполнили свои обещания, и начальник крепости Сардар Мустафа ага Каксарли с пятьюдесятью турками отправился к европейскому берегу. Греки перегрузили на «Св. Павел» взятые в крепости 15 пушек калибра от 3-х до 14 фунтов, 4200 ядер, 40 бочек с порохом и иные припасы. На берегу корсары сожгли 4 фелуки, а в крепости – все дома обывателей, и на том отбыли восвояси.

На фоне неудач русского флота на Станчо и в других местах это был, как никак, успех, и адмирал Елманов всем 257 корсарам, составлявшим

команды «Св. Павла» и полугалер, приказал выдать по одному червонцу.

В июне 1774 г. отряд Марка Войновича подошел к острову Эмброу, где получил «контрибуцию» скотом, а, сверх того, хлеба на 4000 пиастров. Затем Войнович взял на острова Самодраки (Самотраки) 50 быков и 200 баранов.

Одновременно отряд капитан-лейтенанта Псасора на островах Шкат-Скапель и Полидром собрали «контрибуцию» хлебом и дровяным летом для флота.

6 июля к острову Тассо за корабельным лесом прибыли корабль «Саратов», фрегат «Улисс», пинки «Венера» и «Сатурн», полака «Св. Екатерина» и ландра «Донец». Понятно, что столь внушительная эскадра нужна была не для борьбы с противником, благо, на острове не было турок, и выход турецкого флота из Дарданелл не ожидался. Просто заготовка леса шла «хозяйственным способом», и нужны были матросы для использования в качестве рабочей силы.

25 июля к русской эскадре Елманова, стоявшей у острова Тассо, подошла турецкая полугалера с белым флагом. На ней прибыли майор Белич (серб на русской службе) с письмом от фельдмаршала Румянцева, в котором говорилось, что 10 июля был заключен мир с турками. Кампания в Архипелаге закончилась.

Кючук-Кайнарджийский мир был следствием истощения сил обеих сторон. Хотя, разумеется, положение воюющих сторон было неравным. Передовые русские отряды были в 250 км от Константинополя. Ресурсы Оттоманской империи были истощены, а в России, как справедливо писала Екатерина, были области, где и не слышали о войне. Но и у России к лету 1774 года были большие проблемы. Польские дела не были окончательно урегулированы, и никто не представлял, сколько сил и средств потребуют они от России. А главное, в России свирепствовала пугачевщина. Советские историки в восстании Пугачева акцентировали упор на классовой борьбе крестьянства и помещиков. Это, безусловно, правильно. Но нельзя сбрасывать со счетов и то, что, честно говоря, в России не было законной власти. Де-факто, матушка Екатерина сделала для России не меньше, чем Петр Великий, и при этом обошлась без свирепого террора Петра. Но, де-юре, на престоле сидела немецкая принцесса, убившая своего мужа – законного русского императора Петра III. Это не могло не сказываться на поведении всех сословий русского общества – дворян, купцов, духовенства и крестьян. Не даром почти везде духовенство встречало Пугачева колокольным звоном. Дворянство, по понятным причинам, неохотно шло к Пугачеву, но зато с 1762 по 1774 год было

несколько дворянских заговоров с целью свержения Екатерины. Другой вопрос, что императрица подавляла их без казней (за исключением Мировича). Она тихо отправляла заговорщиков кого на Камчатку, кого в фамильную деревню, а кому затыкала рот деньгами и поместьями. Итак, у Екатерины было не меньше оснований мириться, чем у Абдул-Хамида.

Кайнарджийский договор включал в себя двадцать восемь открытых и две секретные статьи (артикула).

Крымское ханство становилось полностью политически независимым. В артикуле 3 говорилось: «Все татарские народы: крымские, буджатские, кубанские, едисанцы, жамбуйлуки и едичкулы без изъятия от обеих империй имеют быть признаны вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти, но пребывающими под самодержавной властью собственного их хана чингисского поколения, всем татарским обществом избранного и возведенного, который да управляет ими по древним их законам и обычаям, не отдавая отчета ни в чем никакой посторонней державе, и для того ни российский двор, ни Оттоманская Порта не имеют вступаться как в избрание и в возведение помянутого хана, так и в домашние, политические, гражданские и внутренние их дела ни под каким видом».

Однако турецкий султан оставался духовным главой крымских татар.

К России отошли ключевые крепости Керчь, Еникале, Кинбурн и Азов. Россия получила всю территорию между Бугом и Днепром, Большую и Малую Кабарду. В договор было включено условие, в силу которого Россия приобрела «право заступничества за христиан в Молдавии и Валахии». Султан признал императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей.

В секретный протокол был включен пункт о выплате Турцией России контрибуции в 4,5 миллиона рублей. Этот пункт носил, скорее, престижный характер, а контрибуция была символической. Только за один 1771 год Россия потратила на войну 25 миллионов рублей. Между прочим, в 1773 году Обрезков требовал у турок контрибуцию в 40 миллионов рублей.

Понятно, что наиболее важным моментом во взаимоотношениях с Турцией была свобода торгового мореплавания и возможность держать военные суда в Черном и Средиземном морях.

В 11-й статье трактата о мире было записано: «Для выгодности и пользы обеих империй имеет быть вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие

государства в торгах в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое, а из Белого в Черное, так, как и приставать ко всем гаваням и пристаням на берегах морей и в проездах, или каналах, оные моря соединяющих, находящимся».

Русские купцы Англии и Франции, «в наибольшей дружбе с нею прибывающие»: «привозить и отвозить всякие товары и приставать ко всем пристаням и гаваням как на Черном, так и на других морях лежащим, включительно и Константинопольские».

В договоре не было ни слова о праве России держать военный флот на Черном море. Но не было и запрета строить военные корабли. Вместе с тем текст договора давал определенные основания строить и держать их, хотя бы для конвоирования купеческих судов. Договор распространял на Россию права Франции и Англии, «и капитуляции [соглашения] сих двух наций и прочих, яко бы слово до влова здесь внесены были, должны служить во всем и для всего правилом, равно как для коммерции, так и для купцов Российских…»

Между тем эти «капитуляции» предусматривали легкое артиллерийское вооружение самих купеческих кораблей (4–6 пушек) и конвой военных судов среднего класса.

Этот пункт договора юридически давал право русским военным судам свободно плавать по всему Средиземному морю, и плавать куда угодно, хоть к Константинополю, так как суда Англии и Франции имели такое право. Однако русские военные суда не могли пройти южным, Дарданелльским проливом и пристать у Константинополя.

Ряд отечественных историков, в том числе В. Шеремет, трактуют Кайнарджийский договор как «самый обширный и детализированный их всех русско-турецких договоров», и т. п.

Автор же склонен считать этот договор наспех состряпанным перемирием. Договор не только не решал ни один вопрос. Состояние отношений между Турцией и Россией оставались метастабильными, то есть любая мелочь могла вызвать лавину взаимных претензий и, соответственно, войну.

Выполнение многих артикулов договора было нереальным. России не запрещалось иметь флот, но ему негде было базироваться (мы уже говорили о невозможности базирования больших кораблей в Азове и Таганроге).

Строгое и точное выполнение обеими сторонами артикула 3 по Крыму неизбежно вызвало бы возвращение Крыма под влияние Порты, то есть – к довоенной ситуации.

Заключение Кючук-Кайдарджийского мира принесло не облегчение, а

тревогу и беспокойство русскому флоту в Архипелаге – всем, от вице-адмирала Елманова до простых матросов.

Подписавший договор фельдмаршал Румянцев хотя и считался великим полководцем, ни уха, ни рыла не смыслил в морских делах и согласился с турецким требованием, чтобы русский флот ушел из Архипелага в течение трех месяцев.

Начнем с того, что не менее 40 % русских судов нуждались в ремонте. Ведь турки не разрешили русскому флоту идти на родину самым коротким путем – через Проливы в Черноморские порты. По условиям мирного договора все военные суда должны были идти обратно на Балтику вокруг Европы. А такое плавание не сравнить с крейсерством в Эгейском море в 200–300 км от главной базы. Большинство судов подлежало ремонту, а многие вообще не могли идти.

Но это полбеды. Главное – надо было эвакуировать целую «губернию» с администрацией, Адмиралтейством, госпиталями и другими казенными учреждениями, сухопутные войска и т. д. Жители более двадцати греческих островов приняли русское подданство, на стороне России воевали многие тысячи греков, албанцев, славонцев и других народов. Как быть с ними? Мы помним, что в первые два-три года войны Екатерина ставила перед дипломатами цель: добиться на мирных переговорах закрепления «губернии» за Россией. И это греки хорошо знали. А вот теперь их предали.

Русские власти попытались исправить ситуацию с союзниками различными полумерами. Во-первых, предоставили возможность желающим переселиться в Россию. Во-вторых, в статьях Кючук-Кайнарджийского мира содержалось обязательство султана не мстить союзникам русских из числа османских подданных.

По Кючук-Кайнарджийскому миру Россия получила право учреждения консульств в Османской империи. Почти все консульства были учреждены в южной части Балкан, в городах и на островах Греции: в Салониках, Патрах (Пелопоннес), Арте (Эпир), на Негропонте (Эвбее), Хиосе, Родосе, Крите, Миконосе, Самосе, Санторине, а также в Смирне (Измире), на азиатском берегу Эгейского моря и на Кипре. Консульства были учреждены и на находившихся под венецианским господством островах – Корфу, Закинфе и Кефаллинии. Замечу, что больше Россия никогда не имела столь обширной консульской сети в Греции, как в екатерининскую эпоху.

Консульства должны были следить за выполнением турками своих обязательств и по мере возможности защищать греков. Об этом свидетельствует греческий писатель Адамантиос Корис, живший во

Франции и вовсе не принадлежавший к числу поклонников Екатерины II. В 1803 г. он писал: «Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя будто они вступили в подданство или служили под начальством русских»[18].

Глава 5
Война 1787–1791 годов

Греческий проект Екатерины Великой уже 200 с лишним лет служит любимым коньком русофобов и антисоветчиков, которые, как мы в 1991 году узнали, представляют одно и тоже. Это проект служит якобы доказательством агрессивности русских и их стремления к безудержной экспансии. Советские же историки предпочитали обходить проект стороной.

Попробуем разобраться, что было на самом деле. Первым о необходимости занятия Константинополя заговорил «тишайший» царь Алексей Михайлович. О планах Петра I в отношении Проливов и Константинополя Екатерина II узнала, как говорится, из первоисточника – от сподвижника Петра фельдмаршала Бурхарда Миниха. В один из дней рождений наследника престола Павла Петровича приглашенный во дворец Миних высказал такое пожелание имениннику: «Я желаю, чтобы когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я мог бы поздравить его генералиссимусом российских войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою… Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из вида своего любимого намерения – завоевать Константинополь, изгнать турок и татар и на их месте восстановить христианскую греческую империю»[19]. И это не была рутинная лесть придворного. Миних в 1736 г. брал Крым.

В июле 1771 г. в Петербург по приглашению императрицы прибыл известный греческий священник и ученый Евгений Булгари (Евгениос Вулгарис). Почти сразу Екатерина дала ему аудиенцию в Царскосельском дворце. Обращаясь «ко благочестивой и христолюбивой, Богом прославляемой, непобедимой, великой императрице всероссийской» и выражая сожаление, что она не является и греческой императрицей, он призывал ее оказать помощь в освобождении его родины: «Соверши ты мое благополучие приведением и рода моего в благополучное состояние. Греция после Бога на тебя, державнейшая императрица, взирает, тебя молит, к тебе припадет».

27 апреля 1779 г. у цесаревича Павла от второй жены родился второй

сын. Бабушка поспешила окрестить его Константином, именем, ранее не встречавшимся в домах Калиты и Романовых. Уже имя, данное великому князю, заключало в себе намек на имевшуюся для него в виду карьеру.

Несколько забегая вперед, я процитирую посвящение великому князю Константину Павловичу из книги Матвея Коковцева «Описание Архипелага», изданной открыто в Петербурге в 1786 г. «Константин основал престол в Цареграде и просветил Восточную [Римскую. – *А.Ш.*] империю. Константин потерял сей град и владычество. Константину предписано в книге судеб восстановить сие царство. Преподнося книгу, изъявляю предчувствие Греческих народов, ожидающих своей свободы от брегов Невы».

Сама же книга Коковцева представляет собой военно-топографический справочник по островам Архипелага, рассчитанный на высших и средних офицеров армии и флота.

Кормилицей великого князя Константина была гречанка. Екатерина в ходе беседы с английским послом Гаррисом, отец которого был ученым знатоком древнего мира, о греках, многозначительно заметила, что им предстоит великая будущность. На празднестве, устроенном по случаю рождения Константина, читались греческие стихотворения. На медали, выбитой по поводу этого события, были изображены Софийский храм в Константинополе и Черное море, под которым сияет звезда. А на храме Святой Софии, которую турки обратили в мечеть, четко был виден крест.

Рождение Константина можно считать и рождением так называемого «греческого проекта». Некоторые исследователи, в том числе В.И. Шеремет, полагают, что «первые наброски проекта» появились в 1780 г., а автором проекта считают графа А.А. Безбородко. На самом деле мы видим, что проект появился на год раньше, а его авторами были Екатерина и Потемкин. Граф же Безбородко, бывший казак, (помните, у Пушкина: «В князья не прыгал из хохлов»), был талантливым дипломатом и превосходным организатором, но он всегда оставался лишь исполнителем, и такой фантастический проект был ему явно не по плечу.

10 (21) сентября 1782 г. Екатерина отправил австрийскому императору Иосифу II письмо, вошедшее в историю под названием «Греческий проект». Она начала его с жалобы: Порта чинит препятствия проходу русских судов через Босфор и Дарданеллы, подстрекает жителей Крыма к восстанию, нарушает права Дунайских княжеств. Затем следовали уверения в миролюбии и будто бы присущей царице умеренности: «…я не добиваюсь ничего, выходящего за рамки, установленные договорами». Но на всякий случай ей и Иосифу благоразумно заранее продумать о

возможных военных операциях и подписать «секретную конвенцию о вероятных приобретениях, которых мы должны домогаться у нарушителя мира», то есть у Турции. Екатерина утверждала, что в европейских владениях Порты христиан в пять или шесть раз больше, чем турок.

На освобожденных от турок землях предполагалось создать два полностью независимых государства: Дакию и Греческую империю. В составе Дакии должны были быть нынешние Молдавия, Румыния и часть Болгарии. Греция, южная Болгария, Македония и острова Архипелага должны были составлять Греческую империю со столицей в Константинополе. Для проектируемой империи был уже готов и император – Константин II. При этом наследник цесаревич Павел и его старший сын великий князь Александр должны заранее письменно отречься от всяких претензий на константинопольский престол.

Иосиф II долго колебался и, наконец, 13 ноября 1782 г. ответил. В принципе, он был согласен с Греческим проектом, хотя и указывал на многочисленные препятствия на пути к его реализации. Иосиф II очень боялся вмешательства Пруссии и Франции. Особенно в его письме досталось Фридриху Вильгельму: «Нет предела ненависти и недоверия, поистине неистощимых, прусского короля… Если бы он мог обрушить на меня и тех, кто связан со мною узами интереса и дружбы, он, вне всякого сомнения, совершил бы и это».

Далее Иосиф переходит к делу: «Что касается создания нового королевства Дакия с государем греческой религии и утверждения Вашего внука Константина сувереном и императором греческой империи в Константинополе, то лишь ход войны может все решить; с моей стороны осуществление всех Ваших замыслов не встретит затруднений, если они будут сочетаться с тем, что я считаю достойным». То есть, проще говоря, «что я с того иметь буду?» А император желал приобрести крепость Хотин с окрестностями, Малую Валахию до реки Алута (Олт), Видин, Орсову и Белград, а оттуда – прямая линия до Адриатического моря у Дринского залива. Поскольку в Далмации Иосиф мечтал захватить не только турецкие, но и венецианские владения, то предлагал Венецианской республике взамен остров Крит и ряд земель в материковой Греции.

В письме от 11 января 1783 г. Иосиф II подтвердил свое принципиальное согласие. Россия и Австрия заключили между собой военный союз. Особенностью этого союза было отсутствие формального договора. Его решили не подписывать как из-за протокольных сложностей – подпись императора Священной Римской империи не могла быть второй, и Екатерина II не хотела подписываться второй, – так и из-за соображений

секретности. Чтобы обойти такое затруднение, Иосиф предложил вместо формальной редакции договорной грамоты в двух экземплярах обменяться двумя письмами, почти тождественного содержания, которые имели бы силу формально заключенного договора.

Зачем России нужен был Греческий проект? Мало ли у нас бабушек, безумно любящих внучат и желающих устроить им великую карьеру? Французский посол в Петербурге граф Сегюр писал: «Дворяне, нисколько не желая завоеваний каких-нибудь степей, знали только, что понесут новые тяжкие повинности, необходимые для умножения армии. Только некоторые генералы и молодые офицеры желали войны, сулившей им славу и награды».

Увы, граф ошибался. Дворяне прекрасно помнили, как в их детстве крымские татары нападали на южные губернии России. А в Малороссии еще в конце XIX века у стариков было самое страшное ругательство: «Чтоб тебя крымская сабля посекла». А разбои татар, как уже говорилось, покрывала Османская империя. Без контроля над Проливами Россия была вынуждена содержать огромные сухопутные силы, Черноморский флот и многочисленные береговые крепости – Севастополь, Очаков. Керчь и др. Причем, Черноморский флот был заперт турками в Черном море даже в мирное время. Таким образом, контроль над Проливами был самой жизненно необходимой задачей Русского государства, особенно после третьего раздела Польши, когда западные границы империи совпали с историческими границами расселения русского народа, включая, разумеется, малороссов и белорусов.

Возможно ли было полное вытеснение турок с Европейского континента в конце XVIII века? При энергичных и согласованных действиях русских и австрийских войск и невмешательстве других стран Европы были реальные шансы выбросить турок из Европы. Другой вопрос, что дало бы России создание Греческой империи во главе с Константином II? Создание империи из конгломерата ничем не связанных между собой и зачастую враждебных племен было нереальной затеей. Да и если бы удалось создать такую империю, то Константин II не смог бы гарантировать постоянную ее лояльность России без наличия русских пушек на Босфоре.

Екатерина была достаточно умна и понимала, что развал Османской империи или, по крайней мере, оттеснение турок вглубь Малой Азии, то есть откуда они пришли, может вызвать целую лавину непредсказуемых последствий. К примеру, кто из штурмующих Бастилию думал о том, что через десять с небольшим лет Франция станет империей и владычицей

Европы?

Видимо, Греческий проект был для русской императрицы не целью, а средством вовлечь своих подданных, а также Иосифа II в тотальную войну с османами. Помните фразу Наполеона, сказанную Евгению Богарне: «Надо ввязаться в бой, а после разберемся».

Никакой «греческой империи» не нужно было России, равно как ей не нужен был и Константинополь. В Константинополе с окрестностями в XVII – начале XVIII веков проживало 1,5–2 миллиона паразитирующего населения, то есть людей, которые не сеяли, не пахали, не ткали, а жили на 95 % за счет эксплуатации населения огромной Османской империи. Ну, присоединили бы город к России. Кто бы стал кормить дармоедов – русский мужик?

Хорошо болтать о возвращении креста на Святую Софию. А дальше что? Зачем нужны России два миллиона иноверцев, которые в любой момент по призыву фанатичных мулл и дервишей могут устроить бунт и начать резать христиан? А что делать с Константинопольским патриархом и пятьюстами тысячами православных греков? Подчинить патриарха петербургскому Синоду или наоборот, Синод – патриарху? Русская и греческая церковная вера – православие, но у них есть существенные различия. На расстоянии у них братская любовь, а попробуйте-ка их слить?

Все это лишь ничтожная часть проблем, которые возникли бы при присоединении Константинополя. Поэтому всякие призывы – «Константинополь рано или поздно, а должен быть наш» (Достоевский) – следует рассматривать лишь как пропагандистские лозунги. Неграмотному крестьянину не объяснишь стратегических аспектов обороны Черного моря и тонкостей препонов, чинимых турками русской торговле, поэтому и нужны лозунги: «Спасем братьев славян», «Даешь крест на Святой Софии».

Замечу, что поддержка «Греческого проекта» была для Иосифа I лишь средством приобретения новых земель для своей империи. Вена никогда не согласилась бы на передачу Проливов России. Надо ли говорить, что в случае захвата Россией Константинополя в период до 1789 г. против Екатерины II объединилась бы вся Европа – Англия, Франция, Испания, Неаполитанское королевство, Австрия и Пруссия. Не замедлили бы в очередной раз взбунтоваться и польские паны. Так что реализация «Греческого проекта» Екатериной в целом было химерой, но с пропагандистской точки зрения сей проект, на мой взгляд, себя оправдал.

В 1787 г. турки вновь напали на Россию. И вновь Екатерина вернулась к плану атаковать османов на Средиземном море. Первый отряд

Средиземноморской эскадры Грейга 5 июня 1788 г. вышел из Кронштадта и направился в Копенгаген. В его составе были три новых 100-пушечных корабля «Иоанн Креститель» («Чесма»), «Три Иерарха» и «Саратов», 32-пушечный фрегат «Надежда», а также несколько транспортов. Командовал отрядом вице-адмирал Виллима Петрович Фондезин (фон Дезин).

17 февраля 1788 г. Екатерина II подписала воззвание к грекам, где она обращалась к «преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам и всему духовенству, благородным и нам любезноверным приматам и прочим начальникам и всем обитателям славных греческих народов» с патетическим призывом: «Нещастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воительности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель растерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще истребить в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и мужество».

Увы, у «Горе-богатыря»[27] Густава III не хватило ума подождать ухода всей Средиземноморской эскадры с Балтики, а уж потом нападать на Россию. За это он и поплатился. Однако русско-шведская война 1788–1790 гг. не позволила Екатерине II отправить с Балтики на Средиземное море ни одного судна.

Тем не менее, в Восточном Средиземноморье оказались сразу две русские эскадры. Надо ли говорить, что обе они были корсарскими.

Еще в марте 1788 г. Екатерина назначила командующим сухопутными силами на Средиземном море 53-летнего генерал-поручика Ивана Александровича Заборовского.

Летом 1788 г. Заборовский прибыл во Флоренцию и немедленно занялся вербовкой наемников. 1 июня 1789 г. Заборовский пишет Екатерине: «По приезде в Италию я послал обер-офицера на Мальту, а штаб-офицера в Тоскану, где [он] осмотрел набранные на службу 70 корсиканцев, и их отправили в Сиракузы, а бригадиру Мещерскому предписал воздержаться от их дальнейшего набора».

Чем Заборовскому не угодили корсиканцы, остается загадкой. Об этом факте и не стоило бы упоминать, если бы неприязнь нашего генерал-поручика не изменила бы историю человечества. В начале 1789 г. Заборовский получил прошение о приеме на русскую службу от младшего лейтенанта французской армии, служившего в Валансе. Звали лейтенанта Наполино Буона Парте. Двадцатилетнему корсиканцу из семьи адвоката

явно не светила карьера в королевской армии, а о том, что через несколько недель падет Бастилия, в Валанской глухомани и помыслить никто не мог. Но, увы, Заборовский резко отклонил просьбу Наполино. Тут была и неприязнь к корсиканцам, да еще этот молокосос просил сразу чин майора.

К августу 1789 г. Заборовскому и К^{o} удалось, затратив огромные казенные деньги, «с бору по сосенке» сколотить «легкую российскую флотилию» под командованием Гульельма Лоренца. До этого Лоренц был мальтийским пиратом. В апреле 1789 г. контр-адмирал Гибс, находясь в Италии, познакомился с Лоренцем и принял его на русскую службу в чине капитана 2 ранга. В нее вошли три фрегата, пактбот «Российский Орел», три шебеки, полакра и кирлангач.

Второй флотилией, управляемой Заборовским, была флотилия лихого греческого корсара Ламброса Качониса. Еще в 1769 г. семнадцатилетний Ламброс вместе со своим старшим братом захватили торговое судно и начать пиратствовать в Архипелаге. В морском бою с турками погиб старший Качонис, а пиратский «фрегат» был потерян. После этого Ламброс поступил в русский Егерский корпус и участвовал в ряде десантов русского флота. Однако кончил войну он лишь сержантом. В 1775 г. Ламброс переселяется в Керчь. В 1777–1778 гг. сержант Качонис отличился в подавлении татарских бунтов и получил офицерское звание.

21 апреля 1785 г. указом Екатерины II Качониса был «пожалован в благородное российское дворянство и внесен во вторую часть Родословной книги Таврического дворянства». А в следующем году президент Военной коллегии князь Потемкин произвел Качониса в чин капитана (армейского).

С началом войны Качонис сколотил отряд греков, который в ночь с 10 на 11 октября 1787 г. недалеко от Гаджибея на лодках захватил большое турецкое судно. Оно и было названо «Князь Потемкин Таврический». Дюжина пушек, 60 лихих парней и отважный капитан Ламброс – чего еще надо? Славно порезвился «Потемкин» на Черном море!

Сразу после начала войны Потемкин оперативно раздает грекам пушки и порох, а также флотские и армейские чины. Им даже платят жалованье, хотя и крайне нерегулярно. К 21 октября 1787 г. к бою было готово уже 21 крейсерское судно. В Херсоне и Петербурге долго думали, как окрестить пиратов. Корсары и каперы никогда у нас в списках судов или личного состава не числились, пиратами называть неприлично, поэтому был введен хитрый термин – «крейсерское судно», который позже здорово путал русских и советских историков.

Надо сразу сказать – крейсерские суда на Черном море не только

пиратствовали, они проводили разведку, конвоировали транспортные суда, а самое главное, они участвовали во всех крупных сражениях русского флота.

Крейсерские суда участвовали во всех баталиях Федора Федоровича Ушакова, о чем сейчас стараются забыть: святой адмирал – предводитель пиратов – как-то несолидно.

А другой наш знаменитый адмирал Д.Н. Сенявин еще капитаном 2 ранга в сентябре 1788 г. возглавил отряд из пяти пират…, пардон, крейсерских судов, изрядно пограбивший турок в районе Синоп – Керасу. Замечу, это был первый случай русского десанта в глубине турецкой территории после казачьих походов XVII века.

Но вернемся к Ламбросу Качонису. Ему показалось тесным Черное море, и он покупает в Триесте купеческое трехмачтовое судно с парусной фрегатской оснасткой, вооружает его и называет «Минерва Севера». Отметим, как удачно корсар подобрал название. Вскоре за счет присоединившихся частных греческих судов и захваченных турецких Качонис сформировал большую эскадру.

Каченис писал Потемкину: «…по всей Турции гремит, что Архипелаг наполнен русскими судами, но на самом деле в Архипелаге нет более корсаров, чем я сам и 10 моих судов».

К сожалению, объем книги не позволяет рассказать обо всех подвигах Качониса и его сподвижников, поэтому интересующихся я отправляю к своим книгам «Русские пираты» (М.: Вагриус, 2007) и «Адмиралы и корсары Екатерины Великой» (М.: Вече, 2006). Кстати, в 1813 г. Джордж Гордон Байрон пишет знаменитую поэму «Корсар». Прототипом главного героя поэмы Конрада, естественно, был Ламбро Качиони, а его главным противником – турецкий Сеид-паша, в жизни паша Сеит-Али.

По окончании боевых действий Екатерина повелела все суда обеих флотилий – «казенной» и Качониса – разоружить в Триесте, а затем часть судов продать на месте, а другие отправить через Проливы в Черное море, погрузив на них греков, желающих выехать в Россию.

С судами, ушедшими в 1791 г. зимовать в Сицилию, проблем не было. Они были разоружены и большей частью проданы итальянским и греческим купцам. Весной 1792 г. в Севастополь из Средиземного моря пришли шесть корсарских (крейсерских) судов.

Греция даже не упоминалась.

Получив от главнокомандующего русскими силами на Средиземном море В.С. Томары приказ отвести свои корабли в Триест и там разоружить их, Качонис не стал его выполнять.

В марте 1792 г. 11 судов флотилии Качониса подошли к мысу Матапан [28] – самой южной точке области Мани на Пелопоннесе. Там Ламброс выбрал для своей базы Порто-Кайло (Порто Кагио) – бухту с узким входом, со скалистыми берегами, хорошо защищенную от господствующих ветров.

Качонис больше не называл себя полковником русской службы, а объявил себя королем Спарты.

Базируясь на Порто-Кайло, корсары продолжали держать в страхе Восточное Средиземноморье, захватывая торговые суда как турок, так и нейтралов. Так, у города Навплия Качонис ограбил, а затем сжег два французских торговых судна.

В конце концов турецко-французской эскадре удалось разгромить флотилии и базу Качониса.

Ну а сам знаменитый пират оказался… при дворе матушки государыни и получил в подарок поместье в Крыму. Проживая в Крыму, Качонис купил недалеко от Ялты местечко Панас-Чаир, что в переводе с греческого означает «священный луг». Там Ламброс начинает строительство своей усадьбы, которую переименовывает в Ливадию по имени своего родного городка Ливадия, находящегося в 120 км от Афин, недалеко от горы Парнас и Дельфийского храма.

Подведем некоторые итоги. Попытки Екатерины Великой по вовлечению греков в конфликт с Оттоманской империей полностью себя оправдали в обеих войнах. Побочным же фактором стало резкое усиление религиозной вражды между православными греками и мусульманами, включая тех же греков. Ну а у образованной и зажиточной части населения (в первую очередь связанной с торговлей) получили широкое распространение националистические взгляды. Причем, речь шла не о борьбе с падишахами-тиранами, а о желании провести этническую чистку. Греция – для греков, и притом только для православных греков. Причем речь шла об «освобождении» Эллады не в границах нынешней Греции, а по принципу «чем больше, тем лучше». Во всяком случае, с Константинополем, всеми островами и западным побережьем полуострова Малая Азия.

Глава 6
Русско-турецкая война 1877–1878 гг

Летом 1875 г. в южной Герцеговине вспыхнуло антитурецкое восстание. Крестьяне, подавляющее большинство которых было христианами, платили в 1874 г. натуральный налог в объеме 12,5 % от сбора урожая, то есть меньше, чем в России или Австро-Венгрии. Ближайшим поводом к восстанию послужили якобы притеснения христианского населения турецкими сборщиками податей. Из Герцеговины восстание перекинуло в Боснии, а затем в Болгарию.

Повстанцы вырезали тысячи гражданских лиц, как турок, так и славян, принявших ислам. Но об этом помалкивали и европейская, и российская пресса. Информацию приходится собирать буквально по крупицам из антиосманских изданий. Тот же Федор Достоевский в «Дневнике писателя» признает, что в русской прессе распространялись душераздирающие статьи о голоде и лишениях славянских подданных султана: «Еще до объявления войны я, помню, читал в самых серьезнейших из наших газет, при расчете о шансах войны и необходимо предстоящих издержек, что, конечно, “вступив в Болгарию, нам придется кормить не только нашу армию, но и болгарское население, умирающее с голоду”. Я это сам читал и могу указать, где читал, и вот, после такого-то понятия о болгарах, об этих угнетенных, измученных, за которых мы пришли с берегов Финского залива и всех русских рек отдавать свою кровь, – вдруг мы увидели прелестные болгарские домики, кругом них садики, цветы, плоды, скот, обработанную землю, родящую чуть не сторицею, и, в довершение всего, по три православных церкви на одну мечеть, – это за веру-то угнетенных!»[20].

Федор Михайлович обличает тех, кто говорит: «У нас, дескать, и зажиточный мужик так не питается, как этот угнетенный болгарин».

Ну а как христиане-славяне режут друг друга и славян-мусульман, мы все знаем по войнам 90-х годов XX века в бывшей Югославии. Другой вопрос, что западная пресса в конце XX века винила во всех грехах сербов, а в 1875–1877 г. – турок. На самом деле ни в XIX, ни в XX веках ни одна сторона не была «белой и пушистой».

В Болгарии же ситуация усугублялась тем, что в середине 60-х годов XIX века турецкое правительство поселило туда 100 тысяч «черкесов» –

горцев-мусульман, эмигрировавших с Кавказа.

«Вспыхнувшие в апреле 1876 года в районе расположенного между Эдирне и Софией Пловдива, эти волнения были подавлены нерегулярными силами, состоявшими из черкесов, которые после захвата мусульманских государств Кавказа Россией, в 1864 году были депортированы из своих земель и переселены турками в район Пловдива. На самом деле резня христиан в районе Пловдива достигла небывалого масштаба, но численность погибших во время “болгарских злодеяний”, а именно так называла эту резню тогдашняя британская пресса, была преувеличена, чему всячески способствовал русский посол в Стамбуле, граф Николай Игнатьев. К этим шумным протестам присоединил свой голос и Гладстон, который не удосужился изучить исторические обстоятельства, ставшие причиной появления черкесов на Балканах»[21].

Я умышленно даю большие цитаты, дабы не быть обвиненным в туркофильстве.

Чем же были так недовольны те же болгары? Помещиков почти нет, земельные наделы большие? Ах, религиозное притеснение? Да, действительно болгарское духовенство и «интеллигенция» возмущались религиозным гнетом.

Так, в 1868 г. публицист Стоян Чомаков в брошюре «Болгарский вопрос» возмущался: «Мы, болгары, были не просто подчинены чужой династии, но были также подвергнуты и духовному владычеству чужого народа: мы жили не как прямые подданные султана, но как истинная райя, стадо, отданное османами в аренду господам Фанара»[22].

Напомню, что Фанар – район Константинополя, где находилась резиденция православного патриарха. Так что претензии болгар в религиозном отношении были не к мусульманам, а к православному патриарху. Болгары требовали независимой от константинопольского патриарха церкви. Не мудрствуя лукаво, болгарские иерархи Сокольский и К^{o} отправились в Рим, где Сокольский был рукоположен в сан архиепископа. По возвращении он подучил признание турецких властей, а новая конфессиональная община стала использовать печать с такой желанной гравировкой: на одной стороне – «булгар миллети», на другой – «Соединенная болгарская патриархия».

С помощью негласного покровительства Османской империи болгарское униатское движение к 1861 г. достигло значительных успехов. Общины униатов официально действовали в Пловдиве, Видине, Тырново и других местах.

Представим на секунду картинку: в 1876 г. духовенство, интеллигенция и крестьянство Рязанской или Астраханской губерний потребовали бы от царя освободить их от гнета Священного синода и разрешить им иметь отдельную Рязанскую или Астраханскую церковь. Если бы дело ограничилось болтовней, то все организаторы пошли бы на каторгу в Сибирь или были бы навечно замурованы в подземельях монастырских тюрем. Ну а в случае вооруженного выступления крестьян крови было бы не меньше, чем в Болгарии.

Турецкое же правительство не имело ничего против перехода болгар в униатство. Зато в России весть об унии произвела шок. Посол в Константинополе и консулы на Балканах начали активную борьбу против униатства и сумели приостановить дальнейший переход болгар в греко-католическую церковь. Естественно, что подобная информация не была известна не то что русскому народу, но и Достоевским, и Тютчевым, свято веривших в то, что турки навязывают бедным болгарам ислам.

А вот как начиналось восстание в Болгарии. В 1875–1876 гг. на ее территорию из России и Австро-Венгрии прибыли сотни агитаторов и террористов. Один из руководителей заговора, Захарий Стоянов, позже в «Записках о болгарском восстании» и не пытался скрывать, что «в основе проводимой апостолами агитационной работы лежал циничный пропагандистский трюк, ориентированный на откровенный обман и запугивание сельского населения. Во-первых, каждый агитатор должен был распространять по деревням якобы достоверную информацию о готовящейся турками массовой резне болгар. Легенда подавалась следующим образом: “Известно ли вам, братья, что турецкий комитет в Царьграде, состоящий исключительно из фанатиков-софт, подготовил всеобщее избиение болгар. Резня должна начаться весной. Целый рой ходжей и софт уже отправился по турецким селам распространять это решение… Во всех городах туркам от мала до велика раздают оружие… страшные времена наступают для нашего народа”. Во-вторых, взывая к инстинкту самосохранения, призывать соотечественников срочно вооружаться для самообороны. В-третьих, намекать, что действия комитетчиков являются не самодеятельностью, а мероприятием, спланированным совместно с правящими кругами некой иностранной державы (России, Сербии или Румынии), и подразумевают военную помощь извне. В-четвертых, угрожать колеблющимся расправой, предупреждая, что “все села, которые не восстанут… будут считаться врагами, как сами турки”…

…Отмечая традиционную привязанность болгар к семье, дому,

имуществу, З. Стоянов сетовал, что крестьян интересовало лишь благополучие их семей, они “не хотели знать ничего, что делается за оградой”. Против замыслов апостолов работал и социальный фактор. Относительно высокую степень материального благосостояния болгарского крестьянина Фракии, задействованного в Апрельском восстании, была вынуждена признать в свое время даже официальная марксистская историография…

…Для начала организаторы позаботились о появлении в болгарских селах турецких трупов. В частности, именно убийство нескольких турок ознаменовало собой начало событий в Панагюрище. Эту тактику Г. Бенковский цинично называл недоступной для понимания простолюдинов “бунтарской тонкостью”. В ответ на недоумение крестьян (“зачем убивать всех без разбора, среди них есть вполне приличные люди”) он откровенно пояснил: “Я уверен, что при малейшей неудаче с нашей стороны – многие уберут оружие и снова преклонят голову перед ятаганом тирана, особенно наши сельские бунтовщики. Другое дело, когда село запятнало себя несколькими трупами”.

К “тонкостям” подобного рода можно, по всей видимости, отнести и упоминаемую З. Стояновым тактику преднамеренного поджога комитетчиками временно оставленных по их призыву деревень. В частности, по прямому указанию Г. Бенковского в Пловдивском округе были дотла сожжены (иногда вместе с оставшимися стариками и скотом) многие опустевшие села – Смолско, Каменица, Раково, Дереорман, Паланка, Славовица и другие. Эти пожары местные жители естественным образом списывали на действия фанатиков-мусульман. Заговорщики же, благодаря поджогам, решали сразу две задачи: заставляли потерявших имущество и обозленных крестьян участвовать в бунте (делали их “насильно восставшими”) и одновременно приобретали козырь для привлечения внимания мировой прессы к зверствам турок…

…Откровенно провокационный характер запланированной акции Г. Бенковский даже не пытался скрывать от своего окружения. З. Стоянов сам был свидетелем, как в присутствии соратников, глядя с высоты холма на пламя подожженных по его приказу болгарских деревень и театрально распростерши руку, он публично заявил:“Моя цель достигнута! В сердце тирана я нанес такую лютую рану, которая уже никогда не заживет. Пусть теперь Россия разбирается!”»[23].

Стоянов, Бенковский и К^{o} достигли своей цели. По всей Европе прокатилась буря негодования. Британский либерал Вильям Гладстон

осудил султана и турок, заявив, что «с первого злополучного дня своего появления в Европе они остаются самой антигуманной разновидностью человечества»[24].

Гладстон в памфлете «Болгарские ужасы» потребовал: «Пусть турки унесут с собой свои злоупотребления единственно возможным способом, а именно, добровольно уйдя… со всеми пожитками… из провинции, которую они опустошили и осквернили»[25].

События в Болгарии совпали по времени с большим невыполнением турецким казначейством его финансовых обязательств, что придало зверствам турок новый, внушающий ужас облик, вызвав по всей Болгарии настроения туркофобии.

Когда я пишу эти строки, я попросту восхищаюсь британскими политиками и их «независимой» прессой. Двадцать лет назад, в Крымскую войну, потери англичан убитыми и умершими от болезней составили 22 тысячи человек. Страна понесла огромные финансовые потери. И все ради бедных турок, обижаемых русскими. Ну а горными пушками и превосходными винтовками «просвященные мореплаватели» снабжали диких горцев (черкесов) свыше полувека. И вот эти черкесы порезали первыми напавших на них болгар.

И вот за несколько недель газетной шумихи мнение британского обывателя меняется на 180°. В результате, Англия в ходе войны 1877–1878 гг., не сделав ни одного выстрела, только за счет болтовни политиков и журналистов приобрела Кипр, который, как мы уже знаем, был ранее «незалежным» королевством.

Ай да независимые британские СМИ! Снимаю перед ними шляпу и удивляюсь, почему нормальные русские люди не бьют в морду нашим либералам за одно упоминание о «международном общественном мнении».

Итак, просвещенная Европа получила традиционный повод вмешательства в Балканские дела – защита мирного населения. Разумеется, демагогическая болтовня была лишь дымовой завесой для прикрытия корыстных целей. Англия стремилась установить свое господство в Египте и Константинополе, но при этом не допустить усиления России.

Несколько упрощая проблему, можно сказать, что политика Австро-Венгрии на Балканах имела программу минимум и программу максимум. Программа минимум состояла в том, чтобы в ходе конфликта на Балканах не допустить территориального расширения Сербии и Черногории. В Вене считали, что само по себе существование этих государств несет угрозу «лоскутной империи», поработившей миллионы славян. Надо ли говорить,

что Австро-Венгрия была настроена категорически против любого продвижения России к Проливам.

Программа максимум предусматривала присоединение к Австро-Венгерской империи Боснии и Герцеговины. И, конечно, в Вене не отказывались от традиционной мечты – контроля за устьем Дуная. Императору Францу-Иосифу очень хотелось хоть чем-нибудь компенсировать себя за потери, понесенные в Италии и Германии. Поэтому он с большим сочувствием прислушивался к голосу сторонников захвата Боснии и Герцеговины. Тем не менее, в Вене хорошо помнили 1859 и 1866 годы и не торопились лезть в драку, прекрасно понимая, чем может кончиться война один на один с Россией.

Франция и Германия были практически лишены возможности участвовать в силовом разрешении Балканского кризиса. Франция лихорадочно перевооружалась и готовилась к реваншу. Националистическая пропаганда сделала возвращение Эльзаса и Лотарингии целью всей нации. В ответ Бисмарк грозил окончательно сокрушить французскую военную мощь.

Как видим, к 1877 г. в мире сложилась чрезвычайно благоприятная обстановка для активных действий России на Балканах, включая захват Константинополя. Перед российской дипломатией стояла сложная, но вполне достижимая задача, состоявшая из двух частей.

Во-первых, найти достойные компенсации Австро-Венгрии и Германии в качестве платы за нейтралитет при захвате Россией Проливов. Австрии можно было предложить Боснию, Герцеговину, ну а, в крайнем случае, свободный выход к Эгейскому морю через Салоники. Кстати, Австро-Венгрия и так захватила Боснию и Герцеговину, а Россия получила кукиш с маслом. Маленькая Греция и так была настроена крайне агрессивно по отношению к своему большому, но больному соседу. Достаточно было пообещать ей Крит и ряд островов Эгейского моря, чтобы Турция получила второй фронт на юге, а русские корабли – базы в Эгейском море.

Германии же на определенных условиях можно было гарантировать неприкосновенность Эльзаса и Лотарингии. С одной стороны, уже в 1877 г. было очевидно, что Франция никогда не смирится с потерей Эльзаса и Лотарингии и рано или поздно нападет на Германию, втянув в войну Россию. Русская гарантия на Эльзас и Лотарингию уничтожала бочку с порохом в центре Европы. Усиление же в этом случае Германии и охлаждение отношений с Францией были ничтожным фактором по сравнению с решением вековой задачи России. Захват Проливов

существенно увеличивал военный потенциал России, который бы с лихвой компенсировал потерю столь опасного и сомнительного союзника, как Франция.

Второй же задачей русской дипломатии была жесткая политика в отношении с Англией, вплоть до разрыва дипломатических отношений и начала войны. Но такая позиция не исключала и компенсации Англии, например, передачу ей Кипра и Египта, которые ею также были захвачены в конце концов.

Выживший из ума канцлер Горчаков и не дюже разбиравшийся в политике Александр II поступили с точностью до наоборот. Они оба трепетали перед Англией и по-детски надеялись, что если они будут действовать осторожно и с оглядкой на лондонскую классную даму, то им удастся дорваться до сладкого. В отношении же компенсаций Австро-Венгрии и Германии Горчаков был категорически против. Старая «собака на сене» хотела обмануть Вену и Берлин, а на самом деле привела страну к поражению.

12 апреля 1877 г. последовал Высочайший манифест о войне с Турцией.

Следует напомнить, что в 1875–1878 гг. русская печать и общественность не меньше британской бились в туркофобской истерике. Возьмем, к примеру, Федора Достоевского – того самого, чьей «слезинкой ребенка» либералы попрекают всех революционеров. Но фразу о «слезинке» произносит герой романа. А вот что пишет сам Достоевский в «Дневнике писателя»:

Март 1877 г.:

Глава первая

Еще раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш.

«Золотой Рог и Константинополь – все это будет наше… И, во-первых, это случится само собою, именно потому, что время пришло, а если не пришло еще и теперь, то действительно время уже близко, все к тому признаки. Это выход естественный, это, так сказать, слово самой природы…

…такой великолепной точке земного шара просто не дадут стать международной, то есть ничьей; непременно и сейчас же явятся хоть бы англичане со своим флотом, в качестве друзей, и именно охранять и оберегать эту самую “международность”, а в сущности чтобы овладеть Константинополем в свою пользу. А уж где они поселятся, оттуда их трудно

выжить, народ цепкий. Мало того: греки, славяне и мусульмане Царграда призовут их сами, ухватятся за них обеими руками и не выпустят их от себя, а причина тому – все та же Россия: “Защитят, дескать, они нас от России, нашей освободительницы”…

…Константинополь должен быть наш, рано ли, поздно ли, хотя бы именно во избежание тяжелых и неприятных церковных смут, которые столь легко могут возродиться между молодыми и не жившими народами Востока и которым пример уже был в споре болгар и вселенского патриарха, весьма плохо окончившимся. Раз мы завладеем Константинополем, и ничего этого не может произойти»[26].

Как видим, Федор Михайлович противоречит сам себе: то призывает воевать за «братьев славян» до последнего русского солдата, то в минуты прозрения понимает, что в случае победы все «освобожденные народности» перегрызутся между собой и будут против России на стороне того, кто больше заплатит.

Согласно плану, разработанному еще до войны, после форсирования Дуная русская армия должна была стремительно идти в южную Болгарию и далее на Константинополь.

Однако, форсировав Дунай, русские генералы испугались собственного успеха и решили подождать, оглядеться, а пока взять турецкие крепости Рущук и Никополь, то есть заняться тем, что губило успехи русских войск в прошлых кампаниях на Балканах. Турецкие крепости на Дунае были построены с единственной целью – воспрепятствовать форсированию реки русскими. Теперь же они потеряли всякое значение. При необходимости блокировать крепости могли небольшие русские отряды, регулярные войска Румынии и болгарские дружины.

Тем не менее, главные силы русских были по приказу Николая Николаевича разделены.

3 июля сдалась турецкая крепость Никополь с семитысячным гарнизоном. После взятия Никополя генерал-лейтенанту Криденеру логично было двинуться на никем не защищаемую Плевну. Плевна была узлом дорог, ведущих к Софии, к Ловче, к Шипкинскому перевалу и т. д. 5 июля разъезды 9-й кавалерийской дивизии донесли о движении к Плевне больших сил неприятеля. Это были войска Османа-паши, срочно переброшенные из Западной Болгарии. Первоначально у Османа-паши было 17 тысяч человек при 30 полевых орудиях.

Начальник штаба действующей армии генерал Непокойчицкий еще 4

июля послал Криденеру телеграмму: «…двинуть тотчас для занятия Плевны казачью бригаду, два полка пехоты с артиллериею». 5 июля генерал Криденер получил телеграмму от главнокомандующего, в которой он требовал немедленно занять Плевну и «прикрыться в Плевно от возможного наступления войск из Виддина». Наконец, 6 июля Непокойчицкий шлет еще одну телеграмму, в которой говориться: «Если не можете выступить тотчас в Плевно со всеми войсками, то пошлите туда немедленно казачью бригаду Тутолмина и часть пехоты».

Турецкие войска Османа-паши, совершая ежесуточно 33-километровый переход, за 6 суток преодолели 200-километровый путь, заняли Плевну, тогда как генерал Криденер не сумел преодолеть расстояние в 40 км. Выделенные, наконец, генералом Криденером части подошли к Плевне, но были встречены огнем конной разведки, в то время как войска Османа-паши расположились на окружающих Плевну возвышенностях и приступили к оборудованию на них позиций.

Когда-то Плевна имела небольшую крепость, но она была разрушена еще в 1810 г. отрядом графа Воронцова. До июля 1877 г. город укреплений не имел. Однако с севера, востока и юга Плевна прикрывалась господствующими высотами. Осман-паша возвел вокруг Плевны полевые укрепления, удачно использовав рельеф местности.

Для овладения Плевной Криденер послал отряд генерал-лейтенанта Шильдер-Шульднера, который лишь к концу дня 7 июля подошел к укреплениям турок. В отряде было 8600 штыков и сабель при 46 полевых орудиях.

8 июля Шильдер-Шульднер атаковал турок, но вынужден был отойти. В бою 8 июля, получившем название «Первая Плевна», русские потеряли убитыми и ранеными 75 офицеров и 2326 нижних чинов. По русским данным потери турок были менее двух тысяч человек.

Наличие в Плевне войск Османа-паши на удалении всего лишь двух переходов от единственной переправы у Систово взволновало великого князя Николая Николаевича, так как это угрожало всей русской армии и особенно войскам, выдвинутым за Балканы, и естественно, его штаб-квартире. Поэтому было принято решение разгромить войска Османа-паши (силы которого значительно преувеличивались) и овладеть Плевной.

К середине июля русское командование сосредоточило под Плевной 26 тысяч штыков и сабель, 160 пеших и 24 конных полевых пушек. При этом следует отметить, что русские генералы не догадались окружить Плевну. К Осману-паше свободно подходили подкрепления, подвозились боеприпасы и продовольствие. К середине июля силы Османа-паши в Плевне

увеличились до 22 тысяч человек с 58 орудиями. Как видим, русские войска не имели перевеса в численности, а почти тройной перевес в артиллерии не мог быть решающим, так как тогдашняя полевая артиллерия была бессильна при действии даже по грамотно сделанным земляным укреплениям полевого типа. Кроме того, артиллерийские начальники под Плевной не рисковали посылать пушки в первые ряды атакующих и в упор расстреливать защитников редутов, как это было у Карса.

Тем не менее, 18 июля Криденер начал второй штурм Плевны. Штурм кончился катастрофой – было убито и ранено 168 офицеров и 7167 нижних чинов, в то время как потери турок не превосходили 1200 человек. В ходе штурма Криденер отдавал бестолковые приказы, артиллерия в целом действовала вяло и за весь бой израсходовала 4073 снаряда.

После «Второй Плевны» в русском тылу началась паника. В Систово приняли подходящих казаков за турок и уже собрались им сдаваться. Великий князь Николай Николаевич обратился к румынскому королю Карлу со слезной просьбой о помощи. Кстати, румыны и до этого предлагали свои войска, но канцлер Горчаков категорически не соглашался на переход румынами Дуная из-за каких-то хитрых политических интриг.

Турецкие паши имели возможность наголову разгромить русскую армию и выбросить остатки за Дунай. Но они тоже не любили рисковать, и тоже интриговали друг против друга. На несколько недель на театре боевых действий установилась позиционная война (при отсутствии сплошного фронта).

19 июля Александр II, испуганный «Второй Плевной», издает Высочайшее повеление о мобилизации Гвардейского, Гренадерского корпусов, 24-й, 26-й пехотных и 1-й кавалерийской дивизии, всего 110 тысяч человек и 440 орудий, которые, однако, не могли прибыть ранее сентября – октября. Кроме того, велено двинуть на театр войны уже мобилизованные 2-ю, 3-ю пехотные дивизии и 3-ю стрелковую бригаду, но и эти части не могли прибыть ранее середины августа.

До прибытия подкреплений было решено ограничиться обороной на всем театре войны.

К 25 августа к Плевне были стянуты значительные силы русских и румын. 75 500 штыков, 8600 сабель и 424 орудия, из которых более 20 были осадными. Силы турок составляли 29400 штыков, 1500 сабель и 70 полевых орудий. 30 августа состоялся третий штурм Плевны. Дата штурма была приурочена ко дню тезоименитства царя. Наблюдать за штурмом прибыли лично Александр II и великий князь Николай Николаевич.

Генералы не позаботились о массировании артиллерийского огня,

мортир под Плевной было единицы, в результате огонь противника подавлен не был, и войска понесли огромные потери. Штурм был отбит. Русские потеряли убитыми и ранеными двух генералов, 295 офицеров и 12471 нижних чинов, их союзники румыны потеряли около трех тысяч человек. Турки потеряли тоже три тысячи человек.

«Третья Плевна» произвела ошеломляющее впечатление на армию и на всю страну. 1 сентября Александр II созвал в местечке Порадиме военный совет. На совете главнокомандующий великий князь Николай Николаевич предложил немедленно уходить за Дунай. В этом его фактически поддержали генералы Зотов и Массальский, но военный министр Милютин и генерал Левицкий категорически выступили против отступления. После долгого размышления Александр II согласился с мнением Милютина и Левицкого. Было решено вновь перейти к обороне, до прибытия новых подкреплений.

Тем не менее, Осман-паша сознавал свое рискованное положение в импровизированном плевненском лагере и просил разрешения отступить, пока его там не блокировали. Ему, однако, было предписано оставаться в Плевне. Из гарнизонов Западной Болгарии была сформирована в Софийском районе армия Шефкета-паши, которую предполагалось направить к Осману. 8 сентября Шевкет-паша двинул в Плевну дивизию Ахмета-Хивзи (10 тысяч штыков при 12 орудиях) с громадным продовольственным транспортом. Сбор этого транспорта прошел незамеченным, а когда вереницы этих обозов протянулись мимо массы нашей конницы (6 тысяч сабель, 40 орудий), бездарный и робкий ее начальник генерал Крылов не решился их атаковать. Ободренный этим, Шевкет-паша 23 сентября двинул еще один транспорт, с которым отправился и сам, причем от Телиша всю охрану составлял всего один кавалерийский полк! Крылов пропустил транспорт и самого Шевкетапашу, проехавшего со слабым конвоем обратно из Плевны в Софию. Попустительством Крылова армия Османа-паши была снабжена продовольствием на два месяца!

15 сентября под Плевну прибыл генерал Тотлебен, вызванный царской телеграммой из Петербурга. Объехав позиции, Тотлебен категорически высказался против нового штурма Плевны. Вместо этого он предложил наглухо заблокировать город, и уморить турок голодом. (С чего следовало сразу начинать!)

К началу октября Плевна была полностью заблокирована. К середине октября под Плевной русские сосредоточили 170 тысяч человек против 47 тысяч у Османа-паши.

Для деблокирования Плевны турки создали 35-тысячную, так называемую, «Софийскую армию» во главе с Мехмедом-Али. Мехмед-Али медленно двинулся к Плевне, но 10–11 ноября его части были отброшены у Новагана западным отрядом Гурко. (У Гурко было тоже 35 тысяч человек). Гурко хотел преследовать и добить Мехмеда-Али, но великий князь Николай Николаевич запретил это. Обжегшись на молоке у Плевны, великий князь теперь дул на воду.

К середине ноября в блокированной Плевне боеприпасы и продовольствие оказались на исходе. В ночь на 28 ноября Осман-паша оставил Плевну и пошел на прорыв. 3-я Гренадерская дивизия, энергично поддерживаемая нашей артиллерией, остановила турок. К середине дня к месту боя подошли основные силы русских. Раненый Османпаша отдал приказ о сдаче. Всего сдалось в плен 10 пашей, 2128 офицеров, 41200 нижних чинов. Взято 77 орудий. Турки потеряли убитыми и ранеными около шести тысяч человек. Русские потери в этом бою не превосходили 1700 человек.

Кавказский театр военных действий по установившейся традиции считался второстепенным. В этом были единодушны и русские, и турецкие генералы. Соответственно, обе стороны ставили перед собой ограниченные задачи.

Для русской армии конечной целью боевых действий на Кавказе было взятие крепостей Карс и Эрзерум.

Задачей турецкой армии было проникновение на Кавказ с целью поднять мятеж горных мусульманских племен, неприязненно относившихся к России.

5 мая 1877 г. русские войска взяли штурмом Ардаган, но мощнейшая крепость Карс с 18-тысячным гарнизоном капитулировала лишь 6 ноября.

19 февраля 1878 г. в местечке Сан-Стефано под Константинополем Россия и Турция подписали мирный договор.

Сан-Стефанский договор расширял территорию Болгарии по сравнению с границами, намеченными Константинопольской конференцией. Ей передавалась значительная часть Эгейского побережья. Болгария становилась княжеством в номинальной вассальной зависимости от султана, простиравшимся от Дуная и Черного моря до Эгейского моря на юге и албанских гор на западе. Турецкие войска лишались права оставаться в пределах Болгарии. В течение двух лет ее должна была занимать русская армия.

Сан-Стефанский договор предусматривал также полную суверенность Черногории, Сербии и Румынии, предоставление Черногории порта на

Адриатике, а румынскому княжеству – Северной Добруджи, возвращение России Юго-западной Бессарабии, передачу ей Карса, Ардагана. Баязета и Батума, а также некоторые территориальные приобретения для Сербии и Черногории. В Боснии и Герцеговине должны были быть проведены реформы в интересах христианского населения, равно как на Крите, в Эпире и Фессалии. Турция должна была уплатить контрибуцию в размере 1 миллиарда 410 млн. рублей. Однако большая часть этой суммы покрывалась за счет территориальных уступок со стороны Турции. Фактической уплате подлежало 310 млн. рублей. Вопрос о Проливах в Сан-Стефано не ставили.

Сан-Стефанский мир не понравился Европе, и русская дипломатия имела глупость согласиться на пересмотр его на Берлинском конгрессе. Конгресс открылся 13 июня 1878 г. в Берлине. Участвовали в нем только Германия, Россия, Англия, Австро-Венгрия, Франция, Италия и Турция. Представители Балканских государств были допущены в Берлин, но они не являлись участниками конгресса. Делегации великих держав возглавлялись министрами иностранных дел или же премьерами – Бисмарком, Горчаковым, Биконсфильдом, Андраши, Ваддингтоном и Корти. Согласно принятым решениям приобретения России сводились к Карсу, Ардагану и Батуму. Баязетский округ и Армения до Саганлуга возвращались Турции. Территория Болгарского княжества урезывалась вдвое. Особенно неприятно для Болгарии было то, что ее лишили выхода в Эгейское море.

Зато существенные территориальные приращения получили невоевавшие страны. Австро-Венгрия получила в управление Боснию и Герцеговину. Англия – турецкий остров Кипр. Кипр имеет стратегическое значение в восточной части Средиземного моря. В течение почти 100 лет он использовался англичанами в агрессивных целях. Несколько английских баз и поныне остаются на острове.

Почему же Россия добилась столь скромных результатов в войне? Ведь русские войска стояли рядом с Царьградом – пара переходов, и всё…

Дело в том, что британские политики и СМИ в очередной раз перевернули на 180° вектор «общественного мнения» и стали грозить войной России. В конце декабря 1877 г. – начале января 1878 г. британский кабинет чуть ли не круглосуточно обсуждал ситуацию на Балканах. Королева Виктория заявила премьеру Дизраэли: «О, если бы королева была мужчиной, она бы пошла в армию и показала этим негодным русским, которым никогда и ни в чем нельзя верить на слово»[27].

«В конце концов она в очередной раз пригрозила скорее “сложить с

себя корону”, чем “терпеть оскорбительное поведение русских”. При этом она признала, что никогда еще не говорила так резко со своими подчиненными, как в случае с министром по делам колоний лордом Карнарвоном, который, по ее мнению, был слишком миролюбивым и постоянно предупреждал о возможности повторения новой Крымской войны. Воодушевленная британским львом, сообщала она своей старшей дочери, я “набросилась на него с такой решительностью и злостью, что он стоял передо мной и не знал, что сказать. А сказать он мог только то, что мы не можем действовать в мире так, как считаем нужным! О, англичане всегда останутся англичанами!”»[28].

Дело кончилось отставкой членов кабинета, занимавших осторожную политику в отношении России – министра иностранных дел лорда Дерби и министра по делам колоний лорда Карнарвона. Однако Дизраэли с большим трудом удалось упросить лорда Дерби погодить с отставкой.

Королева задавала тон шовинистической компании, которая захлестнула весь остров. Как писал Кристофер Хибберт: «…ее [Виктории] настроение выражала популярная в то время песенка, написанная на злобу дня и исполняемая практически в каждом музыкальном зале страны:

Мы не хотим войны, но если нас заставят, черт возьми,
У нас есть корабли, есть воины и денег вдоволь,
Мы били медведя раньше,
и пока останемся истинными британцами,
Русские не получат Константинополь»[29].

Турецкий же султан Абдул Гамид II, которого так рьяно лезла защищать королева, помалкивал и отказывался официально просить Британский кабинет об отправке эскадры в Проливы, о чем его чуть ли ежедневно просил английский посол Лайард.

Тем не менее, Дизраэли послал приказ командующему британской средиземноморской эскадрой адмиралу Хорнби войти в Дарданеллы и идти прямо к Константинополю.

Адмирал Хорнби действовал оперативно, и шесть британских броненосцев, заранее сосредоточенных у Дарданелл, 2 (14) января 1878 г. вошли в пролив. Но, увы, флагманский броненосец «Александра» сел в проливе на мель. Хорнби пересел на другой броненосец, для охранения «Александры» был оставлен «Султан». А четыре броненосца – «Эжинкорт», «Ахиллес», «Свифтшур» и «Темерер» – вошли в Мраморное

море. Но войти в гавань Константинополя Хорнби не решился, опасаясь реакции русских, то есть штурма Царьграда, и бросил якорь у Принцевых островов. В ответ русские заняли местечко Сан-Стефано в 25–30 верстах от стоянки англичан. Тогда эскадра по просьбе султана была отведена еще дальше – в Гемликский залив к Муданье, к азиатскому побережью Мраморного моря.

Кроме того, России грозила Австро-Венгрия. Ее армия угрожала сухопутным коммуникациям русской армии на Балканах. Однако занятие Босфора и Дарданелл русскими в конце декабря 1877 г. – начале января 1878 г., когда турецкие войска были полностью деморализованы, не представляло трудности.

Это сразу решало две проблемы. Во-первых, английские корабли, пришедшие в Дарданеллы, оказались бы в ловушке. Русские войска могли использовать турецкие укрепления в обоих проливах, а также турецкие пушки и орудия, привезенные из береговых черноморских крепостей. Британские броненосцы могли сжечь Константинополь, но особого вреда русским сухопутным войска они принести не могли.

Россия не имела сильного военного флота на Черном море, но транспортный флот вполне мог обеспечить боеприпасами и артиллерией русскую армию на коммуникациях Одесса – Константинополь; Севастополь – Константинополь и порты Азовского моря – Константинополь.

Кроме того, в Константинополе стояли десятки торговых судов, как турецких, так и других государств, которые можно было арендовать или мобилизовать для военных перевозок через Черное море.

То есть, русская армия в декабре 1877 г. – начале января 1878 г. имела реальный шанс захватить зону Проливов. Но для этого нужен был сильный правитель, а не слабый и вечно колеблющийся Александр II с трусливым, выжившим из ума канцлером.

Наконец, русская дипломатия имела реальный шанс договориться с турками. Ведь по большому счету России был не нужен Константинополь. Мало того, включение этого города в состав Российской империи принесло бы много бед и царизму, и народу. России вполне было достаточно и нескольких баз в обоих проливах, гарантирующих безопасность южных границ – подбрюшья России. Вот и всё!!! При наличии баз в Проливах Батум и Карс становились ненужными России. Мало того, в этом случае появление независимых славянских государств, к чему ранее стремилась Россия, стало бы ей невыгодным. Взамен Проливов России было достаточно потребовать от Турции декларации о правах славян, и оставить

ее в границах 1876 года. Остановить распад своей империи турки могли лишь союзом с Россией. Только она могла стать гарантом территориальной целостности Турции, включая Египет, Ливию, Кипр и т. д.

Увы, и этого не было сделано. Ни царь, ни его генералы и дипломаты сами не знали, чего они хотят от Турции. Впрочем, с другой стороны, выгод от союза с Россией в упор не видели ни султан, ни его окружение. Тут, я думаю, достаточно процитировать официальные турецкие сообщения о заключении мира в Сан-Стефано: «Нет Бога кроме Бога, и Магомет пророк его. Тени Бога благоугодно было даровать русским мир. Правоверным известно, что проклятые иконопоклонники возмутились, отказались платить дань, взялись за оружие и выступили против повелителя правоверных, вооружившись дьявольскими ухищрениями новейшего времени. Хвала Богу. Правда восторжествовала. Наш милостивый и победоносный государь на этот раз совершенно один вышел из борьбы победителем неверных собак. В своей неимоверной благости и милосердии он согласился даровать нечистым собакам мир, о котором они униженно просили его. Ныне, правоверные, вселенная опять будет управляться из Стамбула. Брат повелителя русских имеет немедленно явиться с большою свитою в Стамбул и в прах, и в пепел, в лице всего мира, просить прощения и принести раскаяние. При этом имеет быть уплачена обычная числящаяся за ним дань, после чего повелитель правоверных в своей неистощимой милости и долготерпении вновь утвердит повелителя русских в его должности вассального наместника его страны. Но дабы отвратить возможность нового возмущения и сопротивления, султан, в качестве верховного повелителя земли, повелел, что бы 50 000 русских остались в виде заложников в его провинции Болгарии. Остальные неверные собаки могут возвращаться в свое отечество, но ишь после того, как они пройдут в глубочайшем благоговении через Стамбул или близ его»[30].

Комментарии тут излишни…

Итак, Батум и Карс стали утешительным призом России. Из новоприобретенных земель на Кавказе Александр II повелел создать две области – Карскую и Батумскую. В некоторых изданиях говорится о Карской губернии, но это неверно. Была только область с «военно-народным управлением». Фактически же в области было военное управление во главе с военным губернатором.

К 1893 г. русские в Карской области составляли только 6 % населения, армяне – 21 %, турки – 24,1 %, курды – 17 %, греки – 13 %. Кроме того, в области проживали лезгины, евреи, эстонцы, немцы и т. д. К примеру, у немцев было одно село и у эстонцев одно село.

В 1899 г. вступила в строй железнодорожная ветка длиной в 300 км Тифлис – Карс. Теперь Карская область соединилась со всей империей сетью железных дорог. В Карсе и на других станциях были возведены железнодорожные вокзалы в стиле «модерн».

Население Карса к 1917 г. составляло 37 тысяч человек. Функционировало двенадцать церквей (русских, греческих и армянских), шесть мечетей, десять библиотек, один театр и два кинотеатра.

Крепость Карс была капитально перестроена, вокруг нее на расстоянии 5–10 верст перед войной построили цепь фортов. Форты были соединены между собой, цитаделью и железнодорожным вокзалом узкоколейной железной дорогой Инженерного ведомства.

Карс стал самой мощной русской сухопутной крепостью в Азии. К началу 1888 г. на вооружении крепости имелась 491 пушка.

Батум же был объявлен порто-франко. Он стал портом, пользовавшимся правом беспошлинного вывоза и ввоза товаров. В 80-х годах XIX века в Батуме была построена крупнейшая береговая крепость Кавказского побережья. Однако главную роль в развитии Батума сыграли не военные, а нефтепромышленники. За 1870–1880 гг. нефтедобыча в Баку увеличилась почти в 10 раз.

В 1883 г. из Баку в Батум пошли бесконечным потоком железнодорожные составы с цистернами. 62 % грузов, перевозимых по этой трассе, были нефть и бензин. К 1888 г. 60 % населения Батума составляли христиане.

Глава 7
Султаны и казаки

Эпиграфом к главе может стать афоризм классика: «История – не тротуар Невского проспекта». Тут мне придется рассказать о весьма сложных и неоднозначных явлениях, мало известных отечественному читателю.

Донские и запорожские казаки в XVII–XVIII веках были буквально бичом Оттоманской империи. Так, например, в 1574 г. флотилия запорожских чаек с кошевым атаманом Фокой Покатило прошла Черным морем до Днестровского залива, где казаки сожгли турецкий город Аккерман. Одновременно донские казаки напали на Азов. Не сумев взять крепость, они основательно пограбили окрестности и захватили несколько турецких судов.

В 1575 г. запорожцы со своим гетманом Богданом Ружинским совершили большой морской поход в Крым. Они разорили Гезлев (Козлов, Евпатория) и Кафу (Феодосия).

Сам Ружинский, как и Вишневецкий, был не казаком, а потомком великого князя литовского Гедемина. Прозвище (фамилию) Богдан Ружинский получил по городку Ружину Владимирского повета.

Возможно Ружинский и числился на королевской службе, но получал жалованье от Москвы. Еще до вторжения в Ружинского в Крым московский посол дьяк Матвей Иванович Ржевский доносил Ивану Грозному: «Приехал к царю крымскому с Днепра козак с вестями: на Днепр прислал московский государь к *голове*, к князю Богдану Рожинскому, и ко всем козакам днепровским с великим своим жалованьем и приказал к ним: если вам надобно в прибавку козаков, то я к вам пришлю их, сколько вам надобно, и селитру пришлю, и запас всякий, и вы должны идти весной непременно на крымские улусы и к Козлову. Голова и козаки взялись государю крепко служить и очень обрадовались государской милости»[31].

Подробный рассказ о походах донцов и запорожцев займет пухлый том, а я лишь расскажу о том, как гарные хлопцы казаки стали турецкоподданными.

Еще 6 июля 1707 г. в Люблине царь отправил указ полковнику князю Ю.В. Долгорукову навести порядок на Дону: «…сыскать всех беглых и за провожатыми и з женами и з детьми выслать по-прежнему в те ж городы и

места, откуда кто пришел».

Петр прекрасно знал неписаный закон казаков: «С Дона выдачи нету». Зачем ему понадобилось злить казачество накануне вторжения Карла XII, можно только гадать.

2 сентября 1707 г. Юрий Долгоруков с двумя сотнями солдат прибыл в Черкассы. Атаман войска Лукьян Максимов и старшина формально согласились с царским указом, но выполнять его не спешили. Тогда Долгоруков решил сам начать ловлю беглых. В Черкассах он не рискнул проводить розыск и отправился вверх по Дону. В Багаевском городке было выявлено 11 беглых. Кроме того, полковник арестовал там 16 «жен», мужья которых, пришедшие на Дон после Азовских походов, находились в Польше, в составе казачьих полков русской армии. В Мелиховском городе Долгоруков поймал еще 20 беглых.

Долгоруков не понимал, что он не на Рязанщине, и для поимки беглецов раздробил свои силы на несколько отрядов. В ночь с 8 на 9 октября 1707 г. казаки под командованием атамана Кондрата Булавина убили Долгорукова и еще 16 офицеров и подьячих, солдат же обезоружили и отпустили. Так началось знаменитое Булавинское восстание.

18 октября 1707 г. отряд Булавина был разбит у речки Айдары казаками, оставшимися верными царю. Ими командовал атаман Л. Максимов. Потерпев неудачу на Дону, Булавин отправился в Чортомлыцкую Сечь и начал призывать казаков идти «бить бояр». Три раза по этому поводу собиралась рада в Сечи, и всякий раз «молодята» требовали от старшин похода в Малороссию, чтобы бить панов и арендаторов, но «старики» всякий раз их удерживали, выдвигая два возражения против похода на города: первое – теплая зима и не совсем замерзшие реки, и второе – пребывание в Москве запорожских казаков, которые были туда отправлены за жалованьем и с началом бунта могли быть там арестованы.

В целом запорожцы остались нейтральными, но вокруг Булавина собралось несколько сот «запорожьских гультяев», которые построили городок на речке Вороной ниже Звонецкого порога.

20 апреля 1708 г. гетман Мазепа по царскому приказу отправил в Сечь городового атамана Барышевского с приказанием кошевому атаману и всему войску поймать в Сечи «вора и изменника» Булавина и прислать его в Москву или в Батурин. Не довольствуясь только приказом, Мазепа одновременно двинул против Булавина полтавского полковника Ивана Левенца с полком.

Однако на гетманский приказ запорожцы ответили, что того

бунтовщика Булавина нет в Сечи, но что они обещают, когда он явится в Сечь, поймать его и доставить в город Батурин.

И действительно, в начале 1708 г. Кондрат Булавин двинулся с Днепра на Дон, а вместе с ним шло около 6 тысяч запорожцев. В марте 1708 г. Булавин уже был в Пристанском городке на Хопре.

Царь был напуган действиями запорожцев и 14 июня 1708 г. написал Василию Долгорукову: «“крепко смотреть о том, чтобы не дать случиться запорожцам с донцами”, в противном случае может разыграться очень худое дело»[32]. В начале мая Кондрат Булавин допустил стратегическую ошибку, разделив свои силы и направив их по расходящимся направлениям. Любопытна грамота атамана Никиты Голого, разосланная в южные русские города: «В русские великого государя городы стольником и воеводам и приказным людям, а в селех и в деревнях заказным головам и десятникам и всей черни, Никита Голой со всем своим походным войском челом бьем. Стою я в Кулаковом стану и по Лазной, а со мною силы 7000 казаков донских да 1000 запорожских казаков же. И хотим идти под Рыбной. А Семен Драной пошел своею силою по Изюм, а с ним силы 10 000. А Некрасов пошел на Саратов и на Козлов, а с ним силы 40 000. А сам наш войсковой атаман Кондратей Афонасьевич Булавин пошел под Азов и под Таган, а с ним силы ворон и 2000 кубанцев и запорожцов и наших козаков. А нам до черни дела нет. Нам дело до бояр и каторые неправду делают. А вы, голотьва и вся, идите изо всех городов конные и пешие, нагие и босые, идите не опасайтеся: будут вам кони и ружье и платье и денежное жалованье. А мы стали за старою веру и за дом пресвятые богородицы и за вас за всю чернь, и чтобы нам не впасть в ельнинскую [эллинскую] веру»[33].

5–6 июля состоялось ожесточенное сражение у стен крепости Азов, в ходе которого казаки атамана Лукьяна Хохлача были наголову разбиты и бежали. Сам Хохлач сдался в плен.

7 июля 1708 г. в Черкаске казацкие старшины во главе с Иваном Зерщиковым произвели переворот. Кондрат Булавин был убит, а по другой версии застрелился.

Успешным оказался лишь рейд атамана Игната Некрасова вдоль Волги на Камышин и Царицын. Узнав о гибели Булавина, Некрасов привел своих людей в район Переволочны (между Доном и Волгой).

На Дон были стянуты большие силы карателей. И вот тут начинаются недомолвки дореволюционных и советских историков. Казни вожаков и даже рядовых бунтарей были обычным явлением для XVIII века, возьмем, к примеру, восстание Пугачева. Но в 1708 г. Петр приказал не только

казнить участников восстания, но и уничтожать десятки казацких городков вместе с населением. Солдаты убивали женщин и детей (чаще всего топили в Дону) и сжигали все строения. Только отряд В.В. Долгорукова уничтожил 23,5 тысячи казаков мужского пола, жен и детей не считали[29]. Кстати, в карательной армии были и малороссийские казаки, посланные Мазепой.

Мало того, православный царь не постеснялся натравить на казаков орды калмыков. Калмыки резали всех подряд, но, в отличие от князя Долгорукова, не вели учета своим жертвам. И еще не убивали женщин, а уводили их с собой.

В такой ситуации Игнату ничего не оставалось, как увести свой отряд численностью от 3 до 8 тысяч казаков (по разным источникам) в ногайскую степь, а затем на Кубань и отдаться под покровительство крымского хана. Замечу, что это было не паническое бегство, а организованное отступление. Казаки ехали строем под знаменами, в отряде было не менее 7 пушек. За ними ехали многие сотни телег с женщинами и детьми.

Крымский хан разрешил некрасовцам поселиться между Темрюком и Копылом (сейчас Славянск на Кубани). Любопытно, что развалины одного из казачьих городков на Кубани еще в начале XX века называли Некрасово городище. Оказавшись в окружении иноверцев, казаки законсервировали свои обычаи и права. Во главе «Славного кубанского войска» стоял войсковой атаман, избираемый на один год. На него возлагалась исполнительная власть. Высшая же власть, как и в Донском войске, принадлежала войсковому кругу, на котором право голоса имели все мужчины, начиная с 18 лет. В отличие от других казачьих войск, на собраниях круга могли присутствовать и женщины, правда, с совещательным голосом.

Серьезные преступления – убийство, изнасилование, предательство – карались смертной казнью. Бытующее до сих пор в станицах и хуторах выражение «в куль да в воду» как раз и показывает, каким образом приводился в исполнение приговор. Наиболее же распространенным было наказание розгами, причем кара эта распространялась даже на атамана. В таком случае старейший и уважаемый всеми казак забирал у атамана булаву − символ власти, а после наказания атаман обязан был сказать: «Спаси, Христос, что поучили!» Возвратив атаману булаву, казаки кланялись, приговаривая: «Прости Христа ради, господин атаман», на что последний отвечал: «Бог простит! Бог простит!»

Свод казачьих законов был написан самим Некрасовым. «Игнатова книга» хранилась в войсковой церкви. Из уст в уста передавались «заветы Игната», главным из которых было: «…в Россию при царе не

возвращаться».

На Кубань к некрасовцам ежегодно бежали сотни донских казаков, а также раскольники со всей России. Это вызывало беспокойство царских властей. По приказу Петра дворянин Василий Блёклый прибыл в Бахчисарай к хану Девлет Гирею с большими подарками просить выдачи некрасовцев. Хан подарки взял, а по поводу казаков удивился: «…чего мне отдать, чего у меня нет».

В мае 1710 г. Игнат Некрасов с 3 тысячами казаков и 2 тысячами калмыков и кубанских татар объявился в Приазовье и стал лагерем на реке Берда. К нему начали присоединяться донские и запорожские казаки. Царским войскам удалось вытеснить Некрасовцев из Приазовья.

В 1711 г. казанский и астраханский губернатор П.М. Апраксин отправился на Кубань ловить некрасовцев, но, потеряв 150 солдат и 540 калмыков, возвратился восвояси.

В 1717 г. атаман С. Ворон водил некрасовцев на Хопер, Медведицу и Волгу. Борьба некрасовцев с царями только начиналась.

А над Кубанью звучала горькая песня: «Так прощай, прощай наш Тихий Дон. А тебе, царю шельме, не за что. Через тебя иду во неволюшку, во неволюшку во туречину…» Как видим, большинство запорожских казаков не поддержали Кондрата Булавина. В октябре 1708 г. малороссийский гетман Мазепа перешел на сторону Карла XII. Однако с ник к шведам ушло не более 3 тысяч малороссийских казаков.

В Запорожской Сечи возник раскол: старые казаки стояли за Петра, молодые же во главе с кошевым атаманом Костей Гордиенко были против. В конце концов, запорожцы согласились поддерживать царя, но на следующих условиях: 1) Чтобы всем малороссийским полковникам не быть, а быть бы на Украине вольнице, как и в Сечи. 2) Чтобы все мельницы по речкам Ворскле и Пслу, а также перевозы через Днепр у Переволочны, запорожцам отдать. 3) Чтобы все царские городки на Самаре и левом берегу Днепра у Каменного Затона срыть.

Таким образом, запорожцы предлагали провести кардинальные изменения в Малороссии, но они непосредственно не задевали интересов России, да и лично царя. Однако личные амбиции Петра не позволили ему принять предложение запорожцев или хотя бы взять его за основу для переговоров. Максимум, на что был готов царь − на подарки старшине и жалованье Войску Запорожскому. Русские войска начали занимать позиции для борьбы с запорожцами.

Так, 21 февраля 1709 г. граф Шереметев «предписал гетману Скоропадскому послать в города и местечки по батальону от пехотных

полков и при них “от кумпании” по собственному рассуждению, а во все места, удобные для сооружения мостов и перевозов, велел отправить легкие партии за реку Пселл для поисков над запорожцами»[34].

19 марта 1709 г. делегация из 80 запорожцев прибыла в Великие Будища − резиденцию Карла XII. Казаки получили аудиенцию у короля, который отнесся к ним крайне благосклонно. Во все время пребывания своего в Будищах запорожские депутаты предавались веселью до излишества. На прощание фельдмаршал Реншильд объявил десяти казакам, что они снова будут допущены к прощальной аудиенции у короля, но с условием не пить вина раньше обеда, так как король не переносит пьяных. Запорожцы, много пившие в последние дни, с трудом выдержали такое требование и простились с королем трезвыми, получив от него грамоту ко всему Войску Запорожскому.

Еще до Полтавской виктории царь решил разделаться с запорожцами. Петр приказал Меншикову посадить три пехотных полка в Киеве на суда и отправить вниз по Днепру, чтобы покарать запорожцев. Параллельно по берегу должны были идти драгунские полки. Командовал карательной экспедицией полковник Петр Яковлев.

16 апреля Яковлев напал на местечко Келеберду, население перебил, местечко сжег. Затем наступила очередь городка Переволочны, где было около тысячи запорожцев и две тысячи местных жителей. Казаки и все население было перебито, в плен взято лишь 12 казаков и одна пушка. В Переволочне и вокруг нее были сожжены все дома, мельницы, лодки и т. п. Отмечу, что полное разорение Переволочны стало впоследствии одной из главных причин гибели шведской армии. Затем Яковлев двинулся вниз по Днепру и сжег городки Новый и Старый Кодак.

10 мая Яковлев осадил Запорожскую Сечь. Яковлев потребовал капитуляции казаков, но те ответили, что признают власть русского царя, но солдат Яковлева в Сечь не пустят. В это время в Сечи не было кошевого, и среди казаков был разлад – большинство предпочитало помириться с Петром, другие предпочитали воевать. У Яковлева были все шансы кончить дело миром и вернуть запорожцев в русское подданство. Но он предпочел начать бомбардировку Сечи, а затем предпринял штурм. Сотни русских солдат на лодках устремились к острову. Казаки подпустили их на близкое расстояние, а потом в упор ударили из пушек и ружей. Свыше 300 солдат было убито, а несколько человек во главе с полковником Урном взяты в плен. Урн был казнен казаками.

Яковлев оказался в затруднительном положении и уже собирался отступить. Но 14 мая берегом к нему подошла подмога – большой отряд

конницы, который возглавлял полковник Игнат Галаган, сам в прошлом казак.

Запорожцы издали увидели подходящую конницу и решили, что им на выручку идет кошевой с запорожцами и татарами. Запорожцы пошли на вылазку, но были отбиты. На плечах отступающих русские ворвались в Сечь. На острове завязался упорный бой. Но тут выскочил вперед полковник Игнат Галаган и закричал казакам: «Кладите оружие! Сдавайтесь, бо всем будет помилование!» Запорожцы сперва не поверили словам Галагана и продолжали отбиваться, но Галаган поклялся перед ними в верности своих слов, и тогда казаки бросили оружие. Но это был обман. Над сдавшимися казаками была устроена дикая расправа. Яковлев, и в особенности Галаган, действовали при этом с неслыханной свирепостью. «Учинилось у нас в Сече то, что по Галагановой и московской присяге, товариству нашему голову лупили, шею на плахах рубили, вешали и иныя тиранския смерти задавали, и делали то, чего и в поганстве, за древних мучителей не водилось: мертвых из гробов многих не только из товарищества, но и чернецов откапывали, головы им отсекали, шкуры лупили и вешали»[35]. После расправы в живых остались войсковой судья, 26 куренных атаманов, 2 монаха, 250 простых казаков, 160 женщин и детей. Из них 5 человек умерло, 156 человек атаманов и казаков казнено, причем несколько человек было повешено на плотах, а плоты пущены вниз по Днепру на страх другим.

27 июня 1709 г. шведская армия была разгромлена под Полтавой. В итоге большинство уцелевших запорожцев вместе с Карлом XII и отдельно от него бежали в турецкие владения.

Запорожцы не только были изгнаны Петром из родных мест, но и после заключения мира лишились большей части своих доходов.

Как говаривали запорожцы: «Что такое казак без войны?! То же, что писарь без правой руки – без войны он и наг, без войны он и голоден. Казаку воевать с басурманами – что соловью петь!»[36].

Татары же охотно брали запорожцев с собой в набеги, но заниматься «индивидуальной трудовой деятельностью» категорически запрещали. Вот характерный пример. Ватага из 30 казаков, руководимая Грицьком Ковалем, отправилась в пограничный район красть коней. На Шаковом шляху они захватили три воза, охранявшиеся девятью татарами. Татары разбежались, а казаки разграбили содержимое возов: там оказались деньги, дорогие ткани и т. д., которые и разделили между собой. «После этого дележа гультяи разошлись в разные места степи и блукали до осени. Из них

некоторые приблизились к Днепру и отогнали у миргородского полковника несколько коней»[37]. Из сказанного неясно, переправились ли запорожцы через Днепр, или миргородский полковник пас лошадей на правом берегу?

«За такое разбойство запорожского гультяйства поплатилось все запорожское войско. В Сичь прислан был от хана бей о полутораста коней с татарами и потребовал с куреней удовлетворение за убытки по 100 талеров за каждого грабителя. Войско заплатило по сто талеров, давши в уплату и имущество грабителей, оказавшееся в Сиче; многих из гультяев потребовало в Сичу и одного из них повесило, все-таки уплатив и за него потерпевшим купцам 100 талеров. Всей суммы татары взяли с Коша на 5000 золотых, да такую же сумму, на 5000 золотых, войско оставило татарам на целый год от своих базарных доходов»[38].

Кроме всего прочего, подавляющее большинство запорожцев испытывали ностальгию по родным местам и ощущали свою связь с Россией. Ну, поссорились с царем, обе стороны виноваты, так почему бы не покаяться и не вернуться в подданство Москвы? Никакой «вильной Украины» и не снилось запорожским казакам. Замечу, что подобных настроений не было среди некрасовцев – те принципиально не хотели возвращаться. Любопытно было бы спросить нынешних киевских профессоров: «Если казаковзапорожцев первой четверти XVIII века, рвавшихся в царское подданство, вы называете борцами за незалежность, то как назвать тогда некрасовцев?»

Замечу, что многие казаки хотели возвратиться в Россию, и отдельных их отряды переходили границу.

В первые годы пребывания у «басурман» запорожцы пользовались большими угодьями, не платили налогов, а наоборот, получали от крымского хана жалованье – «ай лик». Позже вместо жалованья запорожцам разрешили беспошлинно (или с незначительной пошлиной) брать соль из лиманов и озер вблизи Перекопа.

В 1730 г. они лишились этой привилегии. Теперь «козаки должны были посылать в поход по первому призыву хана в помощь татарам 2000 и более того человек с кошевым атаманом во главе, причем ханы всегда старались возможно дальше усылать запорожцев в поход. Так, однажды запорожцы вместе с ханом ходили в поход на черкес и дошли до реки Сулак. Этот поход они считали очень убыточным и обременительным для себя. Кроме того за ту же ханскую протекцию запорожцы не раз должны были ходить на Перекоп и бесплатно принимать участие в работах при возведении перекопских укреплений числом 300 и более того человек.

Последнее требование более всего не нравилось козакам, имевшим особые понятия о чести “лыцаря”, несовместимые с понятием землекопа»[39].

Запорожцам строжайше запрещалось иметь в Сечи пушки. Турки отобрали у казаков все остававшиеся при них пушки и впредь запретили им держать какую-либо артиллерию. Однажды в Запорожье произошел такой случай: запорожские рыбаки заметили после малой воды у левого берега Днепра, в урочище Каратебень, небольшую пушку и сообщили об этом кошевому атаману. Атаман решил лично проверить сообщение рыбаков и обнаружил у днепровского берега еще 50 пушек. Опасаясь, что найденные пушки отберут турки, он отдал строжайший приказ содержать их в одном зимовнике тайно от запорожской черни. Кроме того, турки запретили запорожцам строить какие бы то ни было укрепления как в самой Сечи, так и в других казацких поселениях.

Теперь запорожцам запрещалось сноситься с Россией и ездить в русские города, вести торговлю в Очакове и Крыму. Позволялось лишь получать там товары и отвозить их не дальше Сечи. В самой же Сечи разрешалось торговать только крымцам, очаковцам, грекам, евреям и армянам.

Хан запретил казакам нападать на панские владения на Правобережье. Так, однажды по жалобе панов хан взыскал с запорожцев огромную по тем временам сумму – 2400 рублей.

В Бахчисарае периодически возникали династические распри, заканчивающиеся кровопролитием. При этом кандидаты на ханский престол постоянно втягивали в свои распри казаков. Так, в ходе усобицы Адиль Гирея и Менгли Гирея Адиль силой заставил казаков вступить в его войско. А после разгрома Адиля Менгли Гирей приказал 1,5 тысячи пленных запорожцев продать на галеры и каторги. Наконец, хан запретил строить постоянную церковь в Алёшковской Сечи и чинил всяческие обиды православным.

Осенью 1733 г. в Речи Посполитой началась избирательная компания по выбору нового короля. Франция уже давно плела интриги, чтобы вновь возвести на престол Станислава Лещинского, и немедленно отправила в Варшаву миллион ливров золотом.

Покойный король Август II и власти Саксонии надеялись, что польская корона перейдет к сыну Августа, который после смерти отца стал новым саксонским курфюрстом. Август (сын) был женат на племяннице австрийского императора Карла VI.

Императрица Анна Иоанновна была на стороне Августа. На подкуп «избирателей» Людовик XV отправил еще 3 миллиона ливров.

Большинство панов было за Станислава Лещинского, но оппозиция тоже была достаточно сильна. 9 сентября в Варшаву тайно приехал сам Станислав Лещинский.

Колоритная деталь – помимо денег Людовик XV отправил к польским берегам французскую эскадру в составе девяти кораблей, трех фрегатов и корвета под командованием графа Сезара Антуан де ля Люзерна.

В ответ по приказу Анны Иоанновны 31 июля 1733 г. лифляндский губернатор генерал-аншеф П.П. Ласси с Рижским корпусом через Курляндию двинулся в Литву.

После начала гражданской войны в Польше начальник польских войск в Правобережье пан Свидзинский отправил к кошевому атаману Ивану Малашевичу посланника с письмом, в котором приглашал атамана с войском на польскую службу. Но Малашевич и все Запорожское войско ответили, что они подданные крымского хана и без его ведома «ни в какие затяги» ходить не могут. Получив такой ответ, Свидзинский обратился к крымскому хану. А запорожцы в свою очередь обратились к фельдмаршалу Миниху с просьбой ходатайствовать перед императрицей о приеме Запорожского войска «под скипетр Российской державы».

Получив донесение Миниха, Анна Иоанновна соблаговолила, наконец, принять запорожцев под свое покровительство. 31 августа 1733 г. на имя кошевого атамана была послана грамота о прощении вины запорожцев и об их принятии под власть России.

Запорожцы вернулись в русские пределы и основали Новую Сечь. Запорожцы активно участвовали в русско-турецких войнах 1735–1739 гг. и 1768–1774 гг.

Екатерина Великая строго следовала формуле Клаузевица: «Война есть продолжение политики иными средствами». А после Кючук-Кайнарджийского мира она продолжила войну мирными средствами. Крым в 1774 г. оказался в метастабильном состоянии: существовать само по себе Крымское ханство не могло как по политическим, так и по экономическим причинам. Оно должно было или вернуться под власть султана, или стать частью Российской империи.

Императрица уже давно приняла решение присоединить Крым, который к 1774 г. был под контролем русских войск. И тут возник вопрос, а как быть с запорожцами? Ведь они два с лишним столетия были щитом Малой, Белой и Великой Руси от крымских разбойников. Соответственно, нужда в них отпадает. А с другой стороны, неизвестно, как поведут себя казаки в случае силового решения крымской проблемы. Не смутят ли их турецкие эмиссары?

Было у царицы и много других аргументов в пользу упразднения Сечи. Во времена царя Алексея Сечь была далеким пограничным форпостом, а сейчас она оказалась чужеродным телом в центре империи.

К концу своего существования Запорожское войско стало уже переходить к постоянно оседлости и мирным занятиям. По официальной ведомости, составленной полковником Текелли во время уничтожения Запорожской Сечи, в ней кроме собственно Сечи имелось 45 деревень и 1601 зимовник. Всех жителей насчитывалось около 60 тыс. душ обоего пола, причем большинство (35 891 человек) было поспольство, то есть женатые поселяне. Большинство казаков жили уже не в Сечи, а в деревнях и зимовниках, где занимались скотоводством, земледелием и другими мирными промыслами, и имели семьи.

И вот Потемкин отдает приказ генералу П.А. Текелли уничтожить Сечь. Казаки и не думали о сопротивлении русским войскам, и ночью солдатам Текелли удалось захватить большую часть артиллерии Запорожского войска, находившейся вне Сечи. Затем регулярные войска осадили Сечь.

5 июня 1775 г. войска генерала Текелли без боя вошли в Сечь. Царские войска грабили Сечь не хуже, чем запорожцы – турецкие города. Все начальство Сечи добровольно отдалось в руки правительственных войск, надеясь, что императрица учтет их действия по предотвращению кровопролития.

В связи с этим большинство запорожцев решили уйти в Турцию. Они группами по 50 человек стали обращаться к генералу Текелли с просьбой выдать «билет» (то есть разрешение отправиться ватагой на заработки). Простодушный серб обрадовался: «Ступайте, запорожники, с Богом… Зарабатывайте себе». Билет выдавался на 50 человек, но к каждой группе присоединялось еще несколько десятков казаков. Все они потихоньку добрались до турецких владений.

Поначалу запорожцы селятся в районе Очакова и на побережье Черного моря, в том числе и на острове Березань. Султан Абдул Гамид I благожелательно отнесся к прибытию казаков. Прислал казакам специальную грамоту и константинопольский патриарх Сафроний с увещеваниями «покориться Оттоманской державе по приказанию Христову». С согласия султана кошевым атаманом был избран казак Игнатий.

В 1782 г. запорожские казаки просили султана разрешить им жить в дунайских устьях. Надо ли говорить, что запорожцы небольшими группами периодически проникали на русскую и польскую территории с целью

грабежа и угона скота.

После войны 1787–1791 гг. султан повелел запорожцам селиться не на границе, а в устье Дуная на Георгиевском острове и в его окрестностях.

На Дунае запорожцы оказались соседями некрасовцев, которые несколькими партиями, особенно крупные были в 1740 г. и 1778 г., переселились с Кубани. Турки звали запорожцев «баткалами», а некрасовцев – «липованами». Казалось бы, донские казаки, бежавшие от деспотизма Петра, и днепровские казаки, обиженные Екатериной, найдут общий язык. Но, увы, запорожцы и некрасовцы стали злейшими врагами. В 1863 г. древний старик-некрасовец рассказывал историку В. Кельсиеву: «От хохлов окаянных житья нет (на Дунае). Там у них энто Сечь их была… народ буйный, злятся бывало на нас…что хозяйство у нас хорошее, и воюют с нами. Бои такие бывали, что только Господи упаси»[40].

Дело в том, что у обеих групп казаков уже сложился разный менталитет. Некрасовцы были сплошь старообрядцами, а запорожцы оставались православными и перешли в юрисдикцию константинопольского патриарха. Некрасовцы придерживались древнего благочестия, а запорожцы отличались буйным нравом. Так, к примеру, некрасовцы, сами не употреблявшие табака, терпеть не могли «смердящих трубок» запорожцев.

Возникали, естественно, ссоры из-за земли, а главное, из-за рыбных мест на Дунае. Дело в том, что рыбная ловля у некрасовцев и запорожцев была если не главным, то одним из основных источников дохода. В итоге между запорожцами и некрасовцами постоянно происходили вооруженные стычки.

Естественно, что турки в военное время использовали запорожцев и некрасовцев в разных корпусах, не допуская их соприкосновения.

Благодаря не совсем грамотным литераторам казакизапорожцы вошли в нашу историю как убежденные холостяки. Однако вокруг Сечи на хуторах жили женатые казаки. Им разрешалось жить только вблизи Сечи по балкам, луговинам, берегам рек, лиманов и озер, где появлялись или целые слободы, или отдельные зимовники и хутора. Жившие в них казаки занимались хлебопашеством, скотоводством, торговлей, ремеслами и промыслами и потому назывались не «лыцарями» и «товарищами», а подданными или посполитыми сичевых казаков, «зимовчиками», «сиднями», «гниздюками».

«Официально зимовные козаки назывались сиднями или гнездюками, в насмешку – баболюбами и гречкосиями; они составляли поспильство, т. е. подданное сословие собственно сичевых Козаков…

…главною обязанностью гнездюков было кормить сичевых козаков. Это были в собственном смысле слова запорожские домоводы: они обрабатывали землю сообразно свойству и качеству ее; разводили лошадей, рогатый скот, овец, заготовляли сено на зимнее время, устраивали пасеки, собирали мед, садили сады, возделывали огороды, охотились на зверей, занимались ловлею рыбы и раков, вели мелкую торговлю, промышляли солью, содержали почтовые станции и т. п. Главную массу всего избытка зимовчане доставляли в Сичь на потребу сичевых Козаков, остальную часть оставляли на пропитание самих себя и своих семейств»[41].

А соблюдали ли сечевые казаки обет безбрачия? Зимовчики и сидни не в счет. Действительно, по запорожским законом каждый, кто приведет женщину в Сечь, хотя бы и родную сестру, подлежит смертной казни. Но кто мешал богатым казакам в зимовниках и хуторах, где у них находились сотни коней и крупного рогатого скота, содержать еще и гарем?

Запорожские и малороссийские казаки только в XVII веке увели в плен сотни тысяч женщин из Прибалтики, Крыма и приморских турецких городов. Куда же они делись? Ну, допустим, часть, не более 10 процентов, была продана панам и евреям, а остальных-то поселили если не открыто в местечках, то без огласки по хуторам, да во многих случаях и сочетались законным браком. И в любом случае рождались дети, даже очень много детей!

Я умышленно акцентирую внимание на смешении кровей в Малороссии в XIII–XVIII веках. Вопрос тут не сексуальный и даже не этнографический, а, увы, политический. Мне уже осточертело повсеместно читать мудрые высказывания самостийников, от форумов в Интернете до трудов членов Академии наук, о том, что де настоящие русские – это укры, а «москали» – это помесь племен угрофиннов и татар. Риторический вопрос: кого на московском рынке скорее обзовут «черными» – уроженцев Архангельской или Вологодской областей или жителей юга Украины?

Ну а на Туречине женатые запорожцы жили поначалу поодаль от холостых, а позже все перемешались. Так что уход к туркам покончил с их холостяцкой жизнью.

17 мая 1828 г. в ходе очередной русско-турецкой войны большая часть «турецких неверных» запорожцев взбунтовалась и перешла на сторону русских войск.

В итоге после долгих мытарств «верные» (то есть оставшиеся в России) и «неверные» казаки оказались на Кубани и стали основой Кубанского казачьего войска.

Но мы забыли о донских казаках «некрасовцах». Главным заветом

Игната было «не возвращаться в Россию при царе». Понятно, что некрасовцы с надеждой восприняли весть о свержении самодержавия и постепенно стали возвращаться на родину. Так, в 1921 г. по указанию Совнаркома некрасовцы на Кубани основали поселок на 76 дворов недалеко от станицы Приморско-Ахтарской.

Возвращение последних последователей Игната стало почти триумфом. 26 сентября 1962 г. в Стамбуле на пристани советский консул вручил некрасовцу Петру Стеклову красное знамя, и 999 последователей Игната поднялись на борт лайнера «Грузия». Но на Кубань прибыло 1000 некрасовцев. Тысячный реэмигрант, названный Семеном, родился на борту «Грузии».

Немного настроение казакам подпортило турецкое правительство, которое не разрешило вывезти из Майноса, последнего приюта некрасовцев, в общей сложности 107 икон древнего письма, 90 старопечатных книг, шесть колоколов, всю церковную утварь, мотивируя это тем, что за давностью лет все эти предметы являются национальным достоянием Турецкого государства. В настоящее время все это содержится в научном отделе при храме Св. (Айя) Софии в Стамбуле.

Н.С. Хрущев, рьяно боровшийся с «опиумом для народа», на сей раз сделал исключение и выделил некрасовцам деньги и место для постройки церквей. И казаки немедленно приступили к возведению храмов: в поселке Новокумском – Успенского, а в Кумской долине – Троицкого, то есть тех самых приходов, которые у них оставались еще в Турции.

Благожелательно отнеслась к раскольникам и Русская Православная Церковь. Патриарх Алексий I удивил всех, сказав некрасовским священникам: «Вы ничего не меняйте в своих обрядах. Как молились, так и молитесь». И направил их в центр старообрядчества на Рогожское кладбище в Москве. «Посещая православные храмы на Ставрополье, в Москве, мы чувствовали, что что-то не то, – вспоминал один из некрасовских священников. – Когда же пришли на Рогожское кладбище, почувствовали, что это родное». Московские старообрядцы помогли некрасовцам с устройством храмов.

На Кубанской земле впервые установились дружественные отношения между русскими рыцарями запорожцами и некрасовцами, которых выбросили из нашей истории Петр I и Екатерина II.

Глава 8
Константинопольские патриархи и Русская Церковь

Сразу же после захвата Константинополя в 1453 г. перед султаном Мехмедом II встал вопрос, что делать с завоеванным греками и с православной церковью. Султан, как благочестивый мусульманин, не мог допустить христиан к участию в управлении империей. Однако он хотел, что б христиане жили в мире и процветании. Мусульманские правители всегда относились к религиозным меньшинствам в своих владениях как к милетам, то есть нациям, и позволяли им жить по своим законам и обычаям, а религиозная глава общины становился ее управителям, в задачу которого входило следить за исправным повиновением господствующей власти. По такому принципу управляли христианами в Халифате, в том числе общинами Восточных православных патриархов. Теперь эта система распространялась и на Константинопольский патриархат.

Церкви был нужен патриарх. Не мудрствуя лукаво, Мехмед II назначил монаха Геннадия константинопольским патриархом, поскольку «тень бога» могла обойтись и без всяких там Соборов.

Интронизация патриарха состоялась в первых числах января 1454 г. в церкви Святых Апостолов, поскольку Святая София была уже обращена в мечеть. 6 января Геннадий получил от султана знаки его служения – мантию, пастырский жезл и наперсный крест. Подлинный же крест был утерян: то ли константинопольский патриарх Григорий Маммас, уезжая в Рим, прихватил его с собой, то ли он пропал во время штурма города. Поэтому Мехмед даровал новый крест – серебряный с позолотой. При поставлении патриарха он сказал: «Будь патриархом, пусть тебе сопутствует удача, и будь уверен в нашем расположении, обладай всеми привилегиями, которыми пользовались патриархи до тебя».

Замечу, что никаких документов, определявших роль православной церкви в Оттоманской империи, до нас не дошло, хотя греческое духовенство весьма невнятно ссылается на какие-то султанские фирманы.

Как бы то ни было, сложилась практика – патриарх по согласовании с Синодом имел власть над церковной организацией, епископами и всеми церквями и монастырями, а также их имуществом. Султан только утверждал назначение епископов, но епископ не мог быть назначен или

смещен без санкции патриарха и Синода. Только патриарший суд имел права в отношении клира. Турецкие власти без разрешения патриарха не имели права арестовывать или судить епископа. Патриарх по согласованию с Синодом контролировал все вопросы, связанные с догмами. Власть его над православными была почти абсолютной.

Патриарший суд решал все дела православных, связанные с их религией, как-то: браки, разводы, опекунство малолетних, завещания и наследство. Он же разбирал все финансовые споры между православными.

Христиане в Оттоманской империи облагались тяжелыми налогами, но клирики освобождались от них (иногда по своей воле они платили некоторые из податей). Патриарх мог собирать налоги с православных, а также деньги на нужды церкви. Жалобы на патриарха принимал только Синод, да и то лишь тогда, когда все члены Синода единогласно соглашались выслушать их.

Тем не менее, периодически султан и его чиновники грубо вмешивались в дела церкви и христианской общины. Так, Мехмед II вскоре отобрал у Геннадия храм Святых Апостолов, при котором находилась патриархия, и обратил его в мечеть, а патриархию пришлось перенести в церковь Всеблаженной. Патриарха Иосафа Кокку (1466–1468) Мехмед лишил бороды и низложил за то, что тот не дал разрешения фавориту Мехмеда, греку, на новый брак при жизни законной жены. Когда появилось много соискателей на патриарший престол, то Мехмед II наложил подать (паскезию), уплачиваемую патриархами при вступлении на кафедру (с 1469 г.), и хараджу (с 1474 г.), уплачиваемую ежегодно.

1601 г. резиденция константинопольского патриарха была перенесена в константинопольский район Фанар, населенный греками, рядом с церковью св. Георгия. Замечу, что район получил название за то, что в древние времена там находился маяк (фонарь). Кстати, деньги на обустройство новой резиденции патриарха в Фонаре дал Борис Годунов.

Приемники Мехмеда II периодически свергали патриархов и даже казнили их без суда и следствия. Так, Баязид I казнил в 1492 г. Иоанна Трапезундского, а в 1500 г. – Иоанна Эпирота. Как писал профессор Н.Д. Тальберг: «Низложения, ссылки, умерщвления патриархов – частые явления. В XVII веке патриарха Кирилла Лукариса, правившего с 1613 по 1638 год, по приказанию Мурада IV, несколько раз ссылали в заточение и, наконец, задушили (1638). Патриарх Кирилл II также был задушен в 1639 г. Патриарх Парфений II, трижды правивший, был удавлен в 1650 г. Патриарх Парфений III (1656–1657) был удавлен, и прославляется греческой церковью как священномученик. С 1622 по 1700 год на патриаршем

престоле сменилось 48 патриархов, причем некоторые из них по два, три и пять раз возводились на престол и свергались. Вообще редким явлением была смерть правящего патриарха. Правда, греческие архиереи своими интригами часто давали повод туркам по их усмотрению распоряжаться патриаршим престолом. Но чаще к этому турок побуждало их корыстолюбие. Понадобятся султану или великому визирю деньги, – они низлагают одного патриарха и ставят другого, который, по обычаю, вносит пескезий. Не внесет патриарх ежегодной подати, его низлагают и ставят другого, с которым повторяется та же история. Отправится патриарх, с разрешения правительства, в Россию для сбора пожертвований – его, по возвращении, обвиняют в измене, низлагают и отбирают имущество и т. п. Турецкое правительство, поступая так, довело патриаршее достоинство до крайнего унижения. Должность патриарха сделалась должностью чиновника, назначаемого и увольняемого правительством. При этом впоследствии утверждение патриархов производилось не султаном, а великим визирем. О жаловании патриархам из казны, которое назначил Магомет II, теперь не было и речи.

Вообще все восточные христиане подвергались насилию и жестокости со стороны турок. Янычары, во время бунтов, прежде всего нападали на христиан. Так в 1737 г., бунтовавшие янычары напали на патриархию и потребовали от патриарха Паисия II большую сумму денег. Не получив ее, они ворвались в храм, изрубили в куски св. мощи, вылили св. миро, попирали ногами Св. Дары, уничтожили много икон и т. п. От янычар не отставала и чернь, подстрекаемая муллами. Взрывы фанатической черни против христиан во всей турецкой империи в XVII и XVIII веках были нередкими и сопровождались избиением христианского населения.

Гражданские права христиан в XVII–XVIII веках ущемлялись и все больше ограничивались. Они стали бесправными. Их обкладывали очень большими податями. Положение ухудшалось тем, что сборщиками чаще всего были евреи, работавшие на откуп. Откупщики, вместе с пашами, старались не только собрать положенное, но и приобрести барыши. Обеднение христиан было большое. Военная и гражданская служба была для них закрыта, т. к. на них смотрели, как на рабов. Исключение делалось только для флота, куда допускались христианские жители островов архипелага, хорошо знавшие морское дело. С конца шестидесятых годов XVII века греки стали занимать при дворе султана должности драгоманов и нередко приобретали большое значение в управлении делами по сношениям с иностранными государствами. Но на эту должность назначались греки из немногих знатных фамилий. Известны они под

именем фанариотов. Они жили в квартале Фанар, богатели и образовали среди греков особое сословие.

Фанариоты стремились быть представителями греческой нации, часто вмешивались в церковные дела и нередко производили большие беспорядки в патриархии. В суде греки были лишены права давать свидетельские показания против мусульман и, конечно, турецкие судьи (кадии) решали дела в пользу мусульман, к тому же приводивших свидетелей. Во всем турки старались оскорбить национальное чувство христиан. Турецкие чиновники и паши нередко обращали христиан в рабство и варварски обращались с такими рабами. Свободы вероисповедания, данной Магометов II, давно не было. Турки притесняли христиан и в отправлении богослужений, и в совершении обрядов и т. п. С середины XVII века была отменена подать душ, т. е. турки стали завидовать участи христианских детей, попадавших на султанскую службу. Но насильственное обращение христиан в мусульманство продолжалось»[42].

Я умышленно привел длинную цитату известного историка православной церкви. Все сказанное им – святая правда. Но если рассматривать это вне времени и ситуации в окружавших Оттоманскую империю государствах, то получится большая ложь. Каково жилось маврам на Пиренейском полуострове в конце XV–XVI веках? А как насчет похождений герцога Альбы в Нидерландах и преследований гугенотов во Франции. Попробуем сравнить святую инквизицию и число ее жертв с буйством янычаров. Да они просто мелкие шалунишки по сравнению с католическим клиром и орденами.

На святой Руси вроде бы инквизиции не было. Тем не менее, даже в царствование Анны Иоанновны насильственно окрещенных татар и башкир, позже вернувшихся в ислам, вешали и жгли на кострах.

Так что, нравится кому или не нравится, но Оттоманская империя в XV–XVIII веках была самым толерантным (веротерпимым) государством в мире.

Пока ни один историк не посчитал, какой процент дохода выплачивали султану его христианские подданные в XV–XVIII веках и какой процент аналогично выплачивали мещане и крестьяне в Германии, Речи Посполитой или на Руси. Опять же, кому жилось лучше – крепостному на Руси, в Речи Посполитой или болгарскому или греческому крестьянину?

А как с «налогом кровью»? Ведь «злодеи» турки отбирали у христиан мальчиков и отправляли их в школы янычар и управленцев. С точки зрения современной морали сие выглядит достаточно дико. Но вспомним, как в русских дворянских семьях XVIII века детей в возрасте 12–15 лет

отправляли служить в гвардейские полки в качестве нижних чинов. Ну а мужиков, вообще не спрашивая, забирали на 25 лет, а дальше, если не убьют и не помрет от болезней, светит богадельня или нищенство, ну, в самом лучшем случае – клочок земли, да хибара на самом краю империи за сотни или тысячи верст от родной деревни. Представим себе крестьянскую семью на Балканах, в Сирии или Палестине. Что ждет мальчика? Тяжелый каторжный крестьянский труд и абсолютно никаких перспектив. А тут его забирают в императорскую гвардию – янычары.

В школе же управленцев дают лучшее в Европе образование и сына нищего крестьянина делают чиновником, а далее карьера зависит только от его способностей, вплоть до великого визиря. Известно немало случаев, когда бедные мусульманские семьи давали взятки греческим попам, дабы те выдали их детей за христиан только затем, что бы их забрали в школы янычар или управленцев.

Но вернемся к жизни православной церкви. В конце XV века, должность (сан) патриарха стала продаваться.

Обратимся к церковному историку Н.Д. Тальбергу: «При четвертом его [Геннадия] преемнике, Марке (1469 г.), искателем выступил трапезундский монах Симеон. После завоевания Магометом II Трапезунда, Симеон и его соотечественники, прибыв в Константинополь, воспользовались недовольством клириков патриархом Марком и оклеветали последнего перед султаном. Трапезундцы просили султана низложить патриарха Марка и на его место поставить Симеона. При этом они поднесли султану 1000 червонцев, а Симеон отказался на будущее время от содержания, назначенного патриархам от казны. Магомету это понравилось и он, посмеявшись над неразумием греков, низложил Марка и велел поставить Симеона.

С этого времени создался закон, на основании которого новый патриарх, при вступлении на престол, давал султану подарок – пескезий, сам же содержания от казны не получал. Симеон не долго была патриархом. Против него восстали на соборе многие архиереи. Мачеха Магомета, христианка Мария, покончила волнения в патриархии возведением на престол своего духовника, митрополита Дионисия (1470–1474 гг.), вполне достойного, причем внесла султану 2000 червонцев. Симеону удалось снова вернуться, уплатив 2000 червонцев. В 1475 г. его сменил сербский монах Рафаил, предложивший султану платить ежегодно по 2000 червонцев и при возведении обязался дать 500 червонцев. С этого времени патриархи, кроме пескезии, обязаны были платить еще ежегодную подать – харадж.

В следующие временя пескезий и харадж постоянно возрастали, потому что постоянно являлись искатели патриаршего престола, увеличивавшие их. Так, в конце XVI в., по низложении Иеремии II (1584 г.), невежественный монах Пахомий купил патриарший престол за 10 000 золотых, а после низложения Пахомия (1585 г.), митрополиту Феолепту патриаршая кафедра обошлась в 20 000 золотых. Патриарх Иеремия снова был возведен (третично) и правил до 1594 г. Бывали случаи, когда получение патриаршего престола стоило 100 000 и даже 150 000 золотых, т. к., кроме подарков султану, вновь назначаемые патриархи дарили еще великому визирю, придворным чиновникам, евнухам, женам султана и проч.

Подобного рода искательства патриаршества были гибельны для греческой Церкви. Симония развилась в громадных размерах. Все патриархи, не исключая и достойнейших, получали сан за деньги. Патриархи, чтобы возвратить деньги, затраченные при получении престола, отдавали за деньги епископские кафедры, митрополиты же и епископы в свою очередь за деньги ставили священников и диаконов. Патриаршую кафедру, при таком способе замещения ее, часто занимали люди недостойные или неспособные. Положительных было очень немного. Смены и хороших, и дурных были постоянные. Не могло быть последовательного и твердого пастырского надзора и руководства. Недостойные патриархи заботились только об удовлетворении своего честолюбия и корыстолюбия. Патриархия беднела все более Искательство престола неизбежно вело к деспотическому и презрительному обращению турецких властей с патриархами и христианами. Так, например, в 1671 г., по поводу неустройств в патриархии, великий визирь позволил себе патриарха и его клир назвать “собаками без веры и закона”»[43].

Приходится давать длинную цитату, дабы избежать обвинений в очернительстве.

По мере расширения Османской империи в ее состав входят земли православных патриархатов Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Султан пожелал, чтобы центр православия был в Константинополе, что и было исполнено. А в результате восточные патриархаты оказались в низшем положении по сравнению с Константинополем. Теоретически восточные патриархи не потеряли ни своих прав, ни автономии и продолжали управлять паствой в пределах своих престолов. Но на деле оказалось, что теперь они могли общаться с османским правительством лишь через константинопольского патриарха. Так, если освобождался какой-то патриарший престол, то только

константинопольский патриарх мог обратиться к султану за разрешением на его замещение. Но султана не особо волновал этот вопрос, так что у константинопольского патриарха всегда была возможность поставить в патриархи своего кандидата.

Восточные патриархаты были беднее Константинопольского. Среди них Иерусалимский патриархат был самым богатым благодаря пожертвованиям всего православного мира, да и паломничество приносило стабильный доход. Самым бедным был Антиохийский патриархат (резиденция в Дамаске). Доход его напрямую зависел от сирийских торговцев, которые часто конфликтовали с константинопольскими греками. В Александрийском патриархате дела обстояли чуть лучше благодаря многочисленным греческим купцам, поселившимся после османского завоевания в Египте. Кипрская церковь хоть и сохранила свою автономии, но во времена венецианского владения на острове она сильно зависела от константинопольского патриарха. Ситуация на Кипре не изменилась и после захвата острова османами. Власть же автономного Синайского архиепископа распространялась лишь на монахов его монастыря.

Понятно, что Русская Православная Церковь занимала особое место в православном мире. Ее зависимость от Константинополя после 1204 г. и так была минимальной. Ну а после учреждения Борисом Годуновым патриаршества на Руси, наоборот, греческая церковь стала зависеть от русской, особенно в материально отношении.

А в заключении несколько слов о христианских святынях. По мусульманской традиции, христиане города, захваченные штурмом, не имели права восстанавливать свои церкви. Но в захваченном Константинополе христиане по-прежнему владели вторым по величине после Святой Софии храмом Св. Апостолов, а также несколькими церквями в других районах города – в Фанаре и Петрионе по Золотому Рогу и в Псаматии на Мраморном море.

Османы официально отобрали у христиан лишь одну церковь – Святую Софию. Оно и понятно. Ведь это была не просто церковь, а символом старой христианской империи. Мусульмане обратили ее в мечеть, но в течение долгого времени ее старое христианское убранство почти не изменялось, за исключением прикрытия или уничтожения мозаических образов Христа и святых.

Многие же церкви, например, Новая базилика и Богородицы Светоносной в районе старого императорского дворцы, настолько пострадали во время штурма, что не восстанавливались и позже разрушились сами по себе. Монастыри Пантократора и Спасителя Хора

османы разграбили и осквернили, греки же не предпринимали попыток восстановить их, и турки со временем обратили их в мечети.

Некоторые церкви турки стали использовать в светских целях. Так, храм Святой Ирины рядом со Святой Софией стал военным арсеналом, а в церкви св. Иоанна в Диппионе разместился зверинец. Эти церкви находились в районах, населенных преимущественно мусульманами, так что христиане не рискнули протестовать.

Замечу, что к началу XVIII века в Константинополе насчитывалось не менее сорока православных церквей, но только три из них были построены до 1453 г.

Итак, как видим, положение христианских подданных султана в целом было хуже, чем мусульман. Однако говорить о нестерпимом султанском гнете и т. п. оснований нет. Картина жизни христианских подданных крайне сложна и противоречива, но в целом им жилось в Турции в XV–XVIII веках куда лучше, чем мусульманам или христианским сектантам в Европе, я уж не говорю об индейцах Америки. Надо признать, что периодически между Священным синодом до 1917 г. и РПЦ после 1917 г. и константинопольским патриархом возникали склоки и серьезные конфликты. Часть из них носила частный, а то и просто анекдотичный характер.

Так, В 1886 г. борьба Священного синода с разводами чуть не привела к общеевропейской войне. В 1868 г. в Париже состоялась свадьба князя Константина Горчакова, сына канцлера Российской империи, и 18-летней принцессы Марии Стурзы, дочери господаря (правителя) Молдавии, причем не будущей Молдавской ССР, которая тогда именовалась Бессарабией, а большой области в Румынии. Несмотря на титул, родство и связи бездарный Константин карьеры не сделал, зато много пил и развратничал. В итоге Мария в сентябре 1885 г. обратилась в петербургскую консисторию с иском о разводе. 4 октября было вынесено решение о «пасторских увещеваниях» супругов. Стороны 5 и 15 декабря вызывались для «судоговорения», но на заседания Горчаков не явился.

Князя легко понять. Речь шла об огромных владениях Марии в Бессарабии, которых клан Горчаковых автоматически лишался при разводе. Таким образом шансов у Марии развестись в Петербурге не было, и она обратилась к Вселенскому Константинопольскому патриарху Иоакиму IV.

С учетом того, что Мария оставалась подданной Румынии, 27 февраля 1886 г. ей был дан развод на основании Византийского права – кодекса Арменопула и 28-го правила Халкидонского собора.

Русский посол в Константинополе Нелидов и ряд российских

министров начали кампанию против патриарха. Газета «Русский курьер» писала: «Дело может принять размеры вопроса международного». Из-за болезни и травли патриарх Иаким IV 14 декабря 1886 г. оставил престол. Новым патриархом стал Дионисий V. «Церковный вестник» – официальный орган Священного синода – разразился угрозами в адрес патриарха: «Заклинания Дионисия не помешали нам войти в Адрианополь, не помешают нам войти и в Константинополь».

Ну а на Мальте британские броненосцы были выведены из резерва и начали разводить пары. После чего и Синод, и министры прекратили разговоры и о Константинополе, и о Марии Стурзе.

Куда более серьезные конфликты начались в 1920-х годах. В 1923 г. константинопольский патриарх перешел на юлианский календарь, на так называемый «новый стиль».

В 1923–1925 гг. Константинопольский патриархат поддерживал тесные связи с обновленцами («красными попами»).

В июне 1924 г. обновленцы собрались в Москве на Предсоборное совещание под руководством председателя Священного синода митрополита Евдоким. На Совещании присутствовали два архимандрита – посланцы Константинопольского и Александрийского патриархатов.

Участники Совещания провозгласили его почетным председателем константинопольского патриарха Григория VIII. Замечу, что и позже Константинопольский патриархат поддерживал тесные связи с обновленцами.

В 1922–1923 гг. в нарушение всех норм взаимоотношений православной церкви Константинопольский патриархат принял под свою юрисдикцию православные приходы Финляндии и Эстонии. Естественного, это происходило под нажимом властей Эстонии и Финляндии. Кроме того, туземные власти потребовали перехода православных приходов на григорианский календарь. Да и вообще православная церковь в Финляндии с 1922 г. стала государственным учреждением, а попы фактически стали чиновниками, получающими жалованье от государства.

С возвращением в 1940 г. Эстонии в состав русского государства (СССР) эстонская православная церковь вернулась под юрисдикцию российской церкви. Однако в 1994 г. эстонские «незалежные» власти потребовали, чтобы все православные приходы перешли под юрисдикцию константинопольского патриарха и на новый стиль.

В связи с согласием константинопольского патриарха на переход эстонских приходов возник серьезный конфликт с московским патриархом.

В конце концов было найдено компромиссное решение, согласно которому сами приходы решали вопрос о своем подчинении. В итоге сейчас в Эстонии юрисдикцию константинопольского патриарха признаю около 7 тысяч верующих, а московского патриарха – свыше 100 тысяч.

В 1992 г. возникла так называемая Украинская православная церковь Киевского патриархата, а также Киевский патриархат (УПЦ КП), а его патриархом стал митрополит Филарет (Денисенко). Соответственно, в 1997 г. Филарет был отлучен Архиерейским собором РПЦ от церкви и предан анафеме. По состоянию на 1 января 2010 г. на Украине раскольники имели 4281 приход, а РПЦ – более 11 тысяч приходов.

В июле 2008 г. константинопольский патриарх Варфоломей I прибыл в Киев на празднование 1020-й годовщины крещения Руси, где был с помпой встречен президентом Ющенко. Последний попросил Варфоломея признать Киевский патриархат. Однако константинопольский патриарх уклонился от ответа.

Надо ли говорить, что РПЦ нажала на Фанар, и Киевский патриархат во главе с самозваным патриархом Филаретом оказался не признанным ни одной из православных церквей.

Любопытно заявление, сделанное 18 марта 2015 г. в Киево-Печерской Лавре митрополитом Сасимским Геннадием (Константинопольский патриархат): «Вы упоминали о киевском патриархате. В нашей Церкви мы не называем “киевский патриархат” Киевским патриархатом. Мы называем их раскольниками, чтобы не было впечатления, что мы их признаем. Они могут себя называть, как хотят, но их не признает ни одна Церковь»[44].

Одним из последних конфликтов Константинопольского патриархата и РПЦ стало стремление Фанара устроить созыв Вселенского собора православных церквей. Одной из объявленных Варфоломеем целей собора является «восстановление соборного принципа управления Церковью». Таким образом, константинопольские патриархи пытаются усилить свое влияние среди православных церквей. В свою очередь РПЦ не торопится с проведением Вселенского собора.

В заключение стоит сказать, что константинопольский патриарх может называться Вселенским лишь условно. В 1833 г. от Константинополя отделилась Греческая церковь (Элладская церковь), в 1865 г. – Румынская церковь, в 1872 г. – Болгарская церковь, в 1879 г. – Сербская церковь.

В настоящее время в Стамбуле есть только четыре православные церкви. Православные священники лишены права в церковном облачении появляться на улицах Стамбула. Всего в Стамбуле чуть более тысячи прихожан Константинопольского патриархата.

Правда, Константинопольскому патриархату формально подчиняются Финская церковь, ряд церквей в Северной Америке и т. д.

Глава 9
Тайна «Особого запаса»

Берлинский конгресс не принес стабильности на Ближнем Востоке. В Турции по-прежнему волновались христиане, Британия захватила Кипр и всерьез рассматривала планы превращения Константинополя в «свободный порт под английской защитой».

Вследствие этого уже в сентябре 1879 г. в Ливадии состоялось совещания ряда высших сановников под председательством Александра II. Одним из вопросов, рассмотренных на совещании, было обсуждение возможной судьбы Проливов в случае распада Османской империи. Как писал участник совещания Сабуров, Россия не могла допустить двух вещей: расширения Австро-Венгрии на Балканах и «постоянной оккупации Проливов Англией». Была намечена задача – «овладение Проливами в случае, если обстоятельства приведут к уничтожению турецкого господства в Европе». Союзником России предполагалась Германия, которой взамен Россия могла гарантировать сохранение в ее составе Эльзаса и Лотарингии.

Тревога русского правительства не была напрасной. В сентябре 1882 г. английская армия высадилась в Египте, который уже давно управлялся потомками Мегмета-Али, но формально был частью Турецкой империи. Египетская армия была разбита в битве при Телль-Эль-Кедире. Вскоре оккупанты заняли Кипр. В связи с захватом Египта англичанами русский посол в Константинополе А. И. Нелидов в декабре 1882 г. предоставил Александру III записку «О занятии Проливов». В записке говорилось о нестабильности в Оттоманской империи, вероятности ее полного распада и захвата Проливов англичанами. Нелидов предлагал, в зависимости от обстановки, три варианта занятия Проливов: 1) открытой силой во время русско-турецкой войны; 2) неожиданным нападением при внутренних сложностях с Турцией или внешней опасности; 3) мирным путем с помощью союза с Портой.

Продвижение России в Туркестан и присоединение к ней в 1884 г. Мервского оазиса сильно обеспокоило Англию, усмотревшую в этом угрозу своим колониям в Азии, особенно в Индии. Англичане начали подстрекать афганские племена к нападению на русских. Однако 18 марта 1885 г. генерал Комаров наголову разгромил афганцев на реке Кушка. В ответ Англия стала угрожать России войной и потребовала

международного разбирательства русско-афганского конфликта. Александр III категорически отказал Англии. С марта по сентябрь 1885 г. России и Англия были на грани войны. Английские адмиралы планировали провести эскадру кораблей через Проливы в Черное море. В планы англичан входили обстрелы и высадка десанта в районе Одессы и на Кавказском побережье. Россия в ответ усилила береговые крепости в Очакове, Севастополе, Керчи и Батуме. Но до войны дело не дошло, поскольку воевать с Россией никто из стран континентальной Европы не захотел, а сами англичане с сильнейшим противником в одиночку не воевали.

Тем не менее, правящие круги России осознали, что с появлением броненосцев и больших транспортных пароходов резко возросла угроза нашим южным границам. В конце 70-х – начале 80-х годов XIX века разрабатываются планы захвата Константинополя с моря, поскольку война 1877–1879 гг. показала, каких людских потерь и сколько времени стоит продвижение армии к Проливам сухим путем.

В 1883 г. в Николаеве и Севастополе закладываются три однотипных броненосца «Екатерина II», «Чесма» и «Синоп». Это были первые крупные военные суда, заложенные на Черном море после Парижского мира. И это при том, что ограничения Парижского мира на строительство кораблей были отменены еще в 1870 г. Несколько позже, в 1891 г., заложили близкий к ним по типу броненосец «Георгий Победоносец».

Все эти броненосцы отличало необычное расположение артиллерии. Шесть 305-мм пушек были расположены в трех барбетных установках, две на носу и одна на корме. Броненосцы всех стран были спроектированы так, чтобы обеспечить максимальную мощь огня на борт. Кстати, корабли даже характеризовались весом бортового залпа (точнее, весом снарядов). У русских же броненосцев типа «Екатерина II» на борт могло стрелять только четыре из шести 305-мм орудий. Зато вперед могли вести огонь четыре 305-мм пушки. Дело в том, что эти броненосцы были специально спроектированы для встречного боя в Проливах. Во встречном бою огневая мощь «Екатерины II» была, по меньшей мере, в два раза больше, чем у любого английского, французского или немецкого броненосца.

Водоизмещение этих четырех броненосцев было около 11 тысяч тонн, скорость хода 15 узлов. «Екатерина II» и «Синоп» имели на вооружении шесть 305-мм орудий длиной 30 калибров, а «Чесма» и «Георгий Победоносец» – шесть 305-мм орудий длиной в 35 калибров с лучшей баллистикой. Артиллерия среднего калибра состояла из семи 152/35-мм пушек. Артиллерия малого калибра состояла из двух 2,5-дюймовых десантных пушек Барановского и 12–20 37-мм и 47-мм пушек Гочкиса.

Броненосец «Екатерина II» вошел в строй в 1888 г., «Синоп» и «Чесма» – в 1889 г., а «Георгий Победоносец» – в 1893 г.

Остальные же броненосцы, поступившие на Черноморский флот в конце XIX века, представляли собой совершенно разнотипные конструкции. В 1889 г. был заложен и в 1892 г. вошел в строй так называемые «малый» броненосец «Двенадцать Апостолов». Водоизмещение его было 8433 тонны, скорость хода на пробе 15,7 узлов. Вооружение его состояло из четырех 305/30-мм пушек в двух барбетных установках и четырех 152/35-мм пушек в бортовых казематах. Малокалиберная артиллерия представлена двумя пушками Барановского и 26 – 37-мм и 47-мм пушками Гочкиса.

В 1891 г. был заложен и в 1895 г. вошел в строй броненосец «Три Святителя» водоизмещением 13 318 тонн со скоростью хода 16 узлов. Главный калибр был представлен четырьмя новыми мощными 305/40-мм пушками в двух башенных установках, а средний калибр – новыми патронными пушками Кене: 8 – 152/45-мм и 4 – 120/45-мм. Постановка на броненосец разнокалиберных орудий была явной глупостью наших адмиралов, которую исправили в 1912 г., когда 120-мм пушки были убраны и заменены 152-мм. Артиллерия малого калибра была приблизительно та же, что и на предшествующих броненосцах. Орудиям малого калибра мы уделяем мало внимания из-за того, что эффективность их была невелика, и к 1914 г. от пушек Барановского и Гочкиса во флоте почти избавились. Почти потому, что часть 47-мм пушек Гочкиса была переделана в зенитные. Число и тип малокалиберных орудий менялось от кампании к кампании.

В 1895 г. был заложен и в 1899 г. вошел в строй броненосец «Ростислав» водоизмещением 10140 тонн и со скоростью 15,4 узла. Вооружение броненосца состояло из четырех 254/45-мм орудий, помещенных в двух башнях и восьми 152/45-мм пушек Кане в четырех башнях, расположенных побортно. Артиллерия малого калибра состояла из стандартного набора: двух пушек Барановского и 26 – 37-мм и 47-мм пушек Гочкиса. В 1910 г. все орудия малого калибра убрали, установив взамен четыре 75/50-мм пушки Кане.

В марте 1882 г. в строй Черноморского флота был введен крейсер «Память Меркурия», переоборудованный из парохода Добровольного флота «Ярославль». Пароход «Ярославль» был построен во Франции как коммерческое судно, что дало возможность провести его через Проливы на Черноморский флот. Водоизмещение крейсера составляло 3050 тонн, скорость хода 14–16 узлов (в зависимости от загрузки). Крейсер был вооружен шестью 152/28-мм пушками, четырьмя 9-

фунтовыми пушками обр. 1877 г. и шестью малокалиберными пушками. Кроме того, имелось четыре поворотных однотрубных торпедных аппарата. В перегруз крейсер мог брать до 180 мин заграждения.

Аналогично в 1891 г. в Швеции были построены два транспорта «Буг» и «Дунай». В декабре того же года «Буг» прибыл в Севастополь, а в апреле 1892 г. пришел и «Дунай». Здесь оба транспорта были переделаны в минные заградители или, по тогдашней терминологии, в минные транспорты. Полное проектное водоизмещение «Буга» и «Дуная» было 1360 тонн, скорость хода 13–14 узлов. Вооружение состояло из 10 – 47-мм и 4 – 37-мм пушек Гочкиса. Запас мин заграждения – 425 штук.

С 1889 года по 1893 год вступило в строй Черноморского флота три минных крейсера – «Капитан Сакен», «Казарский» и «Гридень». Водоизмещения «Капитана Сакена» – 742 тонны, остальных – 400 тонн; скорость 21–22 узла. Вооружение: шесть 47-мм и три 37-мм пушки Гочкиса, а также два торпедных аппарата.

С 1880 года по 1896 год вошли в строй 22 малых миноносца водоизмещением от 50 до 120 тонн, вооруженные двумя 37-мм пушками и двумя-тремя торпедными аппаратами.

В 1886–1889 гг. было построено шесть канонерских лодок – «Кубанец», «Терец», «Уралец», «Запорожец», «Черноморец» и «Донец» (по наименованиям казачьих войск). Их водоизмещение 1224 тонны, скорость 13–14 узлов. Первоначально вооружение состояло из двух 203/35-мм и одной 152/35-мм пушек, а также двух торпедных аппаратов. Позже часть канонерских лодок получила более современное вооружение: две 152/45-мм и одну 120/45-мм пушки Кане. В 1905 г. был перевооружен «Уралец», в 1911 г. – «Кубанец», в 1912 г. – «Донец» и в 1916 г. – «Терец». «Запорожец» и «Черноморец» были исключены из состава флота в 1911 г., а «Уралец» погиб в 1913 г. в результате навигационной аварии.

Таким образом, к концу века Черноморский флот по огневой мощи многократно превосходил турецкий флот. А корабельный состав флота показывал, что флот готовится к решительным наступательным задачам – высадке десанта и встречному бою в Проливах. Тем не менее, вероятный противник – британская Средиземноморская эскадра – превосходил Черноморский флот по числу броненосцев. Так, в 1896 г. британская эскадра на Мальте состояла их 11 броненосцев. В их числе были: новые барбетные «Рамиллиес» и «Ривендж», их башенный аналог «Худ» (все водоизмещением по 14150 тонн, скорость хода 15,5 узлов, вооружение: 4 – 343-мм и 10 – 152-мм орудий); малый броненосец «Барфлер» (водоизмещение 10500 тонн, скорость 17 узлов, вооружение: 4 – 254-мм и

10 – 120-мм орудий); башенные «Найл» и «Трафальгар» (оба имели водоизмещение 12590 тонн, скорость 15 узлов, вооружение: 4 – 343-мм и 6 – 120-мм орудий); пять барбетных типа «Адмирал» («Коллингвуд» водоизмещением 9500 тонн, скорость 15 узлов, вооружение: 4 – 305-мм и 6 – 152-мм орудия; остальные имели водоизмещение по 10 600 тонн, скорость 15,7 узлов, вооружение: 4 – 343-мм и 6 – 152-мм орудий).

Что бы компенсировать превосходство англичан в броненосцах русское командование планировало внезапный захват Босфора, а, если повезет, и Дарданелл. Затем следовало заграждение Проливов минами и установка на берегах тяжелых артиллерийских орудий.

Специально для этого был учрежден так называемый «особый запас». Он создавался в условиях полной секретности, и даже в закрытых документах для высших офицеров его назначение по возможности не раскрывалось. Первоначально в составе «особого запаса» были тяжелые береговые орудия (штатные для береговых крепостей) и некоторое количество полевых орудий. Так, в 1894 г. только в Одессе в «особом запасе» состояло:

11-дюймовый (280-мм) береговых пушек – 5;

9-дюймовых (229-мм) береговых пушек – 10;

6-дюймовых (152-мм) пушек весом в 190 пудов – 7;

107-мм батарейных пушек – 20;

9-дюймовых (229-мм) береговых мортир – 36;

Итого: 78 орудий.

Весной 1895 г. решили исключить из «особого запаса» 11-дюймовые и 9-дюймовые береговые пушки, а иметь следующие число орудий меньших калибров:

9-дюймовых (229-мм) береговых мортир – 36;

9-дюймовых (229-мм) легких мортир – 20;

6-дюймовых (152/45-мм) пушек Кане – 10;

6-дюймовых (152-мм) пушек весом в 190 пудов – 20;

6-дюймовых (152-мм) пушек весом в 120 пудов – 20;

57-мм береговых пушек Норденфельда – 10;

Итого: 116 пушек и мортир и 24 пулемета Максима.

В 1896 г. на изготовление недостающих сорока четырех 9-дюймовых мортир, 6шести 6-дюймовых пушек Кане, четырех 57-мм пушек Норденфельда и 24 пулеметов Максима для «особого запаса» было отпущено сверх кредита 2 193 500 рублей. Вместо тяжелых 11-дюймовых пушек и 9-дюймовых береговых мортир, сборка и установка которых требовала больших временных затрат, в «особый запас» в середине 1890-х

годов стали поступать 9-дюймовые легкие мортиры. Такую мортиру можно было перевозить на двух повозках по десять лошадей каждая и установить на деревянном основании за несколько часов. Но длина канала 9-дюймовой легкой мортиры была всего 6 калибров, а дальность стрельбы 3 км (для сравнения, дальность стрельбы гранатой 87-мм полевой пушки обр. 1877 г. была 6,4 км). Тяжелое орудие с дальностью стрельбы 3 км не было пригодно ни для осадной, ни для крепостной артиллерии. Единственное место, где имело смысл применять такие орудия, – узкий пролив, где их 140-килограмовые снаряды, снаряженные 16,2 кг пироксилина, легко могли пробить палубы новейших английский броненосцев: 76-мм «Ройял Оука» или 65-мм «Центуриона».

Проводилась и другая «подготовительная работа». В середине 1881 г. капитан 2 ранга Степан Осипович Макаров был отозван с Каспия, где он командовал флотилией обеспечивавшей боевые действия в Закаспийском крае.

Макарову было тогда 32 года, служебная карьера шла блестяще, за успехи в русско-турецкой войне в сентябре 1877 г. он был произведен в капитан-лейтенанты, а в январе 1878 г. уже стал капитаном 2 ранга. Степан Осипович ехал в Петербург с надеждой начать проектирование миноносца нового типа, о котором давно мечтал, но в октябре 1881 г. его определили командиром стационера «Тамань» в Константинополь. «Тамань» – маленький колесный пароходик постройки 1849 г., вооружение его состояло из двух малокалиберных 4-фунтовых пушек. Офицер уже успел флотилией покомандовать, а ему под начало какую-то лайбу! Что это – опала?

Советский биограф Макарова С.Н. Семенов писал: «По-видимому, в Петербурге не случайно избрали на этот пост боевого командира, столь досадившего туркам во время минувшей войны. В дипломатии ведь все имеет свое значение: и марка вина, наливаемого камер-лакеем в бокал, и марш, которым встречают именитого гостя, и множество иных мелочей, порой самых курьезных. В переводе с дипломатического языка на военный назначение Макарова расшифровывалось так: русским стационером в турецкой столице командует офицер, топивший ваши суда, помните об этом и имейте в виду…»[45].

Увы, С.Н. Семенов не знал, что Макаров был хорошо известен лишь в России. Туркам о нем абсолютно ничего не было известно, равно как и о потоплении в 1878 г. торпедой 100-тонного посыльного судна «Интибах» – единственной жертве макаровских минных катеров. Да и вообще, в Оттоманской империи было официально объявлено, что войну 1877–

1878 гг. выиграла… Турция. А с точки зрения дипломатии командиром стационера должен быть лощеный аристократ с родословной как минимум до крестовых походов, пусть даже и никудышный моряк. А тут послали боцманского сына, получившего дворянство с очередным чином. Так что «в переводе с дипломатического языка» на общеобывательский это означало одно – очередной ляп МИДа и Морского ведомства.

Степан Осипович был чужд светскому обществу и не пользовался успехом у дам. Даже с женой у него отношения быстро разладились, и Капитолина Николаевна не придумала ничего лучшего, как завести роман с Зиновием Рожественским – будущим «героем» Цусимы.

Чем же занялся Макаров в Стамбуле? Предоставим слово другому его советскому биографу Б.Г. Островскому: «Должность командира стационера не требовала особого напряжения и считалась в те времена скорее почетной. У Макарова появилась, таким образом, возможность отдохнуть от вечно наряженной обстановки, обычной на военном корабле.

Но бездеятельности Макаров не любил, и желания отдыхать, ничего не делая, у него никогда не было. Лучшим отдыхом для него было чередование одного занятия с другим…

…И вскоре здесь, в Константинополе, он нашел себе занятие по душе.

Пребывание в Босфоре явилось крупным событием в жизни Макарова как ученого. Здесь он стал гидрологом, занявшись научно-исследовательской работой по изучению течений в проливе, и вскоре представил вполне точную и весьма поучительную картину того, что происходит в Босфоре, во всех его слоях.

В глубокой древности существовало поверье, что в Босфорском проливе, соединяющим Черное море с Мраморным, существует двойственное течение: на поверхности вода идет из Черного моря в Мраморное, на глубине же – в противоположном направлении. Что дало повод сделать подобное предположение – неизвестно, но одно несомненно, что поверье это возникло много столетий тому назад. Еще итальянский ученый Луиджи-Фернандо Марсильи (1658–1730) в последней четверти XVII века, будучи в Константинополе, заинтересовался этим странным явлением и стал расспрашивать местных рыбаков. Они подтвердили, что в проливе действительно существуют взаимно противоположные течения, но доказать этого не могли. Удостовериться в существовании верхнего течения было, разумеется, нетрудно, но как узнать, что течение существует и на глубине? Вот вопрос, оставшийся неразрешенным как для Марсильи, так и для многих других ученых.

Как-то в разговоре с советником русского посольства в

Константинополе Макаров узнал о загадочных течениях и, заинтересовавшись этим явлением, взялся за разрешение нерешенной Марсильи задачи.

Он расспросил местных жителей, а затем и командиров иностранных стационеров, стоявших рядом с “Таманью” на Константинопольском рейде. Местные жители заявили, что ничего не знают, а командиры судов считали рассказы о нижнем течении Босфора легендами и сказками.

Раздобыв сочинение Марсильи, написанное на латинском языке и изданное в 1681 г. в Риме, Макаров стал изучать его…

…Макаров решил выяснить этот вопрос во что бы то ни стало. Если, рассуждал он, удастся экспериментально доказать, что нижнее течение действительно существует, останется только разобраться в его причинах. Но как это сделать, как произвести эксперимент под водой? Способ, придуманный Макаровым, был столь же остроумен, сколь и прост. Макаров вышел на четырехвесельной шлюпке на середину фарватера и опустил на глубину пятиведерный бочонок, наполненный водой, с привязанным к нему балластом. Расчеты Макарова оправдались. Опущенный на глубину бочонок стал буксировать шлюпку против довольно сильного поверхностного течения.

Наличие подводного течения в Босфоре было, таким образом, установлено экспериментально.

“Когда я убедился, что нижнее течение существует, – писал Макаров, – захотелось определить точно границу между ним и верхним течением. Когда сделалось очевидным, что граница эта идет по длине Босфора не горизонтально, а с некоторым наклонением к Черному морю, захотелось выяснить этот наклон, наконец, захотелось выяснить подмеченные колебания границы между течениями в зависимости от времени года и дня, от направления ветра и проч. Было интересно определить относительную скорость течения на разных глубинах и распределение воды по удельному весу”.

Не удовлетворившись первым успехом, Макаров подробнейшим образом не только разработал теорию обмена вод между двумя морями, то есть дал исчерпывающее объяснение сложному явлению, но и выяснил, как и в каких приблизительно размерах происходит обмен вод между этими морями, исследовал удельный вес и температуру воды в разных слоях верхнего и нижнего течения и, наконец, определил с большой точностью границу между течениями и наклон этой границы вдоль пролива.

Макаров провел это исследование по собственной инициативе, не имея даже опытных помощников. Необходимых приборов у него также не было,

и часть приборов он приобрел на свои деньги, а часть изготовил сам в мастерской на пароходе. Для определения скорости течения на глубине он изобрел простой, но достаточно точный прибор, названный им флюктометром. Все приборы тщательно исследовались и проверялись.

Самым серьезным препятствием в работе Макарова было то, что по турецким портовым правилам, стоянка судов на фарватере не разрешалась. Макарову же как раз на фарватере и необходимо было производить наблюдения.

Чтобы не вызывать подозрения турок, проявлявших особую бдительность в отношении русских кораблей, Макаров производил промеры и наблюдения на разных глубинах или в сумерки или пользуясь прогулками и поездками русского посланника по рейду. Такая работа урывками представляла много неудобств, и Макаров старался использовать малейшую возможность, чтобы работать на самом фарватере. Однажды английский пароход, придя на рейд и не найдя свободной бочки, около которой становятся корабли, отдал якорь у той самой бочки, у которой стоял русский стационер “Тамань”. Как командир военного корабля, Макаров мог, конечно, не допустить этого. Но он решил схитрить. Приказав немедленно развести пары, он отошел от англичанина и стал на самой середине фарватера. Турки всполошились, но Макаров заявил, что нет таких правил, чтобы у одной бочки становились два корабля, и поэтому он вынужден был сойти с места. Пока шли переговоры и для “Тамани” подыскивали другой мертвый якорь, прошло пять дней. За это время Макаров произвел, стоя на фарватере, много серийных наблюдений над течениями, температурой и соленостью воды на разных глубинах. Результатом босфорских исследований Макарова явилась его работа “Об обмене вод Черного и Средиземного морей”. Напечатанное в “Записках Академии наук”, это исследование было в 1885 году удостоено премии, присуждавшейся Академией наук»[46].

Итак, бескорыстный капитан «Тамани» от скуки занялся гидрологией. Какая идиллия!

Перенесемся на 122 года назад, в теплую ночь 29 мая 1882 г. в проливе Босфор. Там на середине фарватера Макаров на «Тамани» проводит важные научные опыты. Вот моряки с борта парохода с помощью небольшого кранового устройства, стараясь не шуметь, спускают за борт какую-то здоровенную грушу.

Ба! Да это же сфероконическая мина Герца обр. 1876 г.! С ноября 1876 г. по июль 1878 г. Морское и Военное ведомства получили из Германии, соответственно, 2100 и 1935 таких мин. Они хорошо себя

зарекомендовали в ходе боевых действий на Дунае. 30-кг пироксилиновый заряд мины мог пустить на дно любой турецкий броненосец.

Так что, наш бравый капитан стал террористом? Нет, ни в коем случае. В мине вместо пироксилина – босфорский песок, да и турецкие броненосцы с 1878 г. больше не ходили по Босфору. Просто идут плановые учения по постановке минного заграждения в проливе.

Еще 17 октября 1881 г. управляющий Морским министерством контр-адмирал А.А. Пещуров отправил секретную депешу русскому посланнику в Турции Е.П. Новикову, в которой сообщал о возложенном на Макарова поручении по сбору сведений, «относящихся как до турецкого флота, так и вообще представляющих интерес в стратегическом отношении», и просил оказать капитану 2 ранга содействие.

Сам же Макаров 22 октября 1881 г. получил секретное предписание Пещурова: «Собрать гидрографические, метеорологические и топографические данные о берегах Босфора и выяснить: а) возможен ли десант на эти берега, в каких местах и в каких силах…» Четвертый пункт предписания гласил: «Изучить условия заграждения Босфора минами в различных местах. Составить план таких заграждений и перечислить необходимые для того материальные средства».

2 (14) ноября 1881 г. Макаров на «Тамани» прибыл в Стамбул. За полтора месяца он изучил течения в Дарданеллах и в Мраморном море, а затем и в Босфоре. 24 декабря Макаров пишет Пещурову: «Нужно ли мне говорить Вашему Превосходительству, какое важное значение все это имеет по отношению к минному заграждению».

Тогда же выяснилась и неточность русских карт Мраморного моря и Босфора, составленных в 1848 г. «Случайно» выяснилось, что офицеры старой калоши оказались прекрасными картографами, которые произвели корректировку старых карт Проливов и Мраморного моря с помощью новейших британских и французских карт, а также по результатам проведенных ими самими съемок.

С письмо от 22 января 1882 г. Макаров выслал в Петербург добытые им «негласно» карты Константинопольского порта и европейского берега Черного моря у входа в Босфор.

За деятельностью Макарова внимательно следили в Петербурге. На новый 1882 год Александр III сделал ему подарок – произвел в капитаны 1 ранга.

В апреле 1882 г. Макаров писал новому управляющему Морским министерством вице-адмиралу И.А. Шестакову о том, как, отправляя его в Константинополь, Пещуров обещал, «что когда потребуются для

испытания сфероконические мины (Герца), то они будут высланы». И вот теперь Макаров ждал эти мины и предложил план их доставки в Константинополь. Сначала мины доставляются из минной части в Морской музей, оттуда в ящиках под видом инструментов для ремонтных работ на пароходе переправляются в Одессу, грузятся там на суда РОПиТа и привозятся в Константинополь. На это Шестаков заметил: «Что-то слишком хитро. Нельзя ли придумать проще?»

В итоге наши умельцы нашли способ, о котором даже Морское ведомство не проинформировали. И вот 29 мая 1882 г. была произведена первая учебная минная постановка в Босфоре.

В депеше от 1 августа 1882 г. Макаров доносил управляющему: «Постановка мин в Босфоре вполне удалась. Мину несколько раз ставили и убирали на глубине до 30 сажен и на фарватере». (30 сажен – это 64 м, то есть, предел глубины постановки для мин Герца). Выяснилось, что отклонение минрепов мин от вертикали из-за течений в проливе было незначительным, и особых проблем при массовой постановке мин быть не должно.

В ходе учебных постановок Макаров изобрел и изготовил автоматическую вьюшку, то есть прибор, основанный на гидростатическом принципе. Благодаря ему мина с якорем, сброшенная в воду, автоматически ставилась на заданное ей заранее углубление.

По ночам Макаров ставил мины, а в светлое время суток занялся туризмом. Вместе с нашим военным агентом (так тогда именовали военных атташе) в Греции, генерального штаба подполковником А.П. Протопоповым он осматривал с борта «Тамани», а также с кайков и небольшой яхты береговые укрепления Босфора и в результате составил их план и определил сектора обстрела батарей.

3 сентября 1882 г. «Тамань» вместе со своим беспокойным командиром покинула залив Золотой Рог и направилась в Николаев. Через 18 дней Степан Осипович уже был в Петербурге. Вот запись в дневнике управляющего министерством от 23 сентября: «Длинный доклад о Константинополе флигель-адъютанта Макарова. Очевидно занимался делом и замечал, что умел. Велел все соединить и представить».

Во исполнение этого приказания Макаров составил объемную секретную записку от 3 мая 1883 г. с описанием Босфора и плана десантной операции. В записке говорилось: «Константинополь может быть захвачен быстрой высадкой наших войск или в самом Босфоре, или на черноморском берегу к востоку и западу от входа в пролив».

В середине 1890-х годов вокруг Проливов вновь создалась

взрывоопасная ситуация. 15 августа 1895 г. премьер-министр лорд Р. Солсбери, выступая в английском парламенте, обрушился на султана Абул Гамида II с обвинениями в геноциде армян. Он заявил, что независимость Турции покоится на желании европейских держав сохранить эту независимость, но политика Порты по отношению к армянам может побудить Европу отказать султану в поддержке существования турецкого государства.

1 ноября 1895 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховский поддержал Англию и предложил европейским державам ввести в проливы эскадры, «невзирая на протест и сопротивление оттоманского правительства».

А. Нелидов, русский посол в Константинополе, 3 сентября 1896 г. телеграфировал в Петербург: «Я не могу не обратить самым настойчивым образом внимание императорского правительства на огромную опасность, которую представила бы для нас европейская акция на Босфоре, которая навсегда заперла бы нас в Черном море».

Аналитики русского Генерального штаба и министерства иностранных дел, основываясь на поступавшей к ним конфиденциальной информации, загодя определили нарастание британской угрозы Босфору. Еще за месяц до выступления лорда Солсбери, о котором мы уже упоминали, 6 июля 1895 г. в Петербурге было собрано «Особое совещание» в составе министров: военного, морского, иностранных дел, русского посла в Турции Нелидова, а также высших военных чинов. В постановлении совещания упомянуто о «полной военной готовности захвата Константинополя». Далее сказано: «Взяв Босфор, Россия выполнит одну из своих исторических задач, станет хозяином Балканского полуострова, будет держать под постоянным ударом Англию, и ей нечего будет бояться со стороны Черного моря. Затем все свои военные силы она сможет тогда сосредоточить на западной границе и на Дальнем Востоке, чтобы утвердить свое господство над Тихим океаном».

5 декабря 1896 г. на совещании министров под председательством Николая II было рассмотрено решение о высадке в Босфоре. В совещании принимал участие посол Нелидов, горячо отстаивавший план вторжения. В соответствии с решением совещания Нелидов должен был дать из Стамбула условную телеграмму, которая послужила бы сигналом к отправке десанта. Командовать операцией назначили вице-адмирала Н. В. Копытова. В операции должны были принимать участие эскадренные броненосцы «Синоп», «Чесма», «Екатерина II», «Двенадцать Апостолов», «Георгий Победоносец» и «Три Святителя», крейсер «Память Меркурия»,

канонерская лодка «Терец», минные заградители «Буг» и «Дунай», минные крейсеры «Гридень» и «Казарский», а также 10 миноносцев и 30 малых миноносок.

Командиром сводного десантного корпуса был назначен генерал-лейтенант В. фон Шток. Численность войск «первого рейса» возросла по сравнению с прежним планом. В из составе теперь числилось 33750 человек с 64 полевыми и 48 тяжелыми орудиями (из «особого запаса»). Вроде бы учли все, даже «3 версты железной дороги» собирались перевезти…

В целях дезинформации операция была замаскирована под большие учения, включавшие переброску войск на Кавказ.

Эскадра на пути к Кавказу должна была неожиданно повернуть на Босфор. Предусматривалось введение информационной блокады: «В назначенный момент внезапно прерываются все телеграфные провода Черноморского побережья с Европой». Эскадра же в ночное время форсирует Босфор и, пройдя до Буюк-Дере, становится на якорь (в тылу турецких береговых батарей). В это время посол Нелидов представит турецким властям ультиматум: немедленно передать России районы на обоих берегах Босфора под угрозой применения силы. Сопротивление турецких войск предполагалось подавить быстро. После чего русское командование должно было за 72 часа после начала высадки укрепить вход в пролив со стороны Мраморного моря. На берегах Босфора устанавливались тяжелые орудия «особого запаса», а «Буг» и «Дунай» выставляли поперек пролива заграждения в три ряда мин (всего 825 штук). Тут-то и пригодились бы сведения о течениях и глубинах, доставленные Макаровым. Кроме того, планировалось на обоих берегах пролива скрытно установить торпедные аппараты. 72 часа брались не с потолка – это был наиболее ранний срок прибытия английской Средиземноморской эскадры, базировавшейся на Мальте.

При таких условиях у британской эскадры практически не было шансов форсировать Босфор. Что же касается Дарданелл, то тут вопрос спорный – все зависело от быстроты продвижения русских и степени сопротивления турок. Естественно, Англия могла существенно усилить свою Средиземноморскую эскадру и послать в Турцию две-три пехотные дивизии. Но для этого потребовалось бы уже несколько недель или месяцев. И британцы к тому времени могли встретить на берегах Босфора не только второй эшелон русских войск, но и отмобилизованные войска из внутренних военных округов, а кроме 9-дюймовых мортир – десятки 11-дюймовых береговых пушек и 11-дюймовых мортир, снятых с береговых

батарей Севастополя, Очакова, Керчи и Батума.

В случае расширения конфликта до глобальных масштабов русский Генштаб прорабатывал даже удар русских войск их Средней Азии в направлении Индии…

В общем, шансов на успех хватало. Тем не менее, в последний момент вторжение было отменено. Почему?

Думается, решающую роль здесь сыграл субъективный фактор – непостоянство характера Николая II. По этому поводу министр иностранных дел В. Ламздорф записал в своем дневнике: «Молодой государь меняет точки зрения с ужасающей быстротой».

Противники десанта, конечно, приводили царю и объективные факторы. В частности, рассматривался вариант, при котором английский десант успевал захватить пролив Дарданеллы, пока русские занимали Босфор. Теоретически в этом случае русский флот запирался бы в Черном море. Но это только теоретически. Англия хотела захватить Дарданеллы, но только вместе с Босфором. Тогда английский флот мог бы угрожать русским берегам, как во время Крымской войны, а английская база в Босфоре была бы отделена от сухопутных сил русской армии Черным морем и британскими броненосцами. База в Дарданеллах рядом с русскими базами в Босфоре таила для англичан больше опасностей, чем выгод. Весь английский флот не смог бы помешать России скрытно перебросить за несколько дней крупные силы пехоты и артиллерии и захватить английскую базу с суши. Англичане пуще всего боялись прямого соприкосновения с русской пехотой, как в Центральной Азии, так и в других местах.

Вторым аргументом против десанта была возможная международная изоляция России. Действительно, Англия, Франция, Германия, Австро-Венгрия не желали, чтобы Константинополь стал русским губернским городом. Другой вопрос, кто бы пошел воевать за Проливы? Ведь на дворе был не 1853, а 1896 год. Между Россией и Францией действовал союзный договор 1893 г., а взоры всех французов были прикованы к отнятым немцами в 1871 г. Эльзасу и Лотарингии. По той же причине Германия не могла послать войска в Проливы, чтобы одновременно не услышать «Марсельезу» на Рейне и «Соловей-пташечку» на Одере. А в войне против России без поддержки Германии Австро-Венгерская «лоскутная» империя не продержалась бы и пары месяцев.

К сожалению, внешняя политика Николая II и в дальнейшем была столь же непоследовательна, как во времена кризиса 1896–1897 гг. Николай II не отказался от планов захвата Босфора. Строительство на Черном море продолжалось, «особый запас» не только не расформировывался, а

наоборот – усиливался. Но одновременно царь приказал начать строительство огромной военно-морской базы и крепости в Либаве в 70 верстах от германской границы. Затраты на Либаву превзошли расходы на содержание «особого запаса» и на строительство Порт-Артура. Постройка Либавской крепости сильно разозлила Германию. После же русско-японской войны крепость пришлось демонтировать.

Полем боя русско-японской войны 1904–1905 гг. стали Манчжурия и Корея. Местные войска и население не участвовали в войне, и ее исход на первом этапе зависел от того, кто быстрее и больше доставит войск на этот обширный театр военных действий. С одной стороны, Николай II тормозил наращивание сил на Дальнем Востоке, запретил проведение частичной мобилизации, а с другой, провоцировал Японию проникновением в Корею и оскорбительными высказываниями в адрес Страны Восходящего Солнца.

Катастрофа на Дальнем Востоке не сбила спесь с самоуверенного Николая. Теперь он начал интенсивно готовиться к войне с Германией в союзе с Англией и Францией. Вооруженный конфликт между Россией и Германией равно не был выгоден ни одной из сторон. Кайзер не был Гитлером и не мечтал об уничтожении или порабощении славянской расы. Наоборот, захват Привисленского края Германией привел бы к ополячиванию Германии. Зато противоречия между Францией и Германией были непримиримы. Было ясно, что вопрос об Эльзасе и Лотарингии может быть разрешен только после большой войны. Англия же видела в быстро растущей германской промышленности своего конкурента. Германия мечтала о захвате английских колоний. Британское адмиралтейство, построив «Дредноут» – первый в мире линкор с 10 орудиями главного калибра и паротурбинным двигателем, – нанесло страшнейший удар по военно-морской мощи… Великобритании. С появлением дредноута все существовавшие линкоры (броненосцы) с четырьмя орудиями главного калибра и поршневыми паровыми машинами разом устарели. Теперь Англия и Германия могли начать с нуля. Темпы роста германского флота превышали темпы роста британского флота. Правящие круги Англии прекрасно понимали, что через несколько лет британскому владычеству на морях придет конец. В этом случае потеря колоний империей, «в которой никогда не заходит солнце», становилась неизбежной.

И, как всегда бывало в аналогичных случаях, Англия и Франция начали искать дураков, готовых проливать кровь за их интересы. И тут, естественно, взгляды англичан и французов обратились к России. Причем, особого успеха в оболванивании российской верхушки достигли французы. В ход пошли большие займы, подкуп должностных лиц и широкое

проникновение в Россию французского капитала. Командующий российским военно-морским флотом генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович и начальник артиллерии великий князь Сергей Михайлович большую часть своего рабочего времени проводили во Франции со своими метрессами-балеринами – француженкой Балеттой и полькой Матильдой Кшесинской. Не последнюю роль сыграла и французская ложа Великий Восток, наладившая связь с русскими «вольными каменщиками». В итоге Николай и его окружение оказались в фарватере французской политики.

Между тем, единственной угрозой безопасности России в то время было продвижение Германии и Австро-Венгрии к Проливам. Немцы постоянно усиливали свое влияние в турецких вооруженных силах. 6 августа 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала бывшие турецкие владения Боснию и Герцеговину. При этом австрийцы ловко обманули Николая, пообещав взамен Боснии и Герцеговины содействовать изменению статуса Проливов в нужном для России направлении.

Как уже неоднократно говорилось, обеспечить безопасность юга Российской империи можно было, лишь взяв Проливы под контроль русских вооруженных сил. Последний раз сделать это в мирное время можно было в 1897 г. В начале XX века в связи с резким усилением военной мощи Германии о захвате Константинополя в мирное время нельзя было и мечтать. Захват Проливов мог произойти лишь в случае большой войны в Европе, но без участия России, или, по крайней мере, при ее пассивном участии в войне.

Война Германии и Австро-Венгрии против Англии и Франции была неизбежна, в крайнем случае, она могла начаться не в августе 1914 г., а позже – в 1915 г. «Просвещенные мореплаватели» никогда не дали бы закончить немцам сверхдредноуты типа «Баден» с 38-см артиллерией и линейные крейсера типа «Макензин» («Mackensen») с 35-см артиллерией.

Начало войны 1914 года ознаменовалось серией дипломатических интриг и обманов. К примеру, Англия делала вид, что желает остаться нейтральной, а сама объявила войну Германии. Италия, согласно заключенным с Австро-Венгрией и Германией договорам, должна была выступить на их стороне, а осталась нейтральной, и т. п.

Россия могла поступить также как Италия, и в последний момент заявить о своем нейтралитете. А дальше, согласно китайской пословице, сидеть на горе и смотреть, как тигры дерутся в долине, когда же противники обессилят друг друга, «в целях своей безопасности» занять Проливы.

Был и другой путь. Русские цари Николай I, Александр II и Александр III с 1826 года по 1896 год непрерывно строили три линии крепостей на западной границе. Первая линия проходила по территории Польши: Ивангород – Новогеоргиевск; вторая линия: Рига – Ковно – Гродно – Брест; третья линия: Двинск – Бобруйск – Киев. Эти крепости можно было связать сплошными укрепленными районами. Крепости могли быть усилены орудиями из береговых крепостей. Сотни пушек и мортир калибра 280, 254, 229, 203 и 152 мм безнадежно устарели для действий по кораблям, но могли еще десятилетиями успешно использоваться в качестве крепостных орудий. Кроме того, в 1907–1910 гг. на лом было разобрано несколько броненосцев и крейсеров, орудия которых так же могли быть использованы в сухопутных крепостях. Увы, орудия из береговых крепостей и корабельные пушки были отправлены в крепости на западной границе лишь в конце 1914 г. – начале 1915 г., когда русские крепости стали капитулировать перед немцами одна за другой.

Николай II, в отличие от своих предшественников, запустил до предела западные крепости России. В 1907–1911 гг. он вместе с Сухомлиновым решил их вообще разоружить, что и было наполовину сделано. А перед самой войной в разоруженные крепости начали вновь ставить орудия. Если бы Николай II продолжал укреплять западные границы, то в 1914–1918 гг. русская армия вполне могла отсидеться за тремя линиями обороны. (Вспомним Верден в 1916 г.). При этом значительная часть русских войск могла быть использована в Проливах. Увы, Николай II был уверен, что полевые войска разгромят немцев, и через 2–3 месяца русская армия будет в Берлине. А далее наивный Николаша думал, что союзнички за труды преподнесут ему Константинополь на «тарелочке с голубой каемочкой».

Глава 10
Операции против Босфора в 1915 году

В конце 1914 г. Англия и Франция начали подготовку десантной операции с целью захвата Черноморских проливов.

В феврале 1915 г. англо-французская эскадра попыталась форсировать Дарданеллы. В ее составе был дредноут «Куин Элизабет», линейный крейсер «Инфлексибл», 13 английских и 4 французских броненосца, а также десятки крейсеров, эсминцев и других кораблей.

Операция союзников сразу пошла не по плану. Подавить дарданелльские форты с больших дистанций не удалось, а близко подходить союзные линкоры боялись. В конце концов, союзникам удалось высадить в Дарданеллах десант в 68 тысяч человек, которые, закрепившись на небольшом плацдарме у берега, повели позиционную войну с турками. Но тот, кто избегает быстрых и решительных действий, боясь потерь, всегда или проигрывает операции, или несет в последующем куда большие потери.

В течение одного дня 18 марта 1915 г. на минах и от артогня Дарданелльских фортов погибли три броненосца: английские «Иррезистибл» и «Ошен» и французский «Буве».

В ночь на 13 мая у Дарданелл турецкий эсминец «Муавенет» под командой немца Фирле потопил торпедами английский броненосец «Голиаф». 25 мая германская подводная лодка U-21 там же утопила английский броненосец «Трайомф». А через два дня U-21 потопила английский броненосец «Маджестик».

Прорваться через Дарданеллы удалось лишь нескольким английским и французским лодкам. Английские подводные лодки действовали в Мраморном море с апреля по декабрь 1915 года. Они потопили несколько торговых судов и малых боевых кораблей. Наибольший успех выпал на долю подводной лодки Е-11, которая 21 мая потопила канонерскую лодку у Стамбула. 8 августа Е-11 потопила в Мраморном море торпедой турецкий броненосец «Хайреддин-Барбаросса». Кстати, еще один старый турецкий броненосец «Мессудие», построенный еще в 1873 г., был потоплен у входа в Дарданеллы 13 декабря 1914 г. английской подводной лодкой В-11.

Один из транспортов, поврежденный в Мраморном море торпедой с подводной лодки Е-11, выбросился на берег, но 12 августа 1915 г. был

добит торпедой с английского гидросамолета. Это было первое в истории боевое применение авиационной торпеды.

В целом Дарданелльская операция союзников окончательно провалилась. В январе 1916 г. остатки союзного десанта покинули Дарданеллы.

Командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард поначалу очень боялся подходить с эскадрой к Босфору. В связи с этим он в январе 1915 г. отправил в Ставку пространную записку, где было сказано: «До готовности линейного корабля “Мария” не следует рисковать боем в непосредственной близости от Босфора». Телеграммой от 3 февраля Ставка бой у Босфора оставила на усмотрение Эбергарда. Но 19 февраля из Ставки пришла экстренная телеграмма: «В ближайшее время предполагаются совместные действия англо-французского флота с участием десантного корпуса против Дарданелл. Черноморскому флоту надлежит оказать содействие в виде демонстрации у проливов, которая, в зависимости от достижения нашими союзниками успеха, может быть развита включительно до занятия Босфора совместно Черноморским флотом и флотом союзников».

Для демонстрации или десанта (по ситуации) в Одессе был сосредоточен 5-й кавказский корпус. С демонстрационной целью в Одессе неоднократно проводилась посадка войск на транспорты и выход их в море. Однако в связи с неудачей союзников вопрос о высадке в 1915 г. в Босфоре отпал. Но одесские демонстрации серьезно напугали турок, и те не рискнули отправить в Дарданеллы ни одного солдата из четырех корпусов, защищавших Стамбул и Проливы.

5 марта первый лорд английского адмиралтейства Черчилль сообщил главковерху великому князю Николаю Николаевичу, что «великобританское правительство самым серьезным образом надеется, что, когда наступит момент прорыва английского флота в Мраморное море, русский флот, одновременно с началом атаки Дарданелл союзниками, начнет систематическую, с дальнего расстояния, бомбардировку внешних фортов Босфора, чему придается первостепенное значение».

Было установлено, что командующие обоими флотами, адмирал Эбергард и адмирал Карден, войдут в постоянную связь между собой и согласуют свои действия в зависимости от хода событий у Дарданелл.

27 марта флот в составе пяти броненосцев («Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя», «Ростислав»), трех крейсеров («Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз»), одного авиатранспорта[30]

(«Николай I»), минной бригады (9 эсминцев) и шести тральщиков[47] вышел из Севастополя курсом на Босфор.

В 6 часов утра 28 марта, с открытием турецких берегов, по сигналу командующего (флаг на «Евстафии») броненосцы «Три Святителя» и «Ростислав», крейсер «Алмаз», авиатранспорт «Николай I», предшествуемые тральщиками и охраняемые эсминцами, отделились от флота и направились к Босфору. Флот, имея в дозоре два крейсера, остался в море на ходу, держась против пролива на расстоянии 12–15 миль. Основная часть кораблей должна была держаться на глубинах свыше 200 м, где не могло быть мин. При появлении «Гебена» бомбардирующие корабли должны были отойти к оставшимся броненосцам. Русские не знали, что «Гебен» еще находится в ремонте.

В 7 часов «Николай I» и «Алмаз», застопорив машины, стали спускать свои гидросамолеты в 10 милях от Босфора. Оба броненосца продолжали двигаться к проливу. В 7 ч. 20 мин., когда тральщики подошли к берегу на расстояние 80 кабельтовых (около 15 км), береговые батареи открыли огонь, но совершенно неэффективный, так как не было видно даже падений снарядов. К 7 ч. 30 мин., когда часть гидросамолетов была спущена и готовилась к полету, было получено приказание командующим флотом: «Не увлекаться бомбометанием, главная задача – разведка».

Поднявшиеся самолеты были сразу же обстреляны с батарей шрапнелью и ружейным огнем, но безрезультатно. Вскоре первый из вылетевших самолетов донес, что в устье пролива замечены два небольших миноносца и несколько дальше – минный заградитель.

С приближением броненосцев на указанную дистанцию под азиатским берегом в районе мыса Эльмас был замечен большой четырехмачтовый однотрубный пароход, видимо, груженый, который пытался прорваться в Босфор, идя полным ходом. Из пролива в это время ему навстречу, сигналя прожекторами, вышли два миноносца. Пользуясь отличной видимостью, броненосец «Три Святителя» немедленно открыл огонь с дистанции 65 кабельтовых (12 км), причем с третьего выстрела было получено первое попадание, а затем, когда пароход повернул к берегу, стремясь уйти под защиту батарей Эльмаса, новое попадание в корму вызвало пожар. Было видно, как команда спускает шлюпки и оставляет горящее судно, вскоре приткнувшееся к отмели. Часа полтора спустя на судне произошел сильный взрыв, окутавший его облаком дыми.

Миноносцы были отогнаны двумя залпами «Ростислава», после чего ушли в Босфор. Русский самолет сбросил бомбу на эсминец «Самсун», упавшую в воду в 50 метрах за кормой.

Покончив с пароходом, «Три Святителя» в 10 ч. 30 мин., идя 6-узловым ходом за тральщиками, открыл огонь по азиатским батареям сначала в районе мыса Эльмас, а затем по укреплениям в районе Анатоли-Фенер. Следом шел «Ростислав» и повторял стрельбу по тем же батареям вслед за окончанием стрельбы головного корабля.

Обстрел азиатских укреплений продолжался до 11 ч. 50 мин. По Эльмасу было выпущено 6 – 305-мм фугасных снарядов, 50 – 152-мм («Три Святителя») и 10 – 254-мм («Ростислав») снарядов. По наблюдениям с судов и самолетов снаряды ложились хорошо, но степень разрушения определить было невозможно, так как точного прицельного огня из-за легкой дымки на берегу вести было нельзя, и обстрел велся по площадям. Батареи не отвечали из-за их малой дальности стрельбы.

К этому времени летчики выяснили, что вплоть до Золотого Рога в проливе больших судов нет. По наблюдениям летчиков было несколько прямых попаданий в батареи, причем в одном случае был вызван взрыв, давший характерный столб дыма, окутавший на время одну из батарей.

В 11 часов, повернув на обратный галс, броненосцы с той же дистанции обстреляли батареи европейского берега в районе Панас-Бурну, выпустив 19 – 305-мм и 5 – 254-мм снарядов. Пересекая линию пролива, броненосцы отчетливо видели ряд ближайших внутренних батарей, где не было мглы. Но они не могли их обстрелять, так как угол возвышения башенных орудий обоих кораблей был мал.

К 12 ч. 30 мин. корабли закончили обстрел и по сигналу командующего пошли на присоединение к своим силам. С их подходом на флагманском корабле был поднят сигнал: «Поздравляю флот с историческим днем первой бомбардировки укреплений Босфора».

Построившись в походный порядок, флот отошел на север. Корабли весь день и ночь провели в море, чтобы с рассветом снова подойти к Босфору и повторить бомбардировку.

На следующий день, 29 марта, флот снова подошел на видимость Босфора. Погодные условия были те же, но мгла стала еще гуще, и очертания берегов были едва различимы.

Тем же кораблям и авиатранспорту было приказано повторить бомбардировку. На этот раз задание было несколько иное, и по семафору было передано на бомбардирующие корабли: «Сегодня план маневрирования тот же, расход снарядов тот же. “Ростиславу” – вчерашняя батарея на мысе Пайрас, “Трем Святителям” – две батареи новых пушек южнее Румели-Фенер. Если по вас будут стрелять батареи, то разрешается выбить и другие цели».

Одновременно на авиатранспорт «Николай I» было передано и новое задание для летчиков: «Задача на сегодня: обязательная часть – 1) держать Босфор под непрерывным наблюдением, 2) корректировать стрельбу; часть желательная – проверить глубже место “Гебена”. Летать только на абсолютно исправных аппаратах и брать на себя только выполнимые задачи».

В 7 ч. 10 мин. оба броненосца, предшествуемые тральщиками и охраняемые эсминцами, направились по назначению.

В 8 ч. 10 мин. «Николай I» спустил первый самолет, вылетевший по назначению.

Однако выполнить бомбардировку не удалось. По мере приближения отряда к Босфору стало ясно, что обстрел состояться не может, так как мгла перешла в густой туман, который к 9 часам настолько усилился, что головной эсминец, шедший впереди тральщиков на расстоянии 17 кабельтовых (3150 м), едва был виден. Подойдя на 70 кабельтовых (13 км) к проливу, начальник отряда убедился, что бомбардировка невозможна, и повернул к эскадре, сообщив Эбергарду по радио о невозможности вести прицельный огонь.

Продержавшись до вечера перед Босфором в ожидании противника, флот отошел в море, направившись вдоль азиатского побережья.

1 мая 1915 г. русский флот в составе броненосцев «Евстафий», «Иоанн Златоуст», «Пантелеймон», «Три Святителя», «Ростислав»; бригады крейсеров «Кагул», «Память Меркурия», «Алмаз»; авиатранспорта «Николай I»; минной бригады (9 эсминцев) и четырех заградителей («Ксения», «Алексей», «Константин», «Георгий» в качестве морских тральщиков) вышел из Севастополя для бомбардировки Босфора.

В 5 ч. 15 мин. 2 мая флот подошел на видимость Босфора. Погода стояла ясная, море было спокойное, видимость хорошая, пролив совершенно чист.

В 7 часов по сигналу командующего флотом авиатранспорт «Николай I» приступил к спуску гидросамолетов. Так как целью самолетов была только разведка, а не бомбардировка, то самолеты спускались по одному и отправлялись на разведку поочередно.

Кроме одного парохода, полным ходом уходившего вглубь Босфора, никаких других судов в проливе не было. В 7 ч. 15 мин. командующий сигналом приказал назначенным для бомбардировки броненосцам «Три Святителя» и «Пантелеймон» с тральщиками идти по назначению.

Отделившись от флота, оба корабля направились к Босфору, но вынуждены были из-за опоздания подачи тралов задержаться, и только в

8 ч. 40 мин., вступив в кильватер тральщикам, дали ход. К этому времени вернувшийся с разведки самолет сообщил, что пролив вплоть до Золотого Рога чист от больших судов, но что около Румели-Фенер замечены подводная лодка и два тральщика, и что в проливе находятся два миноносца, укрывшиеся под берегом.

В 9 ч. 47 мин., пройдя на расстояние 58 кабельтовых (10,7 км) к мысу Эльмас, корабли открыли огонь, обстреливая на 6-узловом ходу последовательно батареи, расположенные в районе Эльмаса, Фенераки, Каридже, Беюк-Лимана и Килии. «Пантелеймон», обладавший более дальнобойной артиллерией, обстрелял районы Филь-Бурун, батареи верхнего и нижнего Анатоли-Кавака. Перенеся затем огонь в сторону европейского берега, корабли обстреляли батареи Килии с расстояния 54–63 кабельтовых (10–11,7 км). В 10 ч. 40 мин. у Килии, приблизительно на середине между берегом и кораблями, был замечен движущийся по направлению к кораблям бурун, который был признан за след перископа подводной лодки. Сразу с кораблей был открыт огонь 152-мм артиллерией, причем, после первых накрытий бурун исчез. Однако ряд офицеров считал, что бурун принадлежал стае дельфинов.

Закончив обстрел Килии, корабли легли на обратный галс, чтобы повторить обстрел. На этом галсе, как только корабли вошли в зону пролива, внутренние батареи открыли огонь, причем с батареи Маджар-Кале, расположенной на азиатском берегу, стреляли мортиры, а с батарей в районе Румели-Кавака – пушки. Батареи клали свои снаряды с недолетами до 15–20 кабельтовых (2,8–3,7 км). В результате обстрела нашей корабельной артиллерией в районе мыса Эльмас за фортом Рива произошел сильный взрыв, вызвавший большой пожар.

В 11 ч. 45 мин. корабли легли на соединение с флотом. «Пантелеймон», идя концевым, до 12 ч. 2 мин. продолжал обстрел из кормовой башни.

Вся бомбардировка продолжалась 2 ч. 15 мин. Судами было израсходовано: 56 – 305-мм снарядов и 195 – 152-мм снарядов («Три Святителя»); 110 – 305-мм снарядов и 333 – 152-мм снаряда («Пантелеймон»).

Во время всей бомбардировки в воздухе попеременно находилось пять наших самолетов, один из которых из-за неисправности мотора совершил вынужденную посадку на воду поблизости от пролива и был отведен к“ Николаю I” спущенным с него паровым катером. Воздушная разведка продолжалась до возвращения бомбардировавших кораблей к флоту, и никаких данных о передвижениях крупных кораблей не дала.

В 13 ч. 35 мин. «Три Святителя» и «Пантелеймон» присоединились к основным силам флота. Эсминцы были снабжены углем, а затем флот отошел в море, где продержался всю ночь.

Одновременно с бомбардировкой Босфора командующий флотом на рассвете 2 мая послал «Кагул» и «Память Меркурия» в Угольный район с задачей обойти побережье и уничтожить все находящиеся в пунктах угольных погрузок суда. Обойдя весь заданный район, крейсера обнаружили в Козлу один стоящий под самым берегом трехмачтовый небольшой однотрубный пароход, который и был уничтожен артиллерийским огнем. Ни в Зунгулдаке, ни в Килимли судов обнаружено не было.

На обратном пути к Босфору крейсерами был утоплен парусный барк. В 21 ч. 31 мин. оба крейсера вернулись к флоту, заняв свои места в дозоре.

Проведя ночь в море, флот с рассветом снова подошел к Босфору для повторения бомбардировки.

Летчики доложили об обнаружении подводных лодок. Кроме того, с кораблей были замечены подозрительные буруны, которых ранее никогда не видели. В такой ситуации командующий флотом признал рискованным отделять для бомбардировки «Пантелеймон», так как в случае удачной атаки на него 1-я бригада броненосцев (наиболее сильная) теряла одну треть своей силы и в случае боя с «Гебеном» оказывалась в неблагоприятных условиях, особенно, если бы ей приходилось прикрывать подбитый «Пантелеймон». Поэтому его заменили «Ростиславом».

Чтобы дать бомбардирующим броненосцам большую свободу маневрирования в случае атаки подводных лодок, было решено проводить ими бомбардировку отдельно, а не в сопровождении тральщиков, ограничивающих ход броненосцев 6–7 узлами. Броненосцы должны были двигаться по заранее протраленным районам. Поэтому тральщики и эсминцы были заранее посланы к Босфору, где их задачей было обследовать и приготовить три маневренных площади у европейского побережья пролива, в районах Кара-Бурну и Чаталджи.

В 7 часов с авиатранспорта был спущен первый самолет, который через 40 минут вернулся и сообщил, что пролив чист от судов.

К 9 часам зыбь усилилась, и весь пролив заволокло густым туманом. В 9 ч. 25 мин. «Николай I» прекратил спуск самолетов, так как зыбь усилилась, и один из самолетов получил уже из-за этого повреждения. Другой самолет, вернувшийся из разведки, сообщил, что в районе Босфора стоит густой туман высотой до 200 м, мешающий самолетам ориентироваться во время полета.

В 11 часов начальник минной бригады, руководивший работой тральщиков, сообщил, что первые две площади протралены, и прислал к флоту эсминец «Зоркий» для проводки «Трех Святителей» и «Ростислава» к району начала бомбардировки.

В 11 ч. 10 мин. оба корабля отделились от флота и направились по назначению. Перед броненосцами стояла задача обстрелять приморский фронт района Кара-Бурну и укрепления на правом фланге Чаталджинских позиций. Обстрел этого района должен был убедить неприятеля в намерении русского командования высадить десант на европейском берегу.

В 12 ч. 45 мин. полеты самолетов возобновились. Самолетам было приказано наблюдать за Босфором или оставаться в районе операции, в зависимости от условий погоды.

Разведка с воздуха показала, что Босфор пока чист от неприятельских кораблей. Не было обнаружено никаких кораблей и в районе Кара-Бурну.

В 14 ч. 40 мин. корабли подошли к протраленным районам и начали бомбардировку.

В 16 ч. 10 мин. бомбардировка была закончена, и корабли к 18 часам присоединились к флоту.

Всего «Три Святителя» выпустил 132 – 152-мм снаряда, а «Ростислав» 39 – 254-мм снарядов. Стрельба велась с дистанции 55 кабельтовых (10,2 км), вне дальности огня турецких береговых батарей, которые, естественно, молчали.

Отойдя на ночь в море, флот к утру снова подошел к европейскому берегу, на этот раз в район Иниады.

В 6 ч. 20 мин. «Ростислав» пошел по протраленному заранее пространству к бухте Иниады. С дистанции 35 кабельтовых (около 6,5 км) по указанию крейсера «Память Меркурия» «Ростислав» обстрелял почту и телеграф, но никаких военных объектов не обнаружил, тем более что вся прилегающая к бухте местность была покрыта густым лесом.

Выполнив задание, корабли отошли к флоту. 5 мая флот благополучно вернулся в Севастополь.

Лорей писал, что бомбардировки русским флотом Босфора не причинили вреда турецким береговым батареям. Отечественные историки не приводят никаких конкретных данных о причиненном туркам ущербе. Поэтому обстрел Босфора был пустой тратой дорогостоящих снарядов крупного калибра. В 1915 г. Главное Артиллерийское управление издало приказ, где говорилось: «…стрельба без четко поставленной цели является преступной тратой снарядов». Но Эбергард и К° не подчинены Главному Артиллерийскому управлению, так почему бы не попугать басурман, да

еще, глядишь, и крестик получить.

Рано утром 10 мая русская эскадра вновь подошла к Босфору. В 5 ч. 40 мин. русские корабли были обнаружены турецким дозорным миноносцев «Нумуне». В 6 ч. 40 мин. на разведку Босфора вылетел русский гидросамолет. В 7 ч. 10 мин. русские тральщики приступили к тралению. За ними двинулись броненосцы «Пантелеймон» и «Три Святителя», предназначенные для обстрела береговых укреплений. Миноносец «Нумуне» пытался обстрелять тральщики, но был отогнан огнем броненосцев.

В это время «Гебен» находился в Черном море между Босфором и Эрегли. Получив радио с «Нумуне», «Гебен» быстро двинулся в Босфор.

В 6 ч. 45 мин. крейсер «Кагул» обнаружил «Гебен». В 7 ч. 05 мин. адмирал Эбергард приказал «Пантелеймону» и «Трем Святителям» прервать операцию и возвратиться к основным силам.

В 7 ч. 50 мин. «Гебен» с дистанции 87,4 кабельтовых (16,2 км) открыл огонь по русской эскадре. В 7 ч. 54 мин. «Евстафий» открыл ответный огонь. Через 15 минут открыл огонь «Пантелеймон», который еще не успел соединиться с эскадрой. «Гебен» получил два попадания 305-мм снарядами. Один снаряд попал в бак и проник в жилую палубу, но пожара не вызвал. Второй снаряд попал ниже ватерлинии, разорвался, вероятно, у нижней кромки брони, причинил повреждения в бортовом коридоре и вывел из строя второе 150-мм орудие левого борта. Один из 152-мм снарядов попал в ящик для уборки противоторпедных сетей, и сеть свесилась за борт. Потерь в личном составе не было. Тем не менее, «Гебен» дал полный ход и стал уходить. В 8 ч. 12 мин. стрельба прекратилась. Попаданий в русские корабли не было. Но из-за большой разницы в скорости (до 10 узлов) русские броненосцы не смогли преследовать «Гебен», ушедший в свою нору – Босфор. В 14 ч. 50 мин. того же дня, 10 мая, русская эскадра двинулась обратно в Севастополь. Обстрел укреплений Босфора был сорван, зато адмирал Сушон еще раз убедился, чем грозит «Гебену» встреча с русскими броненосцами.

Собственно, на этом действия русского флота против укреплений Босфора закончились. Это было связано с полным провалом десантной операции союзников в Дарданеллах. Ну а Черноморский флот был отправлен на угольную блокаду порта Зондулак, а также на поддержку русской армии, наступавшей к Трапезунду.

Параллельно русский флот начал готовиться к десанту в Босфор, намеченному на лето 1917 г. На русских верфях началось массовое строительство первых в мире специальных десантных судов типа

«Эльпидифор» и «Болиндер».

В Центральном Военно-морском архиве автор нашел интересные документы о поставках на Черноморский флот большого числа химических снарядов. Так, к 25 ноября 1916 г. в штатном боекомплекте русских дредноутов положено было иметь на одну 305/52-мм пушку – 400 выстрелов, из которых 20 со шрапнелью и 37 с «удушающим снарядом». Часть «удушающих» снарядов была заказана в центральной части России, а 300 «удушающих» 305-мм снарядов изготовили в Севастополе из практических (учебных) снарядов. Кроме того, Севастопольский морской завод (Севморзавод) из практических снарядов изготовил 4000 «удушающих» 120-мм снарядов и 3000 таких же снарядов для 152/45-мм пушек Кане.

В Петрограде для Черноморского флота было изготовлено 4000 «удушающих» снарядов для 102/60-мм пушек эскадренных миноносцев. Кроме того, на Черноморский флот поступило большое число 305-мм, 203-мм, 152-мм, 120-мм и 101,2-мм шрапнельных снарядов, произведенных в России, США и Японии. Никогда ранее шрапнель не входила в боекомплект русских корабельных орудий крупного и среднего калибра.

Понятно, что стрелять шрапнелью, а тем более, химическими снарядами по морским целям бессмысленно. Они предназначались исключительно для стрельбы по берегу. Поэтому нетрудно представить себе план операции. Русские корабли должны были буквально забросать укрепления Босфора химическими снарядами. Замолчавшие батареи захватывались десантом. А по подходящим полевым частям турок корабли должны были открыть огонь шрапнелью.

Не менее интересен и еще один, внешне чисто технический аспект, найденный автором в документах Военно-исторического архива. В конце 1916 г. шла подготовка к демонтажу большинства береговых батарей Севастополя и перевозке их неизвестно куда. Легко догадаться, что в 1917 г. хотели повторить план операции 1897 года, то есть Проливы подлежали быстрому захвату, а затем на их берегах планировалось установить мощные береговые батареи. А предназначались эти батареи для стрельбы не по туркам и немцам, а по англичанам и французам, если бы они сунулись в Проливы. Увы, Февральская революция и разложение личного состава армии и флота сорвали эту операцию.

Глава 11
Проблемы проливов в 1922–2015 годах

На Лозаннской мирной конференции, прошедшей в Швейцарии с 20 апреля 1922 г. по 24 июля 1923 г., был рассмотрен вопрос о Проливах. Договор предусматривал свободу прохода через Проливы в мирное и военное время коммерческих и военных (морских и воздушных) судов и демилитаризацию Босфора и Дарданелл с уничтожением береговых укреплений.

Страны, подписавшие Лозаннский договор, не должны были посылать в Черное море более трех военных судов, причем тоннаж их ограничивался 10 тысячами тонн. Турции было запрещено иметь береговые батареи в Проливах. Численность стамбульского гарнизона жестко ограничивалась.

Лозаннская конвенция (договор) о Проливах просуществовала до 1936 г., до конференции в Монтрё. Советский представитель подписал Конвенцию о режиме Проливов 14 августа 1924 г., но СССР не ратифицировал Конвенцию как нарушающую его законные права и не гарантирующую мир и безопасность.

С 22 июня по 20 июля 1936 г. в швейцарском городке Монтрё проходила конференция по пересмотру Лозаннской конвенции о Проливах. Конференция в Монтрё была созвана по требованию Турции. Конференция закончилась подписанием новой конвенции о режиме Проливов.

Конвенция подтвердила принцип права свободного прохода и плавания в Проливах и объявила свободным проход через Проливы торговых судов всех стран.

В мирное время торговые суда пользуются полной свободой прохода через Проливы днем и ночью независимо от флага и груза без каких-либо формальностей.

Всякое судно, которое войдет в Проливы из Эгейского или Черного моря, должно останавливаться у санитарной станции при входе в Проливы для санитарного осмотра, установленного турецкими правилами, в рамках международных санитарных правил. Осмотр производится как днем, так и ночью с максимально возможной быстротой. После осмотра в одном пункте суда не обязаны останавливаться в каком-либо другом пункте Проливов.

Проводка судов лоцманами необязательна. Однако по желанию

капитанов судов, направляющихся в Черное море, лоцманы могут быть вызваны из соответствующих лоцманских пунктов на подходах к Проливам.

Во время войны, если Турция не является воюющей стороной, торговые суда независимо от флага и груза будут пользоваться полной свободой транзита и судоходства в Проливах на тех же условиях, что и в мирное время. Если же Турция будет воюющей стороной, то торговые суда, не принадлежащие стране, находящиеся в войне с Турцией, пользуются свободой прохода и судоходства в Проливах при условии, что эти суда не оказывают никакого содействия противнику и входят в Проливы только днем. Путь прохода таких судов в каждом отдельном случае указывают турецкие власти. В Конвенции предусматривается, что проходить Проливы днем по указанным маршрутам торговые суда должны будут и в том случае, если Турция сочтет себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности.

Конвенцией предусмотрено резкое разграничение для прохода через Проливы кораблей прибрежных и неприбрежных к Черному морю держав.

Проход военных кораблей прибрежных держав объявлен в мирное время свободным при условии выполнения некоторых требований. Так, только черноморским государствам разрешено проводить через Проливы все типы надводных кораблей независимо от их вооружения и водоизмещения.

Только черноморские государства могут проводить через Проливы подводные лодки в следующих случаях:

1. В целях возвращения подводных лодок, сооруженных или купленных вне Черного моря, к своим базам в Черном море при условии, что Турция заблаговременно будем уведомлена о закладке или о покупке;

2. если необходим ремонт подводных лодок на верфях вне Черного моря при условии, что точные данные по этому вопросу будут сообщены Турции.

И в том, и в другом случае подводные лодки должны проходить Проливы в одиночку, только днем и в надводном положении.

Нечерноморским государствам разрешено проводить через Проливы корабли водоизмещением до 10 тысяч тонн с артиллерией калибра до 203 мм включительно.

В случае участия Турции в войне проход военных судов через Проливы зависит исключительно от усмотрения турецкого правительства. Турция имеет право применять эту статью и в случае, если она «считала бы себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности».

Для обеспечения прохода гражданских воздушных судов между Средиземным и Черным морем турецкое правительство должно указывать вне запретных зон Проливов воздушные маршруты, предназначенные для этого прохода. Гражданские воздушные суда могут использовать эти пути, делая турецкому правительству для эпизодических воздушных рейсов предуведомления за три дня, а для регулярных воздушных рейсов – общее предуведомление о датах прохода.

Турция получила возможность содержать вооруженные силы в районе Проливов без всяких ограничений и строить там береговые укрепления.

От Конвенции в Монтрё больше всех выиграла Турция. В чем-то, особенно в разграничении военных кораблей черноморских и нечерноморских стран, выиграл и СССР. Но в целом Конвенция не обеспечивала должным образом безопасности наших южных границ.

Турция была слишком слаба, чтобы предотвратить прорыв через Проливы английского, французского или итальянского флотов. Кроме того, не было никакой гарантии, что Турция не вступит в союз с другими государствами, направленный против СССР.

К началу 1939 г. международная обстановка в Европе серьезно ухудшилась. В связи с этим 15 апреля 1939 г. Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов направил телеграмму временному поверенному в делах СССР в Турции О. И. Никитниковой, в которой поручалось от имени Молотова заявить президенту Турецкой Республики Иненю следующее: «Мы думаем, что в связи со складывающейся новой ситуацией в районах Балкан и Черного моря, было бы целесообразно устроить взаимную консультацию представителей Турции и СССР и наметить возможные меры защиты от агрессии.

Если турецкое правительство также находит целесообразной эту акцию, следовало бы установить место и срок встречи представителей. Мы со своей стороны предложили бы Тбилиси или Батуми.

Желательно не откладывать это дело и возможно скорей осуществить его. Ждем ответа».

Весной 1939 г. начались переговоры СССР с Англией и Францией о заключении соглашения о совместной обороне в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств. В ходе переговоров рассматривался и вопрос о привлечении Турции к системе коллективной безопасности. Разумеется, договаривающиеся стороны мало интересовали турецкие вооруженные силы. Речь шла, в основном, о Проливах. Как известно, западные страны не желали заключать договор с СССР, а использовали переговоры как средство давление на Германию.

Естественно, что эти переговоры закончились провалом.

Параллельно СССР пытался заключить отдельный договор с Турцией. 28 апреля 1939 г. в Анкару приехал В. П. Потемкин, зам. Наркома иностранных дел СССР. Турки охотно шли на переговоры с СССР, но всячески увиливали от союза.

Избавляя читателя от описания скучных дипломатических переговоров Турции с СССР, Германией и западными союзниками, скажем лишь, что в 1939–1945 гг. Турция отчаянно маневрировала, пытаясь остаться нейтральной. Но нейтралитет Турции был не следствием миролюбия ее правительства. Турки в 1939–1942 гг., как и в 1914 г., мечтали урвать кусок чужой территории, воспользовавшись европейской войной. Но, в отличие от 1914 г., турецкие правители хотели урвать лишь то, что было рядом, а конкретно – острова Эгейского моря и южную часть Болгарии. Но тут нашла коса на камень. Островами в Эгейском море частично владели итальянцы, а на остальные они, как говориться, «глаз положили». А Гитлер сделал ставку на Болгарию, и ни о каком разделе ее и речи не могло быть.

Оставались, конечно, Крым и Кавказ. Но до 22 июня 1941 г. турки об этом и подумать боялись. А после Гитлер решил сделать из Крыма курорт для своих «белокурых бестий», а славян, татар и прочих, в лучшем случае, выселить. И уж тем более Гитлер не собирался никому дарить бакинские нефтепромыслы и нефтепровод Баку – Батуми. И вообще, Гитлер планировал использовать Закавказье как плацдарм для продвижения в Индию и Египет.

Таким образом, Германия ничего не могла дать Турции. А присоединиться к союзникам в 1939–1944 гг. Турция не решалась, боясь военной мощи Германии.

23 августа 1939 г. в Москве был подписан Договор о ненападении между Германией и СССР, получивший впоследствии известность как пакт Молотова – Риббентропа. Ни в самом договоре, ни в секретных дополнительных протоколах Турция ни прямо, ни косвенно не упоминалась.

1 августа 1939 г. началась Вторая мировая война. Турция, как уже говорилось, осталась нейтральной. В ходе Зимней войны между СССР и Финляндией правительство Великобритании неоднократно предлагало пропустить английский флот в Черное море. В Сирии были сосредоточены большие соединения английских и французских бомбардировщиков. Западные союзники предполагали нанести авиационные удары по нефтепромыслам Баку и другим объектам на Кавказе. Вполне возможно, что угроза нападения на СССР с юга повлияла на решение Сталина пойти

на мир с Финляндией.

К 13 февраля 1940 г. Красная Армия прорвала все линии укреплений на Карельской перешейке и вышла на оперативный простор. Финская армия была фактически разбита. Вся территория Финляндии могла быть занята менее чем за месяц. Но мир, предложенный СССР Финляндией, был крайне благоприятен для последней, с учетом сложившейся ситуации.

Естественно, в Москве забыли об очередной попытке англичан вторгнуться в Черное море.

Во время визита в Берлин в ходе разговора с Гитлером 13 ноября 1940 г. Молотов поднял вопрос о Проливах. Он вспомнил Крымскую войну, интервенцию 1918–1919 гг. и назвал Проливы «историческими воротами Англии для нападений на Советский Союз». На что фюрер ответил, что Имперский Министр иностранных дел уже рассматривал эту проблему, и он предусмотрел пересмотр Конвенции в Монтрё в пользу Советского Союза. Риббентроп подтвердил это и заявил, что итальянцы также заняли благожелательную позицию по этому вопросу.

Гитлер спросил Молотова, считает ли Россия, что у нее есть шанс гарантировать в достаточной степени свои черноморские интересы в случае пересмотра Конвенции в Монтрё. Молотов ответил, что в этом вопросе у России только одна цель. Она хочет гарантировать себя от нападения через Проливы и хочет урегулировать этот вопрос с Турцией. Несколько позже Молотов сказал Гитлеру, что Россия хочет гарантировать себя от удара со стороны Проливов не только на бумаге, но и на деле, и он уверен, что Россия сможет достичь с Турцией договоренности по этому вопросу.

В тот же день, поздно вечером (с 21 часа 45 минут до 24 часов), Молотов продолжал переговоры с одним Риббентропом, без Гитлера. В ходе них опять был поднят вопрос о Проливах. Риббентроп предложил, чтобы Германия, Италия и Советский Союз совместно приложили усилия для аннулирования заключенной в Монтрё Конвенции о Проливах, действующей в настоящее время, и заменили ее другой конвенцией, которая предоставит Советскому Союзу неограниченное право прохода его военного флота через Проливы в любое время, тогда как все другие державы, кроме черноморских, а также Германии и Италии, откажутся в принципе от права прохода своих военных кораблей через Проливы. Право свободного прохода через Проливы торговых судов будет, конечно, в основном сохранено. Молотов согласился с тем, что Конвенция, заключенная в Монтрё, потеряла какой-либо смысл. Для СССР, как и других крупных черноморских государств, это вопрос получения реальных

гарантий своей безопасности. Понятно, что Советский Союз будет добиваться реальных гарантий безопасности.

Надо отметить, что основной целью Гитлера и Риббентропа в переговорах с Молотовым было привлечение СССР к разделу Британской империи. «После победы над Англией, – говорил фюрер Молотову, – Британская империя площадью в 40 миллионов квадратных километров может быть поделена как имущество банкрота. В этом имуществе содержится для России путь к незамерзающему и действительно открытому мировому океану… Борьба с Англией должна вестись до последней черты, и у меня нет сомнений в том, что поражение Британских островов приведет к распаду империи». Гитлер и Риббентроп предложили Молотову присоединиться к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии.

Как Молотов, так и Сталин считали возможность раздела Британской империи, в лучшем случае, делом отдаленного будущего, а своей целью в переговорах ставили гарантию безопасности СССР от Финляндии до Турции. Забавно, что переговоры Молотова и Риббентропа вечером 13 ноября 1940 г. проходили в бомбоубежище Имперского Министерства иностранных дел – в эту ночь Берлин бомбила английская авиация.

17 ноября Молотов телеграфировал Сталину: «Как выяснилось из бесед, немцы хотят прибрать к рукам Турцию под видом гарантий ее безопасности на манер Румынии, а нам хотят смазать губы обещанием пересмотра конвенции в Монтрё в нашу пользу, причем предлагают нам помочь им в этом деле».

25 ноября 1940 г. Молотов пригласил в Кремль посла Германии в СССР графа фон Шуленбурга. Молотов заявил, что советское правительство рассмотрело предложение, сделанное 13 ноября Риббентропом, и готово на определенных условиях положительно отнестись к заключению «пакта четырех» держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи. Условий было четыре. Из них для нас важно второе условие: «Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды».

Таким образом, Сталин впервые за многовековую историю русско-турецких отношений вывел оптимальный вариант соглашения с Турцией. При этом гарантировалась безопасность как южных рубежей СССР, так и

всей территории Турции. В случае принятия Турцией такого предложения вопрос о кресте на Святой Софии был бы навсегда похоронен.

Германия никак не ответила на предложение СССР.

17 января 1941 г. Молотов пригласил посла фон Шуленбурга и спросил, когда будет ответ германского правительства на заявление советского правительства от 25 ноября 1940 г. Аналогичный запрос в тот же день был сделан и в Берлине полпредом Деканозовым. 23 января фон Шуленбург сообщил Молотову: «Германское правительство находится в контакте с правительствами своих союзников, Италии и Японии, по этим вопросам и надеется, что после того, как будет изучена вся проблема, оно будет в состоянии возобновить политические обсуждения с советским правительством в ближайшее время».

Гитлер потерял интерес к переговорам. Он готовился к молниеносной войне с СССР.

22 июня 1941 г. Германия напала на СССР. За четыре дня до этого Турция по предложению Гитлера подписала с Германией «Пакт о ненападении». В связи с нападением Германии на СССР Турция объявила нейтралитет. В то же время по представлению турецкого правительства парламент разрешил призывать на действительную военную службу лиц старше 60 лет, офицеров запаса старше 65 лет, а также объявить мобилизацию в восточных вилайетах, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся перемещением 40-тысячной армии в округ Фракия. Эти акции сильно встревожили СССР.

Германская пропаганда утверждала, что СССР намеревается захватить Проливы. В свою очередь 27 июня 1941 г. в опровержении ТАСС решительно отмечались «провокаторски лживые заявления в декларации Гитлера по поводу мнимых претензий СССР на Босфор и Дарданеллы и о мнимых намерениях СССР оккупировать Болгарию».

10 августа 1941 г. СССР и Англия сделали совместное заявление о том, что будут уважать режим Проливов и территориальную целостность Турции. Там же Турции были даны заверения в оказании помощь, если она окажется жертвой агрессии. Чтобы ослабить действенность германской пропаганды, советское правительство подтвердило свою верность Конвенции Монтрё и заверило турецкое правительство, что не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов. Советская сторона подчеркнула, что понимает желание Турции остаться нейтральной, а потому окажет ей помощь и содействие в случае, если она окажется жертвой нападения какой-либо европейской державы.

Еще в мае 1941 г. англичане ввели войска в Ирак и Сирию. Теперь у

британских войск, дислоцированных от Египта до Бирмы, разрыв был лишь в Иране.

В августе 1941 г. советские и британские войска заняли Иран.

Появление Красной Армии в иранском Азербайджане вызвало серьезную озабоченность турецкого правительства. Турки начали замышлять захват северной части Ирана. Германский посол фон Папен доносил Риббентропу: «Хорошо осведомленное доверенное лицо сообщает: ввиду успехов немцев в России турецкие правительственные круги все больше начинают заниматься судьбой… азербайджанских турок».

Турки стянули к советской границе значительные силы – 16 пехотных и 8 кавалерийских дивизий. Москве пришлось сосредоточить в Закавказье 25 дивизий, которым была поставлена задача не допустить вторжения турецких или германо-турецких войск.

С 13 марта 1942 г. в Закавказье проводились штабные ученья, в которых Турция выступила в роли вероятного противника. Действия Красной Армии начинались с наступления на северо-восточную Турцию и заканчивались взятием Олту, Сарыкамыша, Тробзона и Эрзерума. В документе под названием «Соображения по планированию операции Закавказского фронта» предусматривалось на площади в 210 км в направлении Черного моря и 300 км в направлении Эрзерума по линии Тробзон, Байбурт, Эрзерум разгромить турецкую армию, что входило в главную стратегическую задачу Закавказского военного округа.

Подготовительный этап наступления включал уничтожение боевого охранения, разведку переднего края обороны и занятие исходного положения для наступления. Первый этап наступления включал окружение и разгром Карсской группировки противника с выходом войск фронта на рубеж Пазар – Артвин – Мерденик – Карс – Кагызман. Второй этап наступления предусматривал разгром олтинско-сарыкамышевской группировки противника с выходом на рубеж Егдем – Олту – Карс – Курт и захват подвижными отрядами узлов путей в районах Испир, Тортум, станции Чифтлик. На третьем этапе планировалось занятие Эрзерума. Хронологически на первый этап отводилось 10 дней, второй этап будет закончен на 16-й день, а третий этап – на 31-й день операции[48].

25 апреля для обсуждения положения в Закавказском военном округе Сталин принял генерала армии В.И. Тюленева. Беседа длилась с 19 ч. 50 мин. до 22 ч. 05 мин. Присутствовали также члены ГКО Л. Берия, Г. Маленков, А. Микоян, начальник Генштаба Б. Шапошников, его заместитель П. Бродин и другие. Было принято решение усилить

Закавказский военный округ оружием и военной техникой в соответствии с директивой Генштаба, подписанной 26 апреля. В ЗакВО были направлены: одна стрелковая и одна кавалерийская дивизии, один танковый корпус, шесть авиаполков, шесть артиллерийских полков, шесть бронепоездов, сто грузовых автомашин.

Дополнительные силы разместились вдоль турецкой границы, и 1 мая был образован Закавказский фронт. А 5 мая командирам 45-й и 46-й армий поступила директива быть готовыми к вступлению на турецкую территорию.

Летом 1942 г. на советско-турецкой и ирано-турецкой границах произошло несколько перестрелок между турецкими и советскими пограничниками, имелись жертвы. Однако до войны дело так и не дошло.

В 1941–1944 гг. Турция отправляла германии чрезвычайно важное стратегическое сырье – хром. Так, согласно торговому соглашению, только с 7 января по 31 марта 1943 г. Турция обязалась поставить немцам 41 тысячу тонн хромовой руды. Лишь 20 апреля 1944 г. под сильным давлением СССР, Англии и США Турция прекратила поставки хрома. Кроме того, турки поставляли немцам и румынам другие виды сырья, продовольствие, табак и другие продукты. Самой же большой услугой турок Гитлеру был практически свободный проход кораблей стран оси через Проливы. Понятно, речь не идет о линкорах или даже эсминцах. Корабли этих классов не требовались немцам на Черном море. Зато немцы построили сотни небольших, до 500 тонн водоизмещением, быстроходных транспортов, которые при необходимости могли становиться сторожевыми кораблями, кораблями ПЛО, ПВО, использоваться в качестве минных заградителей и т. п. Типичный образец германского быстроходного транспорта – типа F (MF P) водоизмещением около 300 тонн, вооруженные пушками калибра 7,5, 37 и 20 мм в различных вариантах. В варианте минзага эти суда несли 52 мины. Такие транспорты строились по всей оккупированной Европе – в Германии, в Бельгии, Польше и даже в Николаеве. Зачастую транспорты, построенные в Варне, воевали на Средиземном море, а в построенные в Генуе – в Черном море.

Помимо этих транспортов сотни, если не тысячи обычных транспортов и танкеров оси ежегодно проходили через Проливы. На время нахождения в проливной зоне часть артиллерии на них пряталась в трюмы или маскировалась.

Через Дунай, порты Румынии – Проливы, а далее на занятую немцами территорию Греции, на Балканы и далее в Италию и Францию шла одна из важнейших коммуникаций Третьего рейха.

Самое любопытное, что наши военные историки до сих пор не удосужились определить хотя бы приблизительно объем грузовых перевозок по этому маршруту и по внутричерноморскому маршруту Констанца – Одесса – Севастополь – Анапа. Причина очевидна: если опубликовать эти совсекретные данные, то получится, что Черноморский флот, превосходивший во много раз морские силы немцев, турок, румын и болгар, действовал, мягко выражаясь, весьма неэффективно.

Соответствовал ли проход германских кораблей через Проливы конвенции Монтрё? Очевидные грубейшие нарушения отсутствовали, но, тем не менее, придраться было к чему. В 1941, 1942 и 1943 годах советское посольство в Анкаре неоднократно обращало внимание МИДа Турции на нарушение конвенции Монтрё, на недопустимость прохода через Проливы немецких и других кораблей под флагами торгового флота, но, по имевшимся у посольства данным, «с целями военного характера».

В памятной записке советского посла Виноградова, врученной министру иностранных дел Сарджоглу 17 июня 1944 г., говорилось о ряде случаев прохода через Проливы немецких военных и военно-вспомогательных судов под видом торговых. В записке отмечалось, что только для прохода Проливов «с них временно и частично было снято вооружение».

Одно из принятых Рузвельтом и Черчиллем на конференции в Квебеке в 1943 г. решений было направлено на запрет прохода через Проливы германских кораблей, имевших военное значение. Союзники отмечали частый проход кораблей из Черного моря в Средиземное. Англичане утверждали, что эти корабли были замаскированными военными и наносили ущерб операциям ВМС Англии в Средиземноморье.

Прозрели турки только в июне 1944 г., когда после прохода группы германских кораблей союзники пригрозили Анкаре, и только тогда у другого отряда германских судов турецкие службы, осматривавшие корабли, обнаружили оружие, радарные установки и военную униформу. Сами моряки в Проливах надевали гражданскую одежду. Посему германские корабли впервые не были пропущены в Босфор и вернулись в Черное море.

По сему поводу британский посол в Москве 25 июня 1944 г. писал Молотову: «В течение нескольких последних дней положение существенно изменилось, так как вопрос о проходе германских судов через Проливы официально и публично урегулирован, к удовлетворению союзников. Министр иностранных дел вышел в отставку, а председатель совета министров дал заверения в отношении стремления Турции к искреннему

сотрудничеству»[49].

Замечу, что покровительствовавшая военным перевозкам немцев и итальянцев в Проливах Турция решительно воспрепятствовала западным союзникам перевозить оружие, стратегические материалы и даже продовольствие в СССР. И им приходилось делать это сложным и опасным путем через Мурманск, Иран и Дальний Восток.

Сложилась странная ситуация: в 1941–1944 гг. британский флот безраздельно господствовал в центральной части Средиземного моря, а советский – в Черном море. Почему бы торговым кораблям союзников под конвоем британских кораблей и самолетов не доходить до Дарданелл, форсировать проливную зону, а у кромки турецких тервод у Босфора их встречали бы корабли и самолеты Черноморского флота? Да, потери теоретически могли бы быть, но куда меньшие, чем у северных конвоев, вспомним трагическую судьбу конвоя PQ-17 в 1942 г.

Единственным препятствием к проходу торговых судов западных союзников в Черное море служила прогерманская позиция турецкого правительства.

Правда, был случай, когда четыре советских невооруженных суда – ледокол «Микоян», танкеры «Сахалин», «Туапсе» и «Варлаам Аванесов» – прошли из Черного моря в Эгейское. 30 ноября 1941 г. наши суда в сопровождении лидера «Ташкент», эсминцев «Способный» и «Сообразительный» подошли к Босфору. Здесь боевые корабли пожелали танкерам и ледоколу «счастливого плавания» и повернули назад. В Константинополе танкеры передали нефть туркам. Видимо, это было платой за проход через Проливы. Всем четырем кораблям удалось благополучно выйти в Эгейское море. Однако танкер «Варлаам Аванесов» был потоплен 19 декабря 1941 г. германской подводной лодкой U652 у мыса Баба примерно в 70 км от Дарданелл.

Несколько иностранных судов 22 июня 1941 г. были застигнуты войной в портах Черного моря. Согласно сложившейся международной практики, СССР мог реквизировать их и использовать в военных целях. Так поступали Англия в 1914 г. и 1939 г. и Россия в 1914 г. (на Балтике и Черном море). Однако московские адмиралы решили иначе – слишком много транспортов оказалось на Черном море, и их тоже отправили в Средиземное море. Танкер «Ойлшипнер» прошел Босфор под панамским флагом, но за Дарданеллами был поврежден вражеским самолетом, и ему пришлось интернироваться в Турции. Малому же греческому пароходу «Агхиос Георгиос» удалось дойти до Кипра.

Увы, этот эпизод не может служить примером доброжелательного или

хотя бы нейтрального отношения Турции к СССР. Дело в том, что вывод самых крупных транспортных судов с Черного моря был крайне выгоден… кригсмарине.

Нет, я, к сожалению, не шучу. С 23 марта 1942 г. и до падения Севастополя немцы утопили шесть наших транспортов («Чапаев», «Сванетия», «Громов», «Абхазия», «Грузия», «Белосток») общим водоизмещением 21 773 тонн. И это наши историки-лампасники считают катастрофой и поводом для прекращения походов транспортов в Севастополь[50]. А вот увод московскими адмиралами с Черноморского театра военных действий шести транспортных судов общим водоизмещением 42 574 тонны, то есть в два раза большего тоннажа, наши историки даже не заметили. Так, божья роса…

Несколько слов стоит сказать и об атаках советскими подводными лодками турецких судов. С июля 1941 г. Турция оказалась единственным нейтральным причерноморским государством. Румыния официально находилась в состоянии войны с СССР, Болгария формально не объявляла войны Советскому Союзу, но фактически вела боевые действия против Черноморского флота. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту фашистских государство, а на следующий день в страну вошли части вермахта. Наконец, 13 декабря того же года Болгария объявила войну США и Великобритании.

Надо ли говорить, что любое турецкое судно, идущее не строго на восток вдоль анатолийского побережья Турции, везло груз в страны, фактически находившиеся в состоянии войны с Советской Россией. Замечу, что в конце 1941 г. и британские, и американские подводные лодки беспощадно топили все суда (невзирая на флаг), направлявшиеся в порты Германии, Японии и их союзников.

Советские подводные лодки в 1941–1944 гг. имели районы патрулирования исключительно к западу и северу от Босфора и почти никогда не вели поиска судов у анатолийского побережья. Часто подводные лодки получали категорические приказы начальства избегать атак турецких судов. Тем не менее, было несколько эпизодов потопления турецких шхун и пароходов. Так, в 1941 г. подводная лодка потопила шхуну «Кайнакдере» и транспорт «Ениджe». Еще одна шхуна была потоплена утром 1 января 1942 г.

20 июня 1942 г. подводная лодка Щ-205, преследуя турецкий транспорт «Дуатепе», вошла в турецкие территориальные воды в районе города Игнеада, в 12 км от болгарской границы, и артиллерийским огнем потопила «Дуатепе» и шхуну «Кайнарджи». Через три дня подводная лодка

Щ-205 потопила торпедой закамуфлированный транспорт «Шафак». Замечу, все три турецких судна, потопленные Щ205, были зафрахтованы немцами и перевозили германские грузы, в том числе хромовую руду.

В том же 1942 году подводная лодка Щ-213 потопила небольшой турецкий пароход «Чанкая». Позже черноморские подводные лодки потопили турецкие суда «Кочибоглу», «Хюдай-Бахри», «Гурпинар» и «Дервиш».

Довольно странный эпизод произошел 5 августа 1944 г., когда подводная лодка Щ-215 артиллерийским огнем потопила турецкую шхуну «Мефкуре» (вместимостью 53 брт). На шхуне находилось два члена экипажа и 301 еврейский беженец. Лодка выпустила девяносто 45-мм снарядов, сто 12,7-мм пуль из ДШК и 650 патронов калибра 7,62 мм[51]. Можно понять применение артиллерийских снарядов для потопления шхуны, но зачем из пулеметов расстреливать беженцев? Увы, это еще одна тайна Великой Отечественной войны.

Как видим, все потопленные нашими подводными лодками турецкие суда имели небольшое водоизмещение. Что же касается больших судов, то командиры лодок обычно опознавали их как турецкие и отказывались от атаки. Несколько раз наши подводные лодки обнаруживали турецкие торговые суда в охранении турецких военных кораблей. Был, по крайней мере, один случай (неудачный) атаки «щукой» турецкого конвоя.

Сколько военных и других грузов перевезли в 1941–1944 гг. турецкие суда для немцев и их союзников – до сих пор тайна за семью печатями. Хотя автор уверен, что эти материалы в архивах РФ есть, но хранятся под грифом «секретно» или «совершенно секретно».

29 ноября 1943 г. в ходе Тегеранской конференции премьер-министр Великобритании Черчилль по своей инициативе коснулся вопроса о Проливах. Премьер заявил о желательности вступления Турции в войну на стороне союзных государств. Черчилль говорил: «От имени британского правительства я могу сказать, что оно готово предупредить Турцию о том, что если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные политические последствия для Турции и отразится на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл».

Сталин ответил, что советская сторона не считает «главными вопросами ни вопрос о вступлении Турции в войну, ни помощь партизанам, ни даже занятие Рима. Основным и решающим вопросом мы считаем операцию «Оверлорд»[31].

И я хотел бы, чтобы наше внимание не отвлекалось от этого главного

вопроса второстепенными вопросами».

30 ноября Черчилль опять по своей инициативе затронул вопрос о Проливах. Он сказал: «России необходимо иметь выход к незамерзающим портам». Сталин согласился с этим, но сказал, что «этот вопрос можно будет обсудить позже». Черчилль продолжал: «Раньше англичане возражали против того, чтобы русские имели выход к теплым морям, но сейчас англичане не имеют против этого никаких возражений». Сталин ответил: «Если теперь не имеется возражений, то тогда надо пересмотреть вопрос и о режиме турецких Проливов. Такая большая страна, как Россия, оказалась запертой в Черном море и не имеет из него выхода. Режим проливов сначала регулировался Севрским договором, затем Лозаннским договором, наконец, конвенцией, заключенной в Монтрё. Все это время англичане хотели задушить Россию, но если теперь англичане не хотят больше душить Россию, то необходимо, чтобы они облегчили режим Проливов».

Черчилль ответил, что он с этим согласен, но сейчас желательно, чтобы Турция вступила в войну, поэтому он в настоящее время не хотел бы поднимать этот вопрос. Сталин с этим согласился и добавил, что «еще будет время обсудить вопрос и о портах, и о проливах».

Из приведенных цитат может сложиться впечатление, что Сталин был не очень заинтересован в решении вопроса о Проливах. На самом деле Сталин всегда придавал этой проблеме первостепенное значение. Однако не следует забывать, что в ноябре 1943 г. немцы были под Киевом и Ленинградом, и им принадлежал Крым. А Англия и США к этому времени имели реальную возможность высадить десант в Дарданеллах.

Как уже говорилось, «казусов белли» (поводов к войне с турками) у СССР было более чем достаточно. Сейчас можно только гадать, почему в 1944 г. Сталин не провел операцию по захвату Проливов. СССР обладал лучшей в мире разведкой, которая всегда могла дать абсолютно законный повод к войне. Да и зачем искать повод. Заявило же советское правительство 5 сентября 1944 г., что «теперь не только Болгария будет вести войну против СССР, но и СССР будет воевать с Болгарией». Болгарская армия даже не сопротивлялась советским войскам. В Болгарию в сентябре 1944 г. было введено свыше 300 тысяч солдат, свыше 4 тысяч орудий, около 400 танков и около 1200 самолетов. Наши войска были хорошо вооружены и буквально рвались в бой. Это показала последующая (28 сентября – 28 октября) Белградская наступательная операция. А ведь все эти силы могли быть повернуты на юг. Туркам нечем было бороться с нашими танками Т-34, КВ и ИС. Господство в воздухе также было на

нашей стороне.

Не следует забывать и о Черноморском флоте, который к началу 1944 г. имел в своем составе линкор «Севастополь» (двенадцать 305/52-мм орудий), 4 крейсера (из них три со 180-мм орудиями), 6 эскадренных миноносцев, 13 сторожевых кораблей, 29 подводных лодок, 47 торпедных катеров, 27 тральщиков, 44 канонерские лодки и 467 боевых самолетов.

Сопротивление турецких войск вряд ли отличалось бы от сопротивления румын и болгар в августе-сентябре 1944 г. Захват Проливов с болгарского плацдарма занял бы не более недели. Немцы физически не смогли бы помочь туркам. Находившаяся в Югославии немецкая армейская группа «Сербия» была слишком слаба и блокирована югославскими партизанами. Союзники тоже не смогли бы ни за неделю, ни за две даже начать десантную операцию в Дарданеллах, чтобы «помочь русским».

Естественно, США и Англия были бы крайне недовольны взятием Проливов под контроль СССР. Но тогда у них не было иного выхода. Они физически не могли пойти на разрыв с СССР.

Увы, идеальный момент был упущен. А дальше было поздно. 23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии и Японии. Теперь она автоматически становилась союзницей СССР и формально даже могла претендовать на имущество и территории побежденных. Вот теперь бы Сталину кусать локти да помалкивать. Но именно тогда советское правительство начинает предъявлять претензии к Турции.

19 марта 1945 г. СССР денонсирует советско-турецкий договор 1925 года о дружбе и нейтралитете. Молотов заявил турецкому послу в Москве С. Сарперу, что вследствие глубоких изменений, происшедших особенно в течение Второй мировой войны, этот договор не соответствует больше новой обстановке и нуждается в серьезном улучшении.

К этому времени советское руководство определило свою позицию по вопросу Проливов. Она сводилась к следующему:

1. Конвенция, подписанная в Монтрё, как не отвечающая современным условиям, должна быть отменена.

2. Установление режима Проливов должно находиться в компетенции Советского Союза и Турции.

3. Новый режим Черноморских Проливов должен предусматривать создание, наряду с турецкими военными базами, советских военных баз в Проливах в интересах безопасности СССР и Турции и поддержания мира в районе Черного моря[52].

В разговоре с послом Молотов поднял вопрос и о территориях, отошедших к Турции в 1921 г. (Карс, Ардаган и др.). Сарпер настойчиво

просил снять вопрос о территориях. На это Молотов заявил, что в подобном случае отпадает возможность заключения союзного договора и может идти речь только о заключении советско-турецкого договора о Проливах, причем безопасность таковых не должна зависеть в будущем просто от воли Турции и ее реальных возможностей, а нужна реальная гарантия безопасности СССР в виде баз в Проливах.

Посол отклонил это требование и заявил, что Турция готова рассмотреть вопрос о Проливах, если будут исключены территориальные уступки со стороны Турции в пользу СССР и снят вопрос о базах в Проливах в мирное время. Трудно объяснить, почему ни Сталин, ни Молотов не понимали, что теперь западные союзники никогда не отдадут России Проливы. И теперь чтобы их получить, нужно не заменить Белградскую операцию на Стамбульскую, а начинать Третью мировую войну.

Британское правительство проявило инициативу в постановке вопроса о Проливах на Потсдамской конференции. Этот вопрос обсуждался на шестом заседании глав правительств в Потсдаме 22 июля 1945 г. Первым выступил Черчилль, который заявил, что он «неоднократно выражал готовность разработать соглашение, согласно которому советский флаг – военно-морской и торговый – мог свободно плавать из Черного моря в Средиземное и обратно. Поэтому мы открываем обсуждение этого вопроса на основе дружественного согласия».

По предложению Сталина нашу позицию изложил Молотов. Он рассказал о переговорах с послом Турции Сарпером в Москве, о чем уже Сталин говорил Черчиллю 18 июля, и передал в письменном виде следующие предложения по Проливам, которые, как сказал Молотов, были устно изложены послу Сарперу.

«Предложения делегации СССР о Черноморских проливах.

Конференция признала необходимым в отношении режима в Черноморских проливах:

1. Международная конвенция о режиме проливов, подписанная в Монтрё, как не отвечающая современным условиям, должна быть отменена в соответствующем нормальном порядке.

2. Установление режима проливов, единственного морского пути из Черного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза – как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в Черноморских проливах.

3. Новый режим проливов должен предусматривать в числе других

мероприятий также следующее:

Турция и Советский союз в интересах своей безопасности и поддержания мира в районе Черного моря обеспечивают совместными средствами в проливах недопущение использования этих проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях (наряду с турецкими военным базами – советские военные базы в проливах)».

Ознакомившись с этим проектом, Черчилль заявил, что в этой связи «возникают совсем другие вопросы. Речь идет о русской базе в Проливах, а также о том, что никто не может иметь отношение к вопросу о Дарданеллах и Босфоре и проходе через них, кроме Турции и Советского Союза. Я уверен, что Турция никогда не согласиться на это».

Это был категорический отказ. Англия и США больше не нуждались в помощи Советской армии в борьбе с Германией, и начали сомневаться, нужна ли им помощь в борьбе с Японией. Не следует забывать, что за 6 дней до этого разговора рано утром 16 июля 1945 г. американцы осуществили первый испытательный ядерный взрыв. Кстати, о взрыве почти немедленно доложили Сталину.

Англичане и американцы не только отвергли предложение СССР, но и выдвинули свои предложения по изменению Конвенции Монтрё. Они предложили ввести принцип неограниченного прохода военного и торгового флота через Проливы как в мирное, так и в военное время для всех государств.

Ясно, что внесенное США предложение по Проливам, поддержанное Англией, не только не укрепляло безопасность СССР на Черном море, но напротив, ее ослабляло. Черчилль и Трумэн хотели также лишить СССР и другие причерноморские государства даже тех небольших преимуществ, которые они имели по Конвенции Монтрё.

На заседании 23 июля Сталин не стал комментировать это предложение США. Он это сделал на следующий день, 24 июля. Сталин заявил, что записка Трумэна не затрагивает вопроса о Турции и Проливах. Трумэн говорит только о свободной навигации. Отметив, что в отношении Проливов не удастся достичь соглашения, поскольку взгляды сильно расходятся, Сталин предложил отложить этот вопрос и заняться другими проблемами.

С 20 декабря 1945 г. и до конца 1946 г. в советской прессе и, особенно, в изданиях Грузии и Армении, велась кампания за возвращение СССР Карса и Ардагана.

Чтобы запугать СССР, США устраивают провокацию. 5 апреля 1946 г.

в Стамбул прибывает американский линкор «Миссури» (9 – 406-мм орудий) в сопровождении эскорта эсминцев. Линкор привез тело покойного турецкого посла в США Мехмеда Мюнира Эртегюна. Естественно, что смерть посла была только поводом для нарушения Конвенции Мортё. Останься в живых посол, американцы бы привезли его сдохшую собачонку.

12 июля 1947 г. США предоставило Турции кредит в размере 100 млн. долларов для закупок вооружения. Забегая вперед, скажу, что с 1947 по 1954 год США оказали Турции военную помощь на 704,3 млн. долларов, а с апреля 1948 г. по 1954 г. – техническую и экономическую помощь в размере 262 млн. долларов.

Спор об изменениях Конвенции Монтрё затянулся, и к началу 1947 г. совсем затих. Конвенция Монтрё сохранилась неизменной. Она регулирует режим Проливов до сих пор.

3 декабря 1951 г. в Турции была введена смертная казнь за принадлежность к коммунистической партии Турции. А 18 февраля 1952 г. Турция вступает в НАТО.

После смерти Сталина в марте 1953 г. Молотов вновь стал министром иностранных дел[53].

30 мая 1953 г. Молотов сделал заявление турецкому послу Файку Хозару, в котором говорилось: «Как известно, в связи с истечением срока советско-турецкого договора от 1921 г., вопрос об урегулировании советско-турецких отношений затрагивался в официальных беседах представителей обоих государств несколько лет тому назад. В этих беседах фигурировали некоторые территориальные претензии Армянской ССР и Грузинской ССР к Турции, а также соображения Советского правительства относительно устранения возможной угрозы безопасности СССР со стороны Черноморских проливов. Правительственными и общественными кругами Турции это было воспринято болезненно, что не могло, в известной мере, не отразиться на советско-турецких отношениях.

Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о Проливах, то Советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции».

18 июля 1953 г. посол Файк Хозар сделал ответное заявление Молотову, где говорилось об удовлетворении турецкого правительства и заботе его о сохранении добрососедских отношений и об укреплении мира

и безопасности.

Чтобы и далее укреплять «мир и безопасность», Турция разрешает в 1959 г. разместить на своей территории 865-ю эскадрилью стратегических ракет армии США. На ее вооружении состояло тридцать 50-тонных ракет «Юпитер» с дальностью 3180 км. Ракеты несли моноблочные боеголовки мощностью 1 мегатонна.

Говорят, что Хрущев пришел в бешенство, когда кто-то сказал, что сейчас, мол, в Турции нацеливают «Юпитер» на его дачу.

Установка американских ракет в Турции была одной из причин посылки советских аналогов двадцати четырех пусковых установок Р-12 и шестнадцати пусковых Р-14 на Кубу.

В 1990-х годах ряд «демократических» авторов сокрушался о том, что де Хрущев устроил авантюру, послав ракеты на Кубу. Что, у нас не было иной возможности предотвратить вторжение американцев на Кубу, как начать тотальную войну? Такая возможность была. В ответ на вторжение на Кубу советские войска могли бы начать операцию в Проливах. И тут-то американцы мало чем могли бы помочь Турции, разве что развязать мировую войну. А размен Кубы на Проливы был, явно, в нашу пользу.

Вообще говоря, размен все-таки состоялся, хотя и на куда более мелком уровне. СССР убрал свои Р-12 и Р-14 с Кубы, а США – свои «Юпитеры» из Турции и Италии, а «Торы» – из Англии. Кроме того, американцы обещали не нападать на Кубу.

Джамиль Гасанлы писал, что 28 октября 1962 г. Хрущев направил президенту США Кеннеди конфедициальное послание, в котором высказал согласие на «обмен ракетами».

«Немедленно после послания Н. Хрущева советский посол в Анкаре Н. Рыжов намекнул турецким властям: если советское предложение не будет принято, то по Турции может быть нанесен удар. Уже турецкие войска были приведены в боевую готовность, правительство начало разрабатывать планы эвакуации населения из Анкары, Стамбула, Измира и других крупных городов»[54].

В 1970-х годах до 62 % советского экспорта шло через Черноморские проливы. Мало того, а 1967 г. на Средиземном море была создана советская 5-я оперативная эскадра. В 1970–1980-х годах ее состав доходил до 50 боевых надводных кораблей и не менее 10 подводных лодок. Большинство кораблей эскадры принадлежали Черноморскому флоту, большая часть эскадры шла через Проливы.

Анкара неоднократно пыталась шантажировать СССР проектами изменений конвенции Мортрё. Так, в конце 1970-х годов Турция заявила,

что рассматривает вопрос о закрытии для военных кораблей Советского Союза проход через Босфор в Средиземноморье. На это заявление товарищ Андрей Андреевич Громыко (Министр иностранных дел СССР с 1957 по 1985 год) сказал на коктейле в Белом Доме американским журналистам, что для прохода в Средиземноморье Черноморскому Флоту СССР потребуется всего лишь пару залпов ракет. В результате этого появится, кроме Босфора, еще два прохода в Средиземноморье, но, увы, не будет Стамбула. После этих слов Турция больше никогда не поднимала вопрос о закрытии Босфора для военных кораблей СССР.

Замечу, что Громыко не преувеличивал возможности советского Черноморского флота. Нескольких ядерных ударов кораблей или авиации Черноморского флота (которая располагала 5-ю полками дальних ракетоносцев) вполне хватило бы для превращения Проливной зоны в безжизненную пустыню. Мало того, даже удар корабельной крылатой ракетой П-35 или П-5 с обычной фугасно-кумулятивной боевой частью по большому танкеру в центре Стамбула привел бы огромный город к экологической катастрофе.

Напомню, что в 1980-х годах у берегов Турции постоянно дежурила как минимум одна подлодка с ракетой П-5, способной поразить любую току на турецкой территории.

Однако распад СССР в конце 1991 г. и приход к власти в России проамериканского правительства Ельцина привел к резкому возрастанию напряженности во многих регионах мира, и в том числе на Балканах, Кавказе и в Средней Азии.

Турецкие правители сразу возомнили себя прежними султанами – повелителями вселенной. Турция начала активно вмешиваться в дела народов Кавказа и Средней Азии. Экспансия идет по всем фронтам – от религии до поставок оружия. В Турции торжественно открывают памятник татарским ханам Гиреям. Полбеды, если бы это делали частные лица, но когда сам премьер-министр принимает участие в подобных шоу… Зададим риторический вопрос: с какой целью турецкие власти финансируют татарские националистические организации в Крыму?

Не обошли вниманием новые султаны и проблему Проливов. В январе 1994 г. в одностороннем порядке турецкое правительство приняло новый Регламент судоходства в зоне Черноморских проливов, который вступил в силу с 1 июля 1994 г. Ряд статей этого Регламента предусматривает введение разрешительного порядка прохода для определенных категорий судов в зависимости от их длины, осадки, перевозимого груза и т. д.

Турки выдвигают различные требования к судам России. То они не

хотят пропускать большие танкеры через Проливы, то грозят захватить торговые суда, везущие зенитные ракеты для суверенной республики Кипр и т. д.

Большие танкеры де создают угрозу судоходства в Проливах. На самом деле Турция стремиться существенно ограничить проход российских танкеров в Средиземное море, сократить таким образом экспорт нефти и вынудить Россию и другие страны СНГ согласиться экспортировать нефть не морским путем, а по нефтепроводам, протянув их через территорию Турции.

А кто мешает судоходству в Проливах? Откроем морской справочник за 1966 год: «Большую опасность при движении судов в проливах создают мелкие турецкие коммерческие и рыболовные суда, которые пересекают проливы в разных направлениях зачастую без соблюдения правил предупреждения столкновения судов»[55].

В конце 1990-х годов российское правительство решило продать зенитно-ракетный комплекс С-300 суверенной республике Кипр, что в те годы было совершенно рутинным делом. И русские продавали С-300, и американцы поставляли свой аналогичный комплекс «Патриот» в десятки стран, включая средиземноморские. Но тут турецкое правительство заявило, что оно захватит силой суда, везущие С-300 на Кипр. И даже провело в Проливах незаконный обыск какого-то украинского судна. В результате правительство РФ пошло на попятную, и Кипр С-300 так и не получил.

К моменту развала СССР у стенки завода в Николаеве достраивался авианосец «Варяг», спущенный на воду еще 25 ноября 1988 г. На его достройку требовалась относительно небольшая сумма по сравнению с уже затраченной. Правительство России было готово достраивать авианосец для России. Причем рассчитаться можно было бы газом, за который Украина все равно не платит, а не твердой валютой. Но Ельцин уперся и приказал прекратить финансирование достройки «Варяга». В конце концов авианосец купили китайцы.

Ранним утром 14 июня 2000 г. голландский буксир с филиппинской командой вывел «Варяг» из Николаева. Однако турецкие власти запретили проводить «Варяг» через Проливы, и целых семнадцать месяцев недостроенный авианосец возили на буксире по Черному морю. Лишь на 506-й день после выхода из Николаева, 1 ноября 2001 г. после уплаты Китаем миллиардной страховки и выполнения других условий турецких властей «Варяг» был пропущен через Проливы. Риторический вопрос, посмели бы турецкие власти так нарушать конвенцию Монтрё до 1991 г.?

А вот пример посвежее. 10 и 11 апреля 2003 г. Проливы должны были пройти две группы кораблей Черноморского флота. Причем, турки были заранее оповещены об этом.

Первая группа шла в составе танкера «Бубнов», буксира «Шахтер» и большого десантного корабля (БДК) «Цезарь Куников» с усиленной ротой десанта на борту. Как и положено конвенцией, корабли по УКВ назвали свои бортовые номера и национальность, и вошли в Босфор.

Вторая группа кораблей в составе крейсера «Москва» и эсминцев «Пытливый» и «Сметливый» в это время выходила из Севастополя. Адмирал, командующий отрядом, получил с «Цезаря» первый доклад: «Вошли в проливы, замечаний нет». Минут через 20–25 «Цезарю» и «Шахтеру» турецкие власти передали по УКВ: «Остановитесь, Вашего бортового номера нет в заявке».

Наперерез «Цезарю» выскочил турецкий катер. На «Цезаре» орудия в полной боевой готовности. На палубе развернуты автоматчики – морпехи, как положено при проходе проливов для предотвращения террористических акций, экипаж по тревоге на боевых постах, орудия готовы к стрельбе. Вахтенный офицер БДК передал по-английски на катер: «Наши документы в порядке, не мешайте моим действиям».

Только при выходе из Босфора турки, видя, что отряд на запросы не отвечает, передали: «Все в порядке, заявку нашли, счастливого плавания».

На следующий день, когда вторая группа кораблей вошла в пролив, турки уже не задавали дурных вопросов – наши все равно бы не ответили. Но вскоре после выхода из Дарданелл ко второму отряду кораблей двинулся португальский эсминец «Васко де Гама». Он запросил у крейсера, идущего головным: «Что за груз у Вас на борту?» «Москва» ответила: «Какая погода в Португалии?». Эсминец отвернул и больше вопросов не задавал[56].

Как известно, в ходе бомбардировок российской авиацией позиций террористов турецкий истребитель американского производства F-16 ракетой с тепловой головкой самонаведения сбил 24 ноября российский бомбардировщик Су-24. По российской версии, наш самолет не нарушил воздушное пространство Турции, а по турецкой – аж 17 секунд (!) находился в нем. Предположим, Анкара права, но за 17 секунд даже патрулирующий в этом районе истребитель не успеет запустить ракету. Имела место явная провокация.

В связи с поставками в Сирию зенитных ракетных комплексов С-400 и экономическими санкциями против Турции Анкара вновь начала шантажировать России закрытием Проливов.

По мнению некоторых аналитиков, турецкие власти могли бы решиться на такой поступок в ситуации, когда других способов «принудить» Россию к прежней дружбе у них уже не останется. И вот тревожные вести с Босфора не заставили себя долго ждать. Ряд СМИ сообщил, что в Мраморном море неожиданно приступила к учениям береговая охрана Турции. В результате оказался затруднен проход в данной зоне целой группы кораблей и судов. Одна из подлодок, по всей видимости принимавшая участие в маневрах, прошла в опасной близости от большого морского сухогрузного транспорта «Яуза», входящего в состав ВМФ России. Несколько российских торговых судов длительное время не могли получить разрешение на проход пролива, ожидая своей очереди у входа в Босфор со стороны Черного моря.

Общеизвестно, что согласно условиям конвенции 1936 года в Монтрё Турция имеет право закрыть Проливы, лишь вступив в войну.

Понятно, что для войны с ИГИЛ закрытие Проливов – абсурд. А начало войны с великой ядерной державой чревато для Турции применением тактического ядерного оружия. Если же страны НАТО решат поддержать оружием своего партнера по военному блоку, то это приведет как минимум к локальной ядерной войне на театре военных действий (Западной и Центральное Европы без областей РФ), либо к тотальное термоядерной войне.

Однако у России есть возможность закрыть Черноморские проливы без начала боевых действий. Неужели господин Эрдоган и К^{o} не в курсе, что кроме противопехотных на вооружении РФ есть и морские мины.

Замечу, что с 1939 года морские мины не проиграли ни одной войны. И после окончания любой войны требовалось несколько лет для того, чтобы вытралить мины, а до этого район минных заграждений был недоступен для судоходства!

Сейчас постановка мин в Дарданеллах и Босфоре, а также прилегающих водах может производиться с самолетов и вертолетов, со скоростных катеров, различных гражданских судов, плавающих под любыми флагами, а также с подводных лодок. Причем подводным лодкам, в отличие от 1939–1945 гг., не нужно заходить в район постановок. Они могут выпустить торпеды – носители донных мин на расстоянии десятков миль от турецких территориальных вод.

Сейчас существуют донные мины, способные самозакапываться в грунт, то есть недоступные для траления даже водолазам и подводным аппаратам. Есть реактивные мины, которые ставят на большой глубине, а в момент прохождения вражеского корабля они стартуют со дна и поражают

судно. Есть мины-торпеды, которые можно поставить на большой глубине и на дистанции в несколько километров друг от друга. При прохождении корабля или подводной лодки противника мины выпускают самонаводящиеся торпеды.

Все эти, как и другие типы «интеллектуальных» мин могут вставать на боевой взвод спустя несколько часов или даже дней после постановки. Подобное делается для того, чтобы после объявления о постановке мин нейтральные суда могли спокойно покинуть заминированные воды.

Итак, нравится кому или нет, но ключи от Черноморских проливов находятся не только в Анкаре, но и в Москве.

Глава 12
От идеи османизма к Великому Турану

В 80-х годах XIX века султан Абдул Гамид II начал постепенно «закручивать гайки». Сторонники реформ вынуждены были или бездействовать, или эмигрировать за границу. Печать была почти уничтожена, поскольку цензура дошла до невероятных размеров. Газеты были обложены особым налогом, что сильно удорожало издание и сокращало круг читателей. За неугодные режиму статьи журналисты могли поплатиться свободой и даже жизнью.

Гражданское управление страны находилось в руках невежественных чиновников, характерной чертой которых были безграничный произвол и продажность. Торговля и промышленность пришли в упадок. Пути сообщения были крайне неудовлетворительны. Земледелие находилось в жалком виде.

В конце XIX века в Османской империи греческий капитал контролировал 50 % производства и торговли и 40 % внутренних финансов; армянский капитал контролировал 25 % производства и финансов, а также 60 % внутренней торговли. Евреи и европейцы контролировали 13 % производства, а турки – 12 %[57].

Финансовая система находилась в хаотическом состоянии: взимание налогов отдавалось на откуп, поэтому в казну поступала лишь половина того, что платило население. Поступавшие в казну деньги расходовались бесконтрольно, по усмотрению султана, большей частью на содержание двора и полиции. Самые же насущные потребности из-за недостатка денег в казне оставались неудовлетворенными. Дошло до того, что офицеры и чиновники по полгода не получали жалованья. Но и жалованье выплачивалось только в половинном размере, так как расчет производился на ассигнации вместо золота.

Взяточничество среди чиновничества расцвело буйным цветом. За взятку можно было обойти любой закон. Без уплаты определенного процента невозможно было получить никакой крупной казенной поставки. «На лапу» брали не только министры, но и сам Абдул Гамид II.

Все это привело к тому, что в 1882 г. Турция объявила себя банкротом и прекратила платить проценты по государственным займам. Тогда заинтересованные державы учредили над финансами Турции опеку – была

образована «комиссия кредиторов», которая получила право контроля и заведывания поступлением и расходованием казенных денежных средств.

Народное просвещение, на которое отпускалось менее одного процента всего бюджета, было настолько неудовлетворительно, что, несмотря на существование закона о всеобщем и обязательном обучении, турецкий народ оставался по-прежнему невежественным и некультурным. Естественно, что политика Абдул Гамида не могла не вызвать недовольство интеллектуальной части турецкого общества – передовых политиков, офицеров, чиновников, студентов и т. д.

В 1860-х годах в Турции возникло движение османизма или, как его называли, партия «новых османов». «Новые османы» декларировали равенство всех конфессий и этносов перед законом. При этом подразумевалось отуречивание всех народов империи с целью создания «единой османской нации».

Поначалу власти благосклонно относились к «новым османам», но в начале 1890-х годов лидеры движения «османистов» были сосланы, заточены в тюрьмы или уехали за рубеж. Главное же, их не поддерживала молодая интеллигенция.

В 1894 г. произошло объединение разрозненных групп недовольных режимом Абдул Гамида II. Различные подпольные организации вошли в единую партию под названием «Комитет единства и прогресса» (КЕП), членов которой позже назовут «младотурками».

Следует заметить, что движение младотурков было создано турецкими масонами или, как их тогда называли, домпле (дэнме).

Первые масоны появились в Османской империи в 1721 г. Однако первая «великая ложа» основана в 1856 г. в Македонии. В начале XX века в состав ложи входят талантливые молодые офицеры, большинство из которых получили высшее военное образование во Франции. Среди них были Мехмед Талаат-паша, Джавид-бей, Энвер-паша, Мустафа Кемаль (будущий Ататюрк) и многие другие. Кстати, Ататюрк оставался членом масонской ложи до самой смерти.

Члены турецких масонских лож находились под сильным влиянием французской вложи «Великий Восток».

Заседания турецких масонов высоких градусов часто происходили в парижском ресторане «Токатлиана», хозяин которого также был масоном. Причем, заседания лож происходили не в общем зале, а в особом помещении с потайным входом. Бывали там и русские масоны Маргулис, Урусов и другие. К 1900 г. в Турции действовало свыше 10 масонских лож.

К 1885 году лидеры движения «османистов» были сосланы, заточены в

тюрьмы или уехали за рубеж. Главное же, их не поддерживала молодая интеллигенция.

В 1894 г. произошло объединение разрозненных групп недовольных режимом Абдул Гамида II. Различные подпольные организации вошли в единую партию под названием «Комитет единства и прогресса» (КЕП), членов которой позже назовут «младотурками».

Принципиально важным было изменение доктрины оппозиции от «османизма» к «пантюркизму». Младотурки осознали, что фанатично настроенные националисты греческого, славянского и арабского происхождения, да еще при активной поддержке всей Европы, включая Россию, никогда не допустят создания единой многонациональной и многоконфессиональной Османской империи.

Взамен младотурки постепенно перешли к идеологии пантюркизма, в основе которой лежит утверждение, что все народы тюркского происхождения от Османской империи и до границ Монголии являются братьями и в конце концов должны объединиться в одно государство – «Великий Туран».

Следует заметить, что идеология пантюркизма зародилась не в Османской империи, а в… России. Идейными основоположниками пантюркизма можно считать российских подданных крымских татар Ахмеда Агаева, Юсуфа Акчуру, Али Гуссейн-заде, Исмаила Гаспринского (Исмаила Гаспралы) и др. Так, в 1879 г. Исмаил Гаспралы начал издавать в Бахчисарае газету «Терджюман», которая считается первым значимым печатным органом, посвященным защите национально-религиозных интересов российских мусульман. На Кавказе центром тюркского национального движения стал Баку, где аналогичную работу вели Мирза Фет-Али Ахундов, Ахмед-бек Агаев, Али Мардан-бек Топчибашев, Али Гуссейн-заде и др.

Стоит отметить, что турки, не крестьяне, разумеется, а высокообразованные чиновника, давным-давно забыли о своем тюркском происхождении. Венгерский ориенталист еврейского происхождения Арминиус Вамбери отмечал, что когда в 1856 гг. в своих «просветительских беседах» в Константинополе он роднил местных беев с киргизами, беи обижались. «Надеемся, вы нас не ставите в один ряд с киргизами и бездомными кочевниками Туркестана», – говорили Вамбери «цивилизованные» эфенди Константинополя[58].

В 1902 г. младотурки на Парижском съезде называли себя еще османами, а не турками. Русский дипломат А. Мандельштам писал: «Младотурецкий министр Талаат-бей еще в 1909 г. говорил мне, что только

недавно узнал о существовании турецких братьев в Средней Азии».

Еще раз повторю, что все лидеры младотурков – Энвер-бей, Талаат, Мустафа Кемаль (будущий Ататюрк), Махмад Шевкет, еврейский финансист из Солонии Джавид и юр. – были видные масоны, связанные с французской ложей «Великий Восток».

Центральный комитет КЕП обосновался в Париже. Самой важнейшей своей задачей руководство КЕП считало пропаганду в войсках и особенно среди молодых офицеров. Ставка делалась исключительно на военный переворот, благо, устроить пролетарскую или крестьянскую революции в Османской империи было ненаучной фантастикой.

Революции в России (1905–1907 гг.) и Персии (1905–1906 гг.) подтолкнули младотурков к решительным действиям. 9–12 июня 1908 г. в Ревеле произошла встреча царя Николая II и короля Эдуарда VII, которая была истолкована младотурками как иностранная угроза с целью навязать ряду турецких провинций автономию, следовательно, как угроза империи извне, которой уже угрожали изнутри. Это спровоцировало восстание в армии. Военный мятеж возглавили два молодых майора турецкой армии – Эвер-бей и Ниязи-бей.

Султан Абдул Гамид II отправил на подавление восстания верные части под командованием генерала Шемсипаши. Однако генерал был застрелен собственными офицерами, а каратели перешли на сторону восставших.

Тем временем албанцы, которых султан считал своими союзниками, выступили в поддержку второго армейского корпуса, расквартированного во Фракии. 9 (21) июля 1908 г. Абдул Гамиду от имени комитета была отправлена телеграмма с требованием восстановления конституционного правления. В случае невыполнения этого требования восставшие угрожали султану заменить его наследников и предпринять поход на Константинополь.

Абдул Гамид, следуя традиционной практике мусульман, обратился к суду шейх-уль-ислама за решением, является ли справедливой война восставших мусульманских солдат против власти падишаха. После детального изучения фактов великий муфтий вынес решение, что призывы войск провести реформы и устранить причины для недовольства не противоречат предписаниям священного закона.

В конце концов, Абдул Гамид обратился к астрологу, который сообщил, что расположение звезд благоприятствует введению конституции в Турции.

10 (22) июля 1908 г. султан сдался и согласился ввести конституцию

1876 года, им же отмененную. 4 (16) декабря 1908 г. в Константинополе открылось заседание турецкого парламента, в котором из 230 депутатов 150 являлись сторонниками младотурок.

Фактически с лета 1908 г. по апрель 1909 г. в Турции существовало два правительства – совет министров в Константинополе и революционный комитет в Салониках.

В апреле 1909 г. сын султана Бурхан Эддин и реакционное духовенство устроили в Константинополе военный путч. В одну из апрельских ночей все младотурки столичных полков были внезапно схвачены и частично перебиты. Под командованием простого фельдфебеля заговорщики двинулись к зданию парламента и вынудили у него свержение министерства, составленного из младотурок. Члены парламента, застигнутые врасплох, составили новое правительство из лиц, указанных им мятежниками.

Тем не менее, на следующий день похороны 83 офицеров и солдат, убитых заговорщиками, вылились в кровавое столкновение с войсками султана.

Как только известие о перевороте в Константинополе достигло Салоник, революционный комитет предпринял решительные и быстрые действия в защиту конституции. В качестве «армии освобождения» в Константинополь был направлен корпус третьей армии под командованием энергичного генерала Махмуда Шевкета-паши и старших офицеров Ниязи-паши и Энвера-паши, а начальником их штаба был молодой офицер по имени Мустафа Кемаль.

13 (25) апреля 1909 г. войска младотурок вошли в Константинополь. Через несколько дней Национальное собрание низложило Абдул Гамида II и провозгласило султаном его брата Мехмеда Решади под именем Мехмеда V. Старый султан с семью самыми любимыми женами был отправлен под домашний арест в Салоники на виллу Аллатини.

Мехмеду V было 65 лет. Более 30 лет он провел в гареме вдали от политических страстей. По свидетельству современников, это был безвольный старик, не обладавший никакими талантами и неспособный управлять государством.

Летом 1909 г. парламент принял ряд дополнений к конституции 1876 г. Султан лишался права назначать или увольнять министров, а при назначении чиновников на другие должности должен был руководствоваться специальными законами. Но в компетенции султана по-прежнему находилось назначение главного визиря и шейх-уль-ислама. А в обязанности великого визиря входило делать другие назначения в кабинет,

предоставляя султану список лишь для формального одобрения. Теперь депутаты сами, но с последующим одобрением султана, избирали председателя и вице-председателя палаты. Прежнее право султана заключать договоры теперь должно было обязательно одобряться парламентом. Право же султана отправлять в ссылку в качестве меры обеспечения государственной безопасности, использовавшееся Абдул Гамидом, чтобы оправдать высылку Мидхата-паши и огромное количество других лиц, изменилось так, что практически было аннулировано. В результате функции султана в управлении теперь сводились к полному согласованию любых действий с парламентом.

Как конституционный монарх султан продолжал царствовать, но больше уже не правил. Полномочия же самого правительства теперь определялись ответственностью министров перед палатой, которая в случае несогласия могла обязать кабинет подать в отставку. Так что последнее слово теперь зависело от доброй воли депутатов.

Ну а тем временем страны Западной Европы по-прежнему вынашивали планы захвата турецких территорий. Самое забавное, что царские дипломаты поощряли подобные поползновения, надеясь, что в награду оные державы поддержат претензии России на Проливы – как тут не вспомнить слова Павла Милюкова: «Глупость или измена?» 10 (23) октября 1909 г. в замке Раккониджи близ Турина состоялась встреча императора Николая II с итальянским королем Виктором-Эммануилом III. Монархи крепко выпили, а на следующий день отправились охотиться в окрестностях замка. Наиболее яркое впечатление на царя произвел королевский дворец, и он решил немедленно построить себе такой же в Ливадии. А тем временем их министры иностранных дел Томмазо Титтони и Александр Извольский составили секретное соглашение. Там было много пустой болтовни типа: «Россия и Италия должны в первую очередь стремиться к сохранению status quo на Балканском полуострове».

Суть же была в том, что Италия обязывалась «относиться благожелательно к русским интересам в вопросе о проливах». Со своей стороны, царская дипломатия обещала такую же «благожелательность» «к интересам Италии в Триполитании и Киренаике»[59].

Фактически это было разрешением Италии оккупировать Ливию, а что получала взамен Россия? Пустые обещания.

Еще раньше, в 1902 г., Италия и Франция подписали секретное соглашение, которое предоставляло свободу вмешательства Италии в Ливию.

«28 сентября итальянское правительство почти без предисловий

направило Порте ультиматум. То был один из поразительнейших по цинизму документов. Он начинался с заявления, что Турция держит Триполитанию и Киренаику в состоянии беспорядка и нищеты. Далее шли жалобы на противодействие турецких властей итальянскими предприятиям в Триполи. Вывод был ошеломляющий: “Итальянское правительство, вынужденное позаботиться об охране своего достоинства и своих интересов, решило приступить к военной оккупации Триполитании и Киренаику”. Однако последнего предела наглости итальянская дипломатия достигла в заключительных строках ультиматума: в них Турции предлагалось не более и не менее, как самой способствовать захвату своей территории, приняв меры к тому, что бы “предупредить всякое противодействие” итальянским войскам!»[60].

Турецкое правительство, желая любой ценой избежать войны, дало примирительный ответ, заявив о готовности обсудить претензии итальянцев и предоставить им экономические привилегии в пределах принадлежащего им суверенитета, который до этого времени итальянское правительство публично уважало.

29 сентября король Италии объявил Турции войну. Итальянский флот бомбардировал город Превеза на побережье Эпира, а также города Триполи и Хомс на побережье Триполитании. К этому времени в Ливии находилось только 5 тысяч турецких солдат. Турецкий же флот даже думать не мог о соперничестве с итальянским флотом. С 1879-го по 1910 год новые крупные корабли в состав турецкого флота не вводились.

Итальянский флот по своей огневой мощи на порядок превосходил турецкий. Его ядро составляли 8 новых броненосцев (линкоров) и 10 броненосных крейсеров. Четыре самых современных броненосца постройки 1904–1908 гг. типа «Регина Елена» имели стандартное водоизмещение 13 800 т, вооружение: 2 – 305/40-мм, 12 – 203/45-мм, 16 – 76-мм, и скорость 21,5 узла. Они были сведены в 1-ю дивизию линкоров и участвовали в бомбардировке Триполи.

3 октября 1911 г., после трехдневного обстрела итальянским флотом, в городах Триполи и Хомс, оставленных турецкими войсками, высадились 1600 человек итальянского десанта.

Турки не могли послать подкрепления в Ливию по суше. А Египет по наущению англичан заявил о своем нейтралитете и не разрешил пропустить турецкие войска через свою территорию.

29 сентября (12 октября) 1911 г. Посол России Чарыков вручил великому визирю Саид-паше проект русско-турецкого соглашения, в котором Россия выражало готовность отказаться от противодействия

железнодорожному строительству в северной Анатолии, приступить к переговорам об отмене режима капитуляций, принять меры к установлению «прочных добрососедских отношений между Оттоманской империей и балканскими государствами на основе status quo», обеспечить совместную оборону проливов Босфор и Дарданеллы «в случае если последние подвергались бы угрозе со стороны иностранных вооруженных сил» в обмен на свободный проход через Проливы русских военных судов.

Турки категорически отказались. Николаю II и его министрам ничего не оставалось, как дезавуировать свое поражение на дипломатическом фронте. Русский министр иностранных дел Сазонов заявил, что «демарш Чарыкова» – самодеятельность самого посла, а министр даже не знал об этом. В марте 1912 г. Чарыков был отозван со своего поста.

14 октября 1911 г. итальянские войска взяли Тобрук, 17 октября – Дерн. 19 октября в Бонгази высадился итальянский десант, который через два дня овладел городом.

5 ноября правительство Италии объявило об аннексии Триполи и Киренаики и объединении их в итальянскую колонию Ливия.

К концу 1911 г. итальянские войска контролировали все побережье Ливии, но в глубине страны действовали турецкие войска и отряды местного населения.

16 апреля 1912 г. итальянские броненосцы подошли к Дарданеллам и обстреляли входные маяки. Постояв еще три дня у входа в пролив, итальянская эскадра удалилась восвояси. Тем не менее, турецкое правительство, закрывшее 18 апреля 1912 г. движение торговых судов в Дарданеллах, возобновило его только 1 мая.

К маю 1912 г. численность итальянских войск в Ливии достигла 100 тысяч. Им противостояли 8 тысяч турок и 20 тысяч арабов-ополченцев. Итальянцы впервые в истории использовали самолеты в военных целях. К маю 1912 г. в Ливию было доставлено 35 аэропланов. 1 ноября 1911 г. 2-й лейтенант Джулио Кавотти сбросил 4 гранаты «Чипелли» весом по 4,4 фунта (1,8 кг) на турецкие позиции в оазисах Тагира и Аин Зара. А к концу войны итальянцы уже применяли 10-килограммовые бомбы, снаряженные готовыми поражающими элементами – шариками от картечи.

В мае 1912 г. итальянский флот высадил десант на Додеканесские острова в юго-восточной части Эгейского моря.

18 октября 1912 г. в Уши близ Лозанны турки подписали мирный договор, уступив Италии Триполитанию. Также Италия получила во «временное» владение Додеканесские острова. Они оставались в руках итальянцев до сентября 1943 г. Затем их сменили немцы, а после Второй

мировой войны острова были переданы Греции.

В ходе войны Италия потеряла 3704 человека убитыми и умершими от ран и болезней; турки потеряли 10 тысяч человек.

Ну а что получила Россия от этой войны, кроме скандала с послом Чарыковым? Итальянский флот получил базу у Дарданелл. А каждый месяц итало-турецкой, как и далее Балканской 1912–1913 гг., войн, согласно «Памятной записке вице-директора Канцелярии Российского министерства иностранных дел Н.А. Базили», причинял ущерб в 30 млн. золотых рублей за счет прекращения вывоза товаров и в первую очередь хлеба через Проливы. Вывоз хлеба в Западную Европу по железной дороге обходился в 25 раз дороже, чем морским путем. Вот во что обошлась царская охота у замка Роккониджи.

Замечу, что Австро-Венгрия весьма отрицательно относилась к агрессии Италии, и ситуация была на грани войны. Поэтому грозное «Цыц» из Петербурга, без всякого сомнения, поставило бы на место короля Виктора-Эммануила. А, с другой стороны, серьезно улучшило бы отношения с Турцией и Австрией.

Но для этого надо было думать. А на Певческом мосту, равно как и в Царском Селе, по-прежнему в головах была «легкость мыслей необыкновенная».

Воспользовавшись ослаблением Османской империи в ходе войны с Италией, в Македонии начались антитурецкие выступления, естественно, инспирируемые из-за рубежа. Осенью 1912 г. Греция, Сербия и Болгария требовали выполнения статьи 23 Берлинского трактата – радикальных реформ в Македонии, равносильных практически полному освобождению от турецкой власти. Турецкое правительство уклонялось и всячески тянуло время. В августе 1912 г. на коронном совете под председательством царя Фердинанда было принято решение: если Турция не согласится немедленно же приступить к реализации статьи 23, то начать против нее войну.

Утром 9 октября 1912 г. Черногория начала военные действия. 17 октября Сербия, Болгария и Греция объявили войну Турции и тоже приступили к военным действиям. Турецкая армия потерпела страшное поражение. Войска балканских союзников захватили большую часть Европейской Турции. Болгарская армия наступала на Константинополь.

Французский премьер Пуанкаре уговаривал Николая II и его министров не мешать наступлению болгар на Константинополь, указывая на непопулярность такой политики. Если уж вмешиваться, то позже, при мирном урегулировании «с целью пересмотра результатов войны»,

«повторив процедуру Берлинского конгресса». Резолюция царя была такова: «Вполне разделяю мнение Пуанкаре». Сазонов телеграфировал Извольскому: «Мы не желаем препятствовать союзникам временному занятию Константинополя», однако, русская эскадра подойдет к городу еще до прибытия болгар и останется в Проливах «столько же времени, сколько продлится оккупация турецкой столицы».

Корабли Англии и Франции подошли к Дарданеллам. Россия, в свою очередь, привела в готовность Черноморский флот. 8 ноября русскому послу в Турции было предоставлено право вызвать в Босфор любое количество военных кораблей Черноморского флота просто телеграммой на имя командующего, минуя военное министерство.

А тем временем болгарская армия продолжала наступать на Константинополь, и турецкое правительство было вынуждено запросить мира. 3 ноября 1912 г. Порта обратилась к державам, прося принять их на себя мирное посредничество. Но балканские союзники продолжали наступление. И лишь в последнюю минуту, совершенно неожиданно, вопрос о Проливах и Константинополе разрешился в пользу Турции: на ближних подступах к столице, на чаталджинских позициях, турецкие войска к 20 ноября остановили наступление болгарской армии. 3 декабря было подписано перемирие.

Интенсивные переговоры и дипломатические игры великих держав не привели к окончанию конфликта. 23 января 1912 г. во главе турецкого правительства стал Махмуд Шевлет-паша. 3 февраля балканские союзники возобновили военные действия.

13 марта 1913 г. пал Адрианополь (Эдирне). Вновь возникла угроза захвата Константинополя Болгарией. Посол России в Константинополе Гирс писал в Петербург министру иностранных дел Сазонову: «…лишь высадка внушительного отряда войск, способного занять Константинополь и воспротивиться входу в город болгар обеспечила бы возможность исполнить историческую нашу здесь задачу владения проливом». Сазонов сразу же адресовался к Григорьеву и Сухомлинову и просил военного министра о «незамедлительной подготовке отряда в 5000 человек и транспортных средств для его перевозки в Константинополь по вызову нашего посла».

Наконец 30 мая 1913 г. в Лондоне был подписан мирный договор. Согласно ему почти вся территории Европейской Турции переходила в распоряжение победителей. Константинополь и побережье проливов с небольшим анклавом по линии Энос – Мидия вместо линии Родосто – Мидия, которой добивались болгары, – вот все, что оставалось в Европе

Османской империи. Вопросы о границах и о внутреннем устройстве Албании, а также об Эгейских островах, так и остались открытыми – они передавались на последующее рассмотрение великих держав.

Увы, противники турок быстро поссорились. Утром 29 июня 1913 г. болгарские войска без объявления войны атаковали сербские части в Македонии, ну а вечером болгары начали наступление против греков на Салоники.

12 июля в войну с Болгарией вступила Турция, а через два дня – Румыния. 23 июля турки вернули себе Эдирне, румыны двинулись на Софию. 29 июля болгарское правительство, оказавшись в безвыходной ситуации, обратилось с просьбой о перемирии. 30 июля в Бухаресте открылась мирная конференция, на которой самая ожесточенная борьба развернулась между Болгарией и Грецией из-за порта Каваллы. Россия и Австрия тянули Болгарию каждая в свою сторону, поэтому поддерживали болгарские претензии на этот город. Германия же заняла более сдержанную позицию, так как покровительством Болгарии она боялась задеть Турцию и окончательно оттолкнуть Румынию. Спор о Кавалле Германия использовала как средство привлечь на свою сторону Грецию. Франция также поддерживала Грецию, не давая ей перейти в германский лагерь и учитывая ее стратегическое значение в Средиземном море как противовес Италии.

10 августа 1913 г. в Бухаресте между балканскими странами был подписан мир. Сербия получила не только «спорную», но и большую часть «бесспорной» болгарской зоны в Македонии. Греция кроме южной Македонии с Салониками получила часть Западной Фракии с Каваллой. Румыния приобрела Южную Добруджу. Таким образом, Болгария потеряла не только большую часть своих завоеваний, но и некоторые свои давние владения. Мирный договор между Турцией и Болгарией был подписан в Константинополе 29 сентября 1913 г. Адрианополь был возвращен Турции.

Главный вывод, который сделало руководство младотурок – надо срочно вооружаться и искать надежных союзников.

В 1905 г. началась революция на море – в Англии вступил в строй линкор «Дредноут» с десятью 305-мм пушками, расположенными в пяти башнях. Напомню, классические броненосцы имели две двухорудийные 305-мм башни. Таким образом, «Дредноут» был мощнее двух любых броненосцев мира. Мало того, «Дредноут» имел не поршневые паровые главные силовые установки, как у всех броненосцев того времени, а турбины. Имея скорость 21–22 узла, «Дредноут» мог нагнать любой броненосец противника.

Все державы мира срочно стали строить подобные корабли. Линкоры такого класса стали называть дредноутами. В 1911 г. Турция заказала в Англии фирме Виккерса дредноут «Решадие» с полным водоизмещением 25 250 тонн и скоростью хода 21 узел. Вооружение дредноута: 10 – 340/45-мм пушек в пяти башнях и 16 – 152/50-мм пушек в казематах. «Решадие» был заложен 1 августа 1911 г. В 1912 г. работы были приостановлены в связи с Балканскими войнами. В мае 1913 г. работы были возобновлены. К августу 1914 г. корабль проходил сдаточные испытания в Англии.

По типу «Решадие» 29 апреля 1914 г. Турция заказала фирме Виккерса дредноут «Фахт Султан Мехмед». Корабль был заложен 11 июня 1914 г., но в конце июля 1914 г. работы над ним прекратились.

С 1911 г. английская фирма Амстронга строила для Бразилии дредноут «Рио-де-Жанейро» водоизмещением 25 400 тонн и скоростью хода 22 узла, вооруженный 14 – 305/45-мм пушками в семи башнях и 16 – 152/50-мм пушками в казематах.

9 января 1914 г. Турция купила у Бразилии недостроенный дредноут, который получил название «Султан Осман и Эввел». К августу 1914 г. корабль проходил сдаточные испытания в Англии.

Турецкому министерству обороны удалось в 1910–1914 гг. перевести большую часть артиллерии со старых орудий нарезных с откатом вместе с лафетом и даже гладкоствольных на новые полевые пушки с откатом по оси ствола. Закупки производились у фирм Круппа и Шнейдера. Так, в 1910–1912 гг. Круппу было заказано двести 75-мм полевых орудий и 120 тысяч снарядов к ним, 180 гаубиц калибра 149 мм и 100 тысяч снарядов к ним, 90 горных орудий калибром 100 мм и 75 тысяч снарядов к ним. Шнейдеру было заказано 9 горных батарей (36 орудий) калибром в 75 мм.

В ноябре 1913 г. между Германией и Турцией было заключено соглашение о приглашении в Турцию германской военной миссии из 42 офицеров, возглавляемых генералом Лиманом фон Сандерсом. В задачу миссии входила реорганизация турецкой армии. Генерала фон Сандерсона султан назначил «по совместительству» командующим корпусом, дислоцированном в Константинополе. 14 декабря фон Сандерс прибыл к новому месту службы и приступил к своим обязанностям.

Прибытие Лимана фон Сандерса в Константинополь вызвало недовольство в Петербурге. Премьер Коковцев проездом из Парижа остановился в Берлине, где обсуждал с канцлером и лично с императором Вильгельмом II действия миссии фон Сандерса. Русский премьер требовал как минимум отзыва Лимана от поста командующего в Константинополе.

23 декабря 1913 г. (5 января 1914 г.) министр иностранных дел Сазонов представил Николаю II записку, в которой обсуждал вопрос, поставленный французским правительством: что делать, если на подготовлявшиеся выступление Антанты с требованием относительно миссии Лимана турки ответят отказом? Сазонов считал, что в этом случае надо быть готовым «к подкреплению своего требования соответствующими мерами принуждения».

В январе 1914 г. Лиман фон Сандерс срочно покинул Константинополь и убыл в Берлин. Газеты всего мира гадали о причинах этого. Но лишь только в 1922 г. стало известно, что жена и дочь генерала отправились на прогулку без охраны по азиатскому берегу Босфора, где были изнасилованы турецкими солдатами.

На мой взгляд, маловероятно, что турецкие военнослужащие сами решились на подобную акцию. Несанкционированное властями нападение на европейцев сурово каралось еще в XIX веке. Так что тут явно поработала или русская разведка, руководимая военно-морским агентом Щегловым, или сами турецкие власти, избегавшие обострения отношений с Россией и Францией и в тоже время желавшие «спасти лицо».

Глава 13
Как погибла Османская империя и как султаном стал «отец турок»

К середине 1917 г. формально численность турецкой армии составляла около 3 млн. солдат. Из них европейские границы империи защищали не более 70–90 тыс. человек. Боеспособными оставались к середине 1917 г. не более 600 тыс. человек на фронтах и 400 тысяч – в тылу. Наиболее боеспособные турецкие части по требованию Германии были переброшены в Европу, где несли огромные потери. Так, только в Галиции турки потеряли до 35 тыс. человек. В сентябре 1916 г. – марте 1917 г. турецкие войска сражались (а скорее числились) в составе трех пехотных дивизий в Добрудже и Валахии, дух дивизий в Галиции и двух – в Македонии[61].

Как видим, младотурки торговали османским пушечным мясом, но оснований ерничать по сему поводу у отечественных историков быть не может, ибо и Николай II поступал аналогичным образом. Так, в 1916 г. во Францию через Архангельск были направлены четыре бригады двухполкового состава общей численностью свыше 44 тыс. человек. Две бригады в 1916–1917 гг. сражались во Франции, а две – на Салоникском фронте.

Уже в 1916 г. в турецкую армию некого было призывать, разве что стариков 55–60 лет. Не хватало даже винтовок. Взамен нового вооружения кайзер прислал Энверпаше 120 тысяч трофейных трехлинейных русских винтовок обр. 1891 г. В османской армии процветала коррупция. Так, например, полученные от немцев винтовки, равно как и изготовленные в самой Турции, в значительной части перепродавались офицерами частным лицам. Винтовки отправлялись в деревни Центральной и Восточной Малой Азии, Курдистана, Палестины и Аравии.

Весной 1916 г. турецкое военное министерство начало набирать новобранцев из числа пленных, воевавших в составе войск Антанты – тунисцев, алжирцев, марокканцев. Эти части, до 12 тысяч человек, одетые в германскую форму, желали попасть на Салоникский фронт, на европейский театр военных действий, но Энвер-паша сразу же отправлял их в Йемен или Месопотамию, где они поступали на полицейскую службу в местах расселения депортированных из Восточной Анатолии армян и

греков.

Надо ли говорить, что в такой ситуации в империи у турецкого правительства появилось желание заключить сепаратный мир с Антантой. Так, в марте 1915 г. в Женеве и Лозанне состоялись переговоры министра финансов Турции Джавид-бека с председателем сената Франции и двумя сенаторами. «Встреча проходила в два тура, в марте и в мае 1915 г. На второй тур был приглашен также начальник отдела Военного министерства Османской империи Ферид-паша.

Итоги контактов, обставленных с подобающей сепаратным переговорам деликатной таинственностью, были для Стамбула откровенно разочаровывающими, Джавидбей надеялся и просил о встрече с ответственными сотрудниками МИД Франции, а на встречу пришли всего лишь люди, заявившие о себе как о противниках “шовинистического курса Делькассе” и представителях “благоразумных кругов Франции”»[62].

Франция попросила Джавид-бея «“немножко мира и чуть-чуть приоткрыть Проливы”, чтобы к середине апреля 1915 г. начать транзит русского хлеба из Одессы в Южную Францию.

Собеседники обращали внимание Джавид-бея между прочим и на тот факт, что Банковский дом Перье, которому французское правительство доверило операции с русским хлебом, имел немалые интересы в самой Турции, поддерживался правительством Франции и пользовался его полным доверием.

Джавид-бей попытался вернуть беседу в общее русло мира в Европе при посредничестве Стамбула, обсуждения вопроса о займе во Франции и главное – о признании Парижем отмены капитуляций. Тщетно. Его собеседники всего лишь пили чай и зондировали позицию Стамбула»[63].

Единственным результатом сих бесед стала обеспокоенность Кайзера, который немедленно предложил туркам дополнительные субсидии для продолжения войны.

Другим каналом для переговоров с противником стал Стокгольм. Там с мая 1915 г. начались встречи двух старых знакомых – российского морского агента в Швеции, бывшего агента в Константинополе А.И. Щеглова и посла в Швеции Джанбулат-бея, бывшего министром внутренних дел во время пребывания Щеглова в Константинополе в 1909–1914 гг.

Параллельно Джанбулат-бей в Стокгольме встречался с послом Японии Усидой. Напомню, что Япония с 1914 г. воевала на стороне Антанты. А контакты турецкого и японского послов организовал не кто иной, как министр иностранных дел Швеции Кнут Валленберг, член

знаменитого семейства банкиров и шпионов.

Увы, все закулисные переговоры турок так ничего и не дали, да и не могли дать. И дело не только в том, что 32 тысячи военнослужащих Германии и Австро-Венгрии занимали ключевые посты в администрации и вооруженных силах Османской империи. Ни Англия, ни Франция, ни Россия не хотели заключать сепаратный мир с Турцией, желая прихватить большие куски ее территории.

Ситуация кардинально изменилась после Великой Октябрьской Социалистической революции. Пришедшие в России к власти большевики решили заключить перемирие на море еще до подписания мира. С этой целью в Одессе начались переговоры с германским вице-адмиралом Гопманом и турецким контр-адмиралом Арифом-пашой. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. было заключено перемирие.

Черноморского театра касались следующие пункты:

1. Перемирие распространяется на все Черное море и на все находящиеся на нем морские и воздушные силы договаривающихся сторон.

2. Атаки с моря и воздуха на порты и побережье другой договаривающейся стороны запрещаются во всех морях.

3. Перелеты над портами и побережьями другой договаривающейся стороны, а также через демаркационные линии запрещены на всех морях.

4. Демаркационные линии на Черном море проходят: от маяка Олинька (Георгиевское гирло Дуная) до мыса Иероса (Трапезунд).

5. Торговля и торговое мореплавание на Черном море свободны. Установление всех положений по вопросу торговли, как и извещение торговых судов о безопасных морских путях, возлагается на черноморскую подкомиссию в Одессе.

6. Договаривающиеся стороны обязаны во время перемирия на Черном море не предпринимать никаких подготовлений к морским наступательным операциям.

Подписание соглашения буквально спасло Турцию. В Константинополе давно не было топлива, приостановилась доставка хлеба. Как писал Лорей: «…хлебный паек был сокращен наполовину (по 180 г в день на человека), в то время как большей части населения приходилось питаться только хлебом. Поэтому свобода торгового судоходства на Черном море, обеспечивавшаяся договором о перемирии, имела первостепенное значение».

3 марта 1918 г. был подписан «похабный» Брестский мир. Однако ни немцы, ни турки не прекратили боевых действий. 13 марта германские войска заняли Одессу. Перед этим все суда, вплоть до барж, покинули порт.

Эвакуацию прикрывали броненосцы «Ростислав» и «Синоп».

Подводные лодки UC-23 и UB-42 были посланы на позиции между Одессой и Севастополем с целью захвата русских танкеров, поскольку турецко-германскому командованию в Константинополе срочно потребовались танкеры. 17 марта германо-австрийские войска заняли Николаев. После небольших стычек германские войска прорвались через Перекопский перешеек и 25 апреля заняли Симферополь. Здесь под охраной германских войск образовалось новое крымское правительство.

30 апреля 1918 г. германские войска подошли к Севастополю через Перекоп. А еще через три дня «Гебен» и «Гамидие» вошли в Севастопольскую бухту. Часть кораблей Черноморского флота была уведена в Новороссийск и там затоплена по приказу Ленина.

28 ноября 1917 г. меньшевиками, эсерами, дашнаками и мусаватистами в Тифлисе создается Закавказский комиссариат. Фактически это было националистическое правительство Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии). Закавказский комиссариат приступил к разоружению пробольшевистски настроенных частей Кавказской армии.

18 декабря Закавказский комиссариат подписал соглашение с Турцией о прекращении военных действий.

Тем не менее, в январе 1918 г. турки начали наступление. Русские войска практически не оказывали им сопротивления, точнее, их там уже практически не было.

Единственной боеспособной частью Закавказского сейма стал Армянский корпус. Причем его ударной силой стал отряд Андранника Сасунского, сформированный в начале 1918 г. в Александрополе.

Во время трабзонских переговоров военные действия продолжались. Русских солдат к этому времени в Карской области практически не осталось, а фронт держали 20–30 тысяч армянских добровольцев под командованием генерала Назарбекяна.

Силы были неравны, и 30 января турки заняли Эрзинджан, 4 февраля – Байбурт, 8 февраля – Мемахатун, 29 февраля – Эрзерум, а в марте ими была занята вся турецкая территория, оккупированная русскими в Первую мировую войну.

И тут председатель Закавказского правительства А. Чхенкели отдал приказ генералу Назарбекову отступать.

15 апреля турецкие войска без боя заняли Батум, а 25 апреля – Карс. Армянские войска могли удерживать самую мощную на Ближнем Востоке крепость, как минимум, несколько месяцев. Но из-за преступного приказа Чхенкели они покинули Карс. Туркам досталось около 600 исправных

русских орудий, десятки тысяч винтовок, десятки автомобилей, склады, забитые боеприпасами и обмундированием. В Карсе турки устроили массовые грабежи среди мирного населения и резню армян.

Однако 24 мая 1918 г. у Сардарапата армянская армия наносит поражение туркам и спасает свою столицу Ереван. Решающую роль в разгроме турок сыграл генерал Андраник Сасунский.

Любопытно, что продвижению турецких войск на Кавказе препятствовала… Германия. В планы немцев не входило уступать бакинскую нефть и чиатурский марганец Турции.

Вспомним, что 29 апреля 1918 г. немцы заняли Севастополь. Русский Черноморский флот частично был затоплен у Новороссийска, а большей частью захвачен немцами в своей главной базе. Черное море с этого момента стало германско-турецким озером.

15 мая в порт Поти прибыли германские транспорты, с которых высадился десант. К началу лета отряд немцев был введен даже в Тифлис.

27 апреля 1918 г. Германия принудила Турцию заключить секретное соглашение в Константинополе о разделе сфер влияния. Турции отводилась юго-западная часть Грузии и почти вся Армения, а остальная часть Закавказья доставалась Германии.

Лоскутная Закавказская демократическая федеративная республика (ЗДФР) 8 июня 1918 г. официально прекратила свое существование. 8 июня образовалась Грузинская республика, 9 июня – Азербайджанская республики и 10 июня – Армянская республика.

4 июня 1918 г. в Батуме Турция подписала с Армянской и Грузинской республиками договоры «о мире и дружбе», по которым к Турции, кроме Карской, Ардаганской и Батумской областей отходили: от Грузии Ахалкалакский уезд и часть Ахалцихского уезда; от Армении Сурмалинский уезд и части Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского и Эриванского уездов. Турецкие войска получили право беспрепятственных железнодорожных перевозок.

28 мая правительство Грузии было признано Германией, и в Поти подписали шесть договоров, по которым Германия получала монопольное право на эксплуатацию экономических ресурсов Грузии, а порт Поти и железная дорога поступали под контроль германского командования.

10 июня германские войска вошли в Тифлис, к 15 июня там их было уже около 5 тысяч. Германские гарнизоны разместились в Кутаиси, Гори, Сигнахе, Самтреди, Новосенаки, Очамчире и в других населенных пунктах. В Поти дислоцировались войска с артиллерий (свыше 10 тысяч человек). Всего в Грузии германских войск было (включая военнопленных

и мобилизованных немецких колонистов) около 30 тысяч человек. Командовал ими генерал-майор Ф. Кресс фон Крессенштейн.

Германские интервенты взяли под контроль почту, телеграф, банки, военные и финансовые ведомства. К грузинской армии были прикреплены германские инструкторы.

По договорам с грузинским правительством от 12 июля Германия получала в эксплуатацию Чиатурские марганцевые рудники на 30 лет, порт Поти – на 60 лет, железную дорогу Шорапан – Чиатура – Сачхере – на 40 лет.

С мая по сентябрь 1918 г. германские интервенты вывезли из Грузии на 30 млн. марок меди, табака, хлеба, чая, фруктов, вина и другой продукции, в том числе 31 тонну марганца, 360 тонн шерсти, 40 350 штук овечьих шкур.

От событий в Грузии перейдем к ситуации в Бакинской губернии. 31 октября (13 ноября) 1917 г. Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов первым в Закавказье вынес постановление о переходе всей полноты власти к Совету. 2 (15) ноября вся власть в Баку перешла к Совету. 30 марта (нов. ст.) 1918 г. мусаватисты подняли в Баку вооруженный мятеж против Совета. Три дня в Баку шли бои. На стороне Совета действовала и Каспийская флотилия. Канонерские лодки «Карс» и «Ардаган» вели интенсивный огонь по мятежникам.

25 апреля 1918 г. на заседании Бакинского Совета под председательством П.А. Джапаридзе было принято решение о создании Бакинского Совета Народных Комиссаров – высшего органа Советской власти в Бакинском районе.

В июне 1918 г. Бакинский Совнарком издал декреты о национализации нефтяной промышленности и Каспийского торгового флота. Был введен 8-часовой рабочий день, повышена зарплата рабочим, созданы народный университет и школы для взрослых.

Советские войска заняли Кубу и Дербент, с боем взяли Ленкорань и рассеяли банды ханши Талышинской. В результате ожесточенных боев была занята Шемаха, а затем и весь Шамахинский уезд.

В мае 1918 г. 13 тысяч турок при 40 орудиях вместе с 5 тысячами мусаватистов при 10 орудиях двинулись на Баку. Столицу Азербайджана обороняли пробольшевистские силы Совнаркома (18 тысяч человек, 19 орудий, 3 бронепоезда). В июне 1918 г. из Советской России в Баку прибыли 4 броневика, 13 самолетов, а в следующем месяце – 800 человек при шести орудиях.

Однако моральный дух защитников Бакинской коммуны был весьма

слаб. 20 июля турки без боя заняли Шемаху. Сравнительно небольшая большевистская прослойка в Баку оказалась в сложной ситуации. С одной стороны, у большевиков не хватало сил для отражения турецкого наступления, а с другой, они формально не имели права сражаться с немцами в силу Брестского мира. Большинству же населения Баку не улыбалось увидеть турок на улицах города. Поэтому Бакинский Совет принял решение позвать на помощь английские войска, которые к тому времени уже находились на севере Персии.

31 июля Совет Народных Комиссаров сложил свои полномочия. Власть в Баку перешла в руки правоэсеровско-меньшевистско-дашнакского блока, сформировавшего 1 августа правительство «Диктатуры Центрокаспия и Президиума Временного Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

К тому времени англичане заняли южное побережье Каспийского моря и приступили к формированию военной флотилии в персидском порту Энзели. Командовал английскими морскими силами командор Норрис. Задача создания флотилии на Каспии для англичан облегчалась наличием британской военной флотилии на реке Тигр. Перевезти на Каспий канонерские лодки они, естественно, не могли, зато сняли с них морские орудия калибра 152, 120, 102, 76 и 47 мм.

Англичане захватили в Энзели несколько русских торговых судов и приступили к их вооружению. Команды поначалу были смешанные – русская вольнонаемная команда и английские расчеты орудий. Командовали всем судами английские офицеры, на второстепенные должности брали и русских морских офицеров.

4 августа в Баку высадился британский отряд, прибывший на военном транспорте из Энзели.

После перехода власти «Диктатуре Центрокаспия» оставшиеся верные советской власти подразделения были стянуты на Петровскую площадь в Баку, превращенную большевиками в военный лагерь. Войска же «Диктатуры Центрокаспия», состоящие в основном из армянских национальных частей, с каждым днем теряли свою боеспособность, усиливалось дезертирство и мародерство. Ввиду того, что шансов на успешный политический или военный контрпереворот, изгнание англичан и удержание фронта практически не было, общегородская партийная конференция большевиков, состоявшаяся 12 августа, приняла решение эвакуировать остатки советских войск в Астрахань.

17 августа 1918 г. главнокомандующий британскими войсками генерал Денстервиль и штаб командора Норриса на пароходах «Президент Крюгер»

и «Орел» отправился в Баку. Перед выходом на «Крюгере» англичане поставили четыре 102-мм сухопутные пушки.

Уже при подходе к Баку был слышен отдаленный гул артиллерийской стрельбы. Город был обложен войсками турецкого генерала Нури-паши. В это время суда бывшей царской Каспийской флотилии обстреливали турецкие войска в районе Петровска (с 1922 г. Махачкала). Только канонерка «Ардаган» стояла в Баку и лишь изредка выходила обстреливать турецкие позиции.

15 сентября 1918 г. турецко-мусаватистские войска почти без боя заняли Баку. Англичане и руководство «Центрокаспия» бежали на судах Каспийской флотилии сначала в Петровск, а затем в Энзели. Турки и местные татары три дня грабили Баку, при этом было убито около 30 тысяч мирных жителей.

Пока в Баку правил Совет, самозваное мусаватистское правительство (Временный национальный Совет) заседало в Тифлисе, где оно 28 мая 1918 г. провозгласило Азербайджан независимым государством.

4 июня 1918 г. в Батуме между делегациями Азербайджана и Турции был заключен договор о мире и дружбе Азербайджанской Республики и Оттоманской Турции. Согласно статьи Батумского договора Турция, выполняя свои союзнические обязательства перед Азербайджанским государством, 5 июня 1918 г. ввела в Гянджу (Елизаветполь) части 5-й турецкой дивизии под командованием Мюрсельпаши. 6 июня в Гянджу из Иранского Азербайджана прибыл семитысячные отряд Назим-паши. Азербайджанское правительство с помощью турецких офицеров, еще до этого времени находившихся в Гяндже под командованием Нури-паши, смогло в короткий срок сформировать Особый Азербайджанский корпус, объединенный с турецкими войсками в Кавказскую исламскую армию. Общая численность этой армии достигала 20 тысяч человек.

Мусаватистское правительство 16 июня 1918 г. переехало их Тифлиса в Гянджу, а 17 сентября – в оккупированный турками Баку.

5 октября 1918 г. Совет Министров Азербайджанской республики принял постановление о денационализации нефтяной промышленности, согласно которому нефтяные промыслы и заводы, корабли Каспийского торгового флота возвращались нефтяным фирмам и судовладельцам. Важным шагом правительства в аграрном вопросе была отмена декрета Баксовнаркома о земле. Земля признавалась нерушимой собственностью землевладельца.

Однако к этому времени песенка османов – покровителей мусаватистов – была спета. После захвата 15 сентября Баку советское

правительство разорвало Брестский договор в части, касающейся Турции.

3 июля 1918 г. на 74-м году жизни скончался султан Мехмед V. Ему наследовал 57-летний брат Вфхидеддин, принявший имя Мехмеда VI, однако и он не получил никакой реальной власти.

19 октября турецкий кабинет министров во главе с великим визирем Талаат-пашой, военным визирем Энвер-пашой и морским министром Джемаль-пашой ушел в отставку в полном составе. Новое турецкое правительство обратилось к Антанте с просьбой о перемирии.

27 октября начались мирные переговоры с Антантой. Они проходили в порту Мудрос на острове Лемнос. Вел переговоры командующий британским Средиземноморским флотом вице-адмирал С. Калторп. 30 октября 1918 г. в Мудросе на борту английского броненосца «Агамемнон» была подписана капитуляция Турции. Формально она имела вид перемирия.

В первой статье предусматривалось открытие Черноморских проливов для Антанты. Суда Антанты могли свободно проходить в обе стороны и выходить в Черное море. По статьям 6, 9 и 12 все военно-экономические и стратегические центры страны подлежали оккупации Антантой. В статье 5 предусматривалась демобилизация всей турецкой армии, а контингент, могущий обеспечить хотя бы как факт суверенитет Турции, подлежал особому определению.

Из всех положений договора, умышленно сформулированных весьма расплывчато, наибольшую тревогу у турок вызывала статья 7, которая давала победителям право оккупировать «любые стратегически важные пункты в случае возникновения ситуаций, угрожающих безопасности союзников». В то время как статья 24 позволяла союзникам «в случае беспорядков» оккупировать шесть армянских провинций восточной Малой Азии – Сивас, Элязыг (Мамуретюлазиз), Диярбакыр, Битлис, Эрзурум и Ван.

Согласно статье 15-й союзникам предоставлялось право занять Батум и Баку. Сразу же после подписания Мудросской капитуляции немцы срочно стали покидать Турцию. Так, например, германский сухопутный отряд, базировавшийся в Дарданеллах, 31 октября погрузился на плавучую мастерскую «Флейс» и убыл в Одессу.

1 ноября 1918 г. лидеры младотурок, среди которых были Талаат и Энвер, бежали из Константинополя в Крым, а затем в Берлин.

Сразу же после заключения Мудросского перемирия из состава флотов Антанты была сформирована так называемая Союзная эскадра Эгейского моря. В ее состав вошли: британская группа (2 линкора, 7 крейсеров, 7

мониторов, 6 эсминцев и 2 канонерки), французская (6 линкоров, 4 крейсера, 6 эсминцев и 2 канонерки), итальянская (4 линкора, 2 крейсера, 3 эсминца) и греческая (2 линкора, 1 крейсер, 2 эсминца). Итого 14 линкоров, 14 крейсеров, 11 канонерок и мониторов, 17 эсминцев, а также вспомогательные суда.

В середине ноября 1918 г. английские войска высадились в Константинополе, а 23 ноября английский крейсер «Кентербери» прибыл в Севастополь.

24 ноября на линкоре «Воля» (бывший «Александр III») и большинстве других русских кораблей, стоявших в Севастополе, русскими моряками были подняты Андреевские флаги. Однако командир английского крейсера в ультимативной форме потребовал спустить русские флаги к утру 25 ноября.

25 ноября в Севастополь пришла эскадра союзников в составе английских линкоров «Сьюперб» и «Тандерер», французского линкора «Джастис» («Justice»), итальянского линкора «Леонардо да Винчи», двух крейсеров и девяти эсминцев.

Первыми в Константинополь вошли англичане, за ними последовали французы и итальянцы. Каждой державе определили район оккупации: англичане заняли Пера, Галата и Шишли; французы оккупировали сам Константинополь и его западные пригороды, а итальянцы контролировали азиатский берег Босфора.

Район Проливов и ряд стратегических пунктов Турции были оккупированы силами союзников. Среди них было 41,5 тысяча английских, 59 тысяч французских и 17,4 тысячи итальянских солдат. Турецкая же армия была сокращена до 50 тысяч человек. К концу 1918 г., согласно Мудросскому перемирию, турки сдали 145 тысяч винтовок, 682 пулемета, до двух тысяч орудий. Однако основная часть оружия разошлась по всей стране.

Обычно после поражения срочно начинаются поиски козлов отпущения. Новый великий визирь, он же и премьер-министр, Дамад Ферид-паша заявил 21 января 1919 г.: «Война – это дело рук нескольких преступников, которыми Турция была втянута в войну без всякой на то внутренней необходимости». Естественно, султан Мехмед VI оказался не причем. Зато на трех публичных процессах были осуждены «виновники войны». К смертной казни через повешение были приговорены Энвер-паша, Талаат-паша, Джемиль-паша и Джавид-бей, а также губернатор Токата Махмуд-паша. Первые четверо были приговорены заочно, поскольку их не было в Турции, а Махмуда-пашу публично казнили,

причем позорной для мусульманина казнью через повешенье. Ряд других деятелей, включая духовного главу мусульман Турции, или шейха уль-ислам периода войны, Мусу Кязима-эфенди, приговорили к каторжным работам.

Почти сразу после оккупации Константинополя французы и итальянцы вспомнили об идеи Екатерины II «водрузить крест над Святой Софией». Однако главную мечеть империи они хотели сделать не православным, а католическим храмом. Главных доводов было два. Во-первых, во время завоевания Константинополя султаном Мехмедом II в 1453 г. город находился в церковном общении с Римом. Во-вторых, разрыв с Римом произошел только в XI веке, и Святая София была католической дольше, чем православной.

Полумесяц над Айя София уцелел только благодаря «владычице морей», а конкретно, ее министерству по делам Индии. Там весьма резонно спрогнозировали бунт индийских мусульман. (Напомню, что Пакистан был частью Британской Индии). Ну а в 1935 г. по требованию Ататюрка Айя София превратился их мечети в музей византийской и исламской культуры.

Дабы разъяснить ситуацию с «турецкими греками», придется обратиться к далекому прошлому. С VI века до н. э. греческие поселенцы основывали города-колонии по всему черноморскому побережью Малой Азии.

В 1204 г. Константинополь был взять крестоносцами. Но значительная часть бывшей Византии осталась под пантеоном греков – Эпирский деспотат на северо-западе Греции, Никейская империя в Малой Азии и Трапезундская империя на юго-восточном побережье Черного моря. Трапезундскую империю часто называли Понтийской империей, а греков, живущих на южном берегу Черного моря – понтийскими греками.

В 1261 г. никейский император Михаил VIII Палеолог выбил крестоносцев из Константинополя и восстановил Византийскую империю. Однако Трапезундская империя осталась независимой. В 1453 г. турки захватывают Константинополь, а в 1461 г. – Трапезунд.

Во второй половине XIX века наблюдался экономический рост валейета Трабозон, причем в первую очередь за счет греков.

В 1865 г. понтийских греков насчитывалось 265 тыс. человек, а в 1880 г. уже 330 тысяч. Проживали они в основном в городах. Понтийский эллинизм, концентрировавшийся в начале XX века в областях Синопа, Амазеи, Трапезунда, Самсуна, Лазики, Аргируполиса, Севастии, Токаты и Никополя, поглощенных Османской империей, насчитывал, согласно переписям Вселенской Патриархии и османских властей, примерно

600 тыс. человек. При этом в южной России и на Кавказе в то время жило приблизительно 150 тыс. понтийских греков.

В 1860 г. в районе Понта было 100 греческих школ, а в 1919 г., после распада Османской империи, количество школ достигло 1401, а учеников – 86 тыс. человек. Наиболее известными были Курсы Трапезунда. Понтийские греки также имели свои клубы и театры, типографии, где издавали журналы и газеты. Все это свидетельствует не только об их высоком духовном уровне, но также и о национальном самосознании.

В июле 1914 г. Турция вступила в Первую мировую войну на стороне Германии и объявила всеобщую мобилизацию. Призывались и понтийские греки, но не для службы в турецких вооруженных силах. Правительство считало понтийских греков неблагонадежными, особенно после развала русско-турецкого фронта, и начало выселение греческого христианского населения Восточной Анатолии вглубь страны. Все годные к службе мужчины в возрасте 20–45 лет отправлялись в рабочие батальоны (ameles taboures). Тех, кто не подлежал призыву, вскоре также постигла эта участь, в особенности после занятия Трапезунда русскими 5 апреля 1916 г., приведшего турок в бешенство.

Трапезунд с апреля 1916 г. по март 1918 г. был занят русской армией. В городе образовалось Временное греческое правительство, которое возглавил митрополит Хрисанф. Следует заметить, что Николай II и его министры в ходе Первой мировой войны так и не сумели выбрать какой-либо стратегии в национальном вопросе на территориях, как захваченных, так и планируемых к захвату.

В этот период активно действовали политические организации понтийских греков, ставящие целью создание Понтийской республики: сентябрь 1917 г. – «Центральный национальный комитет понтийцев» на юге России; ноябрь 1918 г. – «Общество понтийцев» в Стамбуле; 1919 г. – «Центральный союз понтийских греков»; 1921 г. – «Центральный совет Понта»; «Греческий закавказский национальный совет» и др.

Созывались съезды понтийских греков: «Национальное собрание» греков Закавказья в Тифлисе (05 мая 1917 г.); съезд греков в Таганроге (29 июня – 10 июля 1917 г.); «1-й Всепонтийский съезд» в Марселе (04 февраля 1918 г.); «Всеобщая конференция», результатом которой стало создание «Национального совета Понта» (2–15 января 1919 г.).

Создавались вооруженные формирования понтийских греков: три греческих полка в составе русской армии в Трабзоне (1916 г.); «Кавказская греческая дивизия» (1917 г.), которая размещалась в Карсе и Маглисе; «Греческий военный корпус» в Закавказье (с 1918 г. по 1921 г.).

Как видим, греческие организации были разрозненными, но они имели общую идею – восстановление Византийской империи. Да, это кажется утопией, но восстановили же Польшу через 150 лет, а еврейское государство почти через 2 тысячи лет. А подсказала грекам эту идею… Екатерина Великая.

10 (21) сентября 1782 г. Екатерина отправил австрийскому императору Иосифу II письмо, вошедшее в историю под названием «Греческий проект». Екатерина утверждала, что в европейских владениях Порты христиан в пять или шесть раз больше, чем турок.

На освобожденных от турок землях предполагалось создать два полностью независимых государства: Дакию и Греческую империю. В составе Дакии должны были быть нынешние Молдавия, Румыния и часть Болгарии. Греция, южная Болгария, Македония и острова Архипелага должны были составлять Греческую империю со столицей в Константинополе. Для проектируемой империи был уже готов и император – Константин II. При этом наследник цесаревич Павел и его старший сын великий князь Александр должны заранее письменно отречься от всяких претензий на константинопольский престол.

Возможность реализации проекта – тема особая. Я лишь замечу, что «Греческий проект» отвечал чаяниям многих поколений греков.

Термин «Мегами Идеа» («Великая Идея») впервые прозвучал в речи премьер-министра Греции Иоана Колеттиса во время дебатов о Конституции, провозглашенной в 1844 г. Эта «идея» состояла в реставрации Византийской империи со столицей в Константинополе.

Претензии греческих политиков не ограничивались островами Эгейского моря, включая Крит и Кипр.

«Мегами Идеа» попытался реально воплотить в жизнь Элефтернос Венизелос. Он родился 23 августа 1864 г. на острове Крит. Его отец был активным участником антитурецкого движения на Крите. В 1869 г. семья Венизелоса бежала с Крита на остров Сирос. Элефтернос Венизелос в 1877 г. окончил юридический факультет Афинского университета и, вернувшись на Крит, занялся политикой. Венизелос возглавил министерство юстиции автономного правительства Крита. Однако вскоре он поссорился с главой автономии принцем Георгом[32].

Одержав блистательную победу на выборах в Национальное собрание в 1910 г., Венизелос со своими сторонниками возглавил правительство и провел в Греции ряд политических и экономических реформ.

С началом мировой войны под нажимом Венизелоса король был вынужден заявить о нейтралитете Греции.

В январе 1915 г. Англия и Франция пообещали премьеру Венизелосу «важные территориальные уступки на побережье Малой Азии».

По подсказке из Лондона султан Мехмед VI назначил премьером монархиста и антантофила Ахмеда Тевфикпашу, бывшего при младотурках послом в Англии и при Абдул Гамиде II – министром иностранных дел.

Этот европейски воспитанный и к тому же энергичный великий визирь в должности премьера уже в декабре 1918 г. подписал с британским генералом Алленби секретный двусторонний (без ведома других членов Антанты) протокол в рамках Мудросского договора об установлении прямого военного управления Англии в Южной Анатолии и в Киликии. Не прошло и месяца, как англичане, уже “на законных основаниях”, заняли Антеб, Мараш, Урфу, разгромили повстанческое движение арабов, курдов и турок на юге Анатолии. Обострилась ситуация в Самсуне и Трабзоне, где Англия поддерживала идею провозглашения греческого понтийского государства»[64].

Речь идет о греческом государстве на юго-восточной побережье Черного моря на территории бывшей Трапезундской империи. Замечу, что понтийские греки подвергались жестоким преследования младотурков с 1908 г. В 1916 г. русское командование в Трабзоне сформировало три греческих полка.

В конце мировой войны понтийские греки и эмигранты начали борьбу за свои права. На 1-м Всепонтийском съезде в Марселе в феврале 1918 г., и на съезде в июле того же года в Батуме представители понтийских организаций заявили своей целью создание независимой Понтийской республики. Это требование было отклонено великими державами. Англия отклонила требование Греции выслать на Понт солдат понтийского происхождения, служивших тогда в греческой армии.

Ряд армянских и понтийских политиков высказывались за создание греко-армянского государства. В январе 1920 г. митрополит Трапезунда Хрисанф и президент Армянской республики Хатисян подписали соглашение о создании Понтийско-Армянской конфедерации. Стороны договорились также и о вооруженной защите Понта от нападений турок.

Но вернемся к событиям в Стамбуле. В 1917–1919 гг. правительства Англии, Франции и США не знали, что делать с Оттоманской империей. Так, в декабре 1916 г. было выпущено официальное заявление британского правительства, согласно которому турки подлежали «полному и окончательному изгнанию из Европы». А 5 января 1918 г. британский премьер Ллойд Джордж, выступая на конгрессе тред-юнионов, без обиняков «вернул» турок в Европу, пообещав им Константинополь и

Восточную Фракию.

Американский президент Вудро Вильсон весной 1917 г. публично назвал турок «убийцами христиан, подлежащими удалению из Европы». Ну а в сентябре 1918 г. государственный секретарь США Роберт Лансинг предложил объявить международный протекторат над Константинополем. Вновь вспоминается незабвенный Иван Александрович Хлестаков – «Легкость в мыслях необыкновенная».

Ну а каково было мнение греков? Еще 16 декабря 1919 г. президент Вильсон попросил премьера Венизелоса обобщить все территориальные притязания Греции к Турции. В меморандуме Венизелоса Западная Анатолия должна была войти в новую Грецию, а Константинополь, где проживало 364 тыс. греков и 500 тыс. турок, следовало передать Греции, которая в свою очередь гарантировала бы интернационализацию Проливов. Новая Великая Греция, по мнению Венизелоса, согласилась бы на установление протектората будущей Лиги Наций над Константинополем и Проливной зоной. Фактически эта зона была бы окружена греческой территорией, а Измир (Смирна) «стал бы вольным городом-портом». В Восточной же Анатолии Венизелос предлагал создать что-то вроде армянско-греческого государства под мандатом Лиги Наций.

18 января 1918 г. президент Вильсон представил конгрессу проект мирного договора, завершавшего мировую войну. В чем-то это был ответ ленинскому плану мира «без аннексий и контрибуций». План Вильсона имел 14 пунктов и вошел в историю как «14 пунктов Вильсона».

Греков и турок больше всего интересовал пункт 12: «Турецкие части Оттоманской империи, в современном ее составе, должны получить обеспеченный и прочный суверенитет, но другие национальности, ныне находящиеся под властью турок, должны получить недвусмысленную гарантию существования и абсолютно нерушимые условия автономного развития. Дарданеллы должны быть постоянно открыты для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями».

Греческий проект Венизелоса трактовал сей пункт весьма своеобразно: «Стамбул не чисто турецкий город, где мусульман меньшинство» (турок 449 тыс. из 1 млн. 173 тыс. всего населения), и он не может быть включен в Османскую империю. «Для безопасности всего грядущего мира в Азии, – утверждал Венизелос, – должно быть образовано только маленькое турецкое государство с собственной столицей».

На Версальской конференции Венизелос заявил, что в интернационализируемую зону Проливов должны войти Скутари (Ускюдар), «отданный» Англии еще в 1915 г., весь Большой Стамбул и его

окрестности – санджаки вдоль Босфора и Дарданелл и даже часть Бтусского санджака, то есть территория, на которую претендовала Франция. Однако западные державы дружно похоронили предложения греческого премьера.

26 февраля 1919 г. в Версале на заседании Совета десяти выступил лидер армянских дашнаков Аветис Агаронян. Он требовал от держав обеспечить создание «Армянской демократической республики» с выходом к Черному морю и с включением в ее состав некоторых турецких анатолийских земель.

Султан Мехмед VI и его окружение выбрали тактику отделения себя от деятельности младотурецкого режима.

«“Мы теперь другие”, – начал повторять султан Мехмед VI. И в доказательство передал пост главы кабинета великому визирю (он же премьер-министр) Дамаду Ферид-паше. Большей лояльности перед Лондоном придумать было трудно. Великий визирь всецело находился под английским – даже не влиянием, а управлением. Современники-турки поговаривали, что ставка великого визиря уже не Высокая Порта, а Британская Порта. Каламбур заключался в употреблении слова “порта” – врата. В турецком оригинале Баб-и Алийе и Ингилиз-и Алийе.

Выпускник Оксфорда и прекрасный игрок в регби (в молодости) Ферид-паша был представителем родовитой османской знати. Приставку к имени “дамад”, т. е. зять султана, он носил с гордостью и олицетворял в проантантовских кругах стабильность и верность старому османскому прошлому, которое было под контролем держав. В интервью 21 января 1919 г. в газете“ Le Journal des Debats” он заявил: “война – это дело рук нескольких преступников, которыми Турция была втянута в войну без всякой на то внутренней необходимости”»[65].

Как уже говорилось в Турции началась охота «за ведьмами», то бишь за «военными преступниками».. «Разрыв отношений Германии с Турцией 24 декабря 1918 г. положил конец вопросу о выдаче немецкой стороной скрывавшихся в Германии лидеров младотурок. На трех публичных процессах в апреле – июле 1919 г. были осуждены как “виновники войны” и как “виновники в войне” приговорены к смертной казни все члены триумвирата, а также мутассарыф (губернатор) Токката Кямиль Махмуд-паша, инициатор и участник расправ над армянами. Публичная казнь Махмуд-паши через немыслимо позонное для мусульманина повешение стало своего рода искупительной жертвой всего младотурецкого руководства. Мир ислама на Ближнем Востоке содрогнулся от ужаса. Другие, как, например, духовный глава мусульман Турции, или шейх-уль-

ислам периода войны Мусса Кязим-эфенди, как упоминавшийся нами бывший министр внутренних дел и посол в Стокгольме Исмаил Джанбулат-бей, имевший мужество вернуться из тихой нейтральной Швеции в горящий Стамбул в конце 1918 г., получили различные сроки каторжных работ. И несли наказание с достоинством мучеников за правое дело»[66].

17 июня 1919 г. великий визирь был наконец выслушан Советом десяти в Версале. В своей пространной речи он фактически предложил приравнять младотурецкий геноцид отношении христиан Османской империи к «страданиям и бедствиям трех миллионов мусульман империи». Лейтмотивом речи Ферид-паши было сохранение принципа «статус-кво» в отношении Османской империи в границах 1913 г. Визирь напомнил, что в «турецком вопросе затронуты интересы трехсот миллионов мусульман всего мира».

Ну а пока шли дебаты в Версале, Италия и Германия решили делить Малую Азию сами. 22 марта 1919 г. итальянский линкор «Регина Елена» в сопровождении эсминцев вошел в порт Анталия, а 27 марта с кораблей был высажен десант, оккупировавший город. 3 апреля десант был усилен батальоном пехоты, доставленной транспортом «Лигурия». Еще два корабля – эсминец и канонерская лодка – вошли в порты Макри и Бурдрум (Бодрум), а 29 апреля итальянская эскадра в составе линкора, двух легких крейсеров и трех эсминцев пришла в Смирну.

Премьер Венизелос решил действовать, чтобы не оказаться перед свершившимся фактом. Умело манипулируя «итальянской угрозой» и ссылаясь на необходимость защитить малоазийских соотечественников, он добился от участников конференции согласия на ввод греческих войск в район Смирны. Таким образом предполагалось блокировать односторонние действия Италии. 15 мая 1919 г., еще до того, как официально был определен размер и статус зоны вторжения, с греческих судов в Смирне (Измире) высадилась первая греческая пехотная дивизия. Замечу, что к началу XX века христиане продолжали составлять большинство населения города, поэтому мусульмане называли его «Гяур Измир» («Неверная Смирна»).

В 1890 г. население Смирны составляло 210 тыс. человек, из них 107 тыс. греков, 52 тыс. мусульман (без определения народностей), 23 тыс. евреев, 12 тыс. армян, 6 500 итальянцев, 2 500 французов, 2 200 австрийцев, 1 500 англичан (преимущественно с Мальты) и т. д. В городе было более 40 мечетей, 13 православных, 4 католических, 3 протестантских и 3 армянских церквей, 6 синагог, несколько христианских монастырей.

Смирна делилась на две главные части: франкский (верхний) город, отличавшийся чистотой и благоустроенностью и турецкий (нижний), отличавшийся запущенностью. Между ними располагался еврейский квартал. Лучшей частью Смирны считалась ее набережная (Marina), застроенная богатыми домами европейской архитектуры.

И вот греческая пехота марширует по Смирне. Из толпы турок раздаются выстрелы. Реакцией военных стала кровавая расправа над тремя десятками безоружных турецких пленников. Это послужило сигналом к действию: местные греки принялись громить и грабить дома турок. В течение недели греческие солдаты и туземные греки убили несколько тысяч мирных жителей из числа мусульман, включая женщин и детей. Греческие войска двинулись вглубь Малой Азии под предлогом «обеспечения собственной безопасности».

Параллельно с солдатами воевали и греческие… попы[67]. 12 октября 1918 г. отрекся от престола константинопольский патриарх Герман V. Формальной причиной отреченья стал конфликт с иерархами по чисто каноническим вопросам, а фактической была боязнь премьера Венизелоса, что Герман будет препятствовать реализации «Мегами Идеа». Целый ряд причин, в основном организационного порядка, не позволяли избрать нового патриарха. Местоблюстителем константинопольского престола становится епископ константинопольский Дорофей, активный поборник «Мегами Идеа». Местоблюститель с момента начала оккупации Константинополя войсками Антанты начинает по гражданским вопросам обращаться к союзной военной администрации и полностью игнорирует турецкие власти.

«21 января 1919 г. Дорофей под защитой расположенного в городе Греко-Иритского полка приступил к отмене преподавания турецкого языка в греческих школах. А 16 марта в церквях Константинополя была обнародована резолюция об «Объединении с Грецией», после которой патриархия и греки отказались сообщаться с Блистательной Портой. Когда греки также отказались участвовать в ноябрьских выборах, разрыв с турецкими властями оказался полным. Патриархия, в сущности, организовала политический заговор против Оттоманской империи, изменяя тем самым 466-летнюю традицию подчинения мусульманам в области политики»[68].

Понимая шаткость своего положения Дорофей лихорадочно ищет союзников. Так, в январе 1919 г. была проведена греко-армянская конференция с целью координирования деятельности этих двух групп

населения в городе. Летом 1919 г. митрополит Николай Кесарийский от имени патриархии принял приглашение Совместной комиссии Всемирной Конференции «Вера и Устройство», предтечи Всемирного совета церквей, принять участие в ее предварительной конференции в Женеве в будущем году. Он сказал, что патриархия «протягивает руку помощи трудящимся на том же поле и в том же винограднике Господнем».

В январе 1920 г. местоблюститель Дорофей со своим Синодом выпустил в свет документ, ставший программой экуменизма. Это окружное послание было выработано на конференции иерархов-профессоров богословской школы на острове Халки, возглавляемой митрополитом Германом Селевкийским (впоследствии Фиатирским и Великобританским). Оно было адресовано «всем Христианским Церквам всего мира» и провозглашало, что «первой необходимостью является оживление и усиление любви между Церквами, не считая друг друга странными и пришельцами, но близкими и родными во Христе и едиными сонаследниками обетования Божия во Христе». «Эта любовь, – говорилось в послании, – и благожелательное расположение друг ко другу могут быть выражены и доказаны, на наш взгляд, особенно посредством следующих действий:

а) принятие единого календаря для одновременного празднования великих христианских праздников всеми Церквами;

б) обмен братскими посланиями в дни великих праздников единого календаря;

в) близкие дружеские отношения между представителями различных Церквей;

г) общение между богословскими школами и представителями богословской науки, а также обмен церковной периодикой и изданиями, выходящими в каждой из Церквей;

д) посылка молодых людей из школ одной Церкви на учебу в школы других Церквей»[69].

Англичан меньше всего устраивала реставрация Византийской империи и переход Проливов под греческий контроль. Премьер Ллойд Джордж экстренно вызвал в Версаль из Индии делегацию в составе представителей индийских колониальных властей и Мусульманской лиги. «Члены делегации (и англичане, и индийцы) дружно просили оставить Стамбул за турецким султаном-халифом, которого “любят и почитают все индийские мусульмане”; прозвучало недвусмысленное предостережение о непредсказуемых волнениях в исламском мире, если халиф-султан падет, а Османская Турция будет расчленена между европейскими державами.

Угроза была достаточно реальная, если учесть массовые антибританские волнения в 1919 г. в Северной, Северо-Западной и Центральной Индии. Султан-халиф мог бы своим авторитетом оказаться весьма полезным для сдерживания страстей в Британской Индии»[70].

В итоге союзники задумались, и в 1919 г. вопрос о Константинополе остался лишь дискуссионной проблемой.

А между тем в восточной части Малой Азии началось движение турецких националистов. Как уже говорилось, понтийские греки пытались создать свое государство в восточной части черноморского побережья Анатолии. Министр внутренних дел султанского правительства для наведения порядка предложил отправить туда генерала Мустафу Кемаля. Его назначили инспектором 9-й армии, штаб которой находился в Эрзеруме. Таким образом, он стал уполномоченным представителем правительства на всей территории Анатолии к востоку от Анкары. 16 мая 1919 г. Мустафа Кемаль сел на пароход «Бандырма» в Константинополе и через три дня прибыл в Самсун, расположенный на анатолийском побережье Черного моря.

Эту поездку современные историки считают «звездным часом» Турции. Двухкомнатная каюта Кемаля сейчас служит главным предметом экспозиции в Морском музее Стамбула.

Прибытие Кемаля в Самсун совпало с резней, учиненной греками в Смирне. Турецкие войска и население были вырезаны. И вот Кемаль вместо того, чтобы распустить мобилизованные на местах войска, приложил все усилия, чтобы сохранить их в боеспособном состоянии для предстоящей борьбы за независимую Турцию. Султан, узнав об этой инициативе Кемаля, велел ему немедленно возвращаться в Константинополь, однако Кемаль проигнорировал приказ. «Я останусь в Анатолии до тех пор, пока турецкий народ не добьется независимости», – заявил он.

Одновременно кемалисты устроили массовую резню понтийских греков. По разным данным, было убито от 300 до 350 греков.

24 февраля 1994 г. парламент Греции единогласно постановил считать 19 мая Днем памяти геноцида понтийских греков. Помимо Греции факт геноцида понтийских греков признали Армения, Республика Кипр и Швеция. В ноябре 2015 г. греческая общественность обратилась к президенту России с просьбой признать геноцид понтийских греков.

22 июня 1919 г. Кемаль в городе Амасье издал циркуляр, в котором утверждалось, что независимость Турции находится под угрозой, а также объявлялось о созыве Сивасского конгресса. Сторонники Кемаля заранее

завербовали множество офицеров и чиновников, в ведении которых находилась телеграфная сеть Анатолии и Фракии. Послания Кемаля мгновенно расходились по всей стране, вербуя ему сотни тысяч сторонников.

И вот в сентябре 1919 г. в городе Сивасе собрался съезд делегатов Национального собрания. По какому принципу и как он собирался, нашим историкам и мне, грешному, неведомо, но, надо полагать, также как в России созывались «Советы рабочих и крестьянских депутатов», «Центральная Рада» и прочие «демократические органы», плюс восточный колорит и турецкий барабан. В Сивасе был избран «Представительный комитет» (Исполнительный совет) под председательством Мустафы Кемаля, явившийся по сути первым временным правительством новой Турции. Также был организован революционный Комитет защиты прав Анатолии и Румелии.

28 декабря 1919 г. Кемаль перенес свою резиденцию в Анкару (Ангору). Это была надежная естественная крепость в центре Анатолии и конечный пункт железнодорожной ветки из Константинополя. В Анкаре Исполнительный комитет обнародовал «Национальный Обет», который должен был стать фундаментом нового турецкого государства. Сторонники Кемаля отказывались от любых притязаний на арабские земли Оттоманской империи, но настаивали на том, чтобы области, «большинство населения которых составляют турки-мусульмане, объединяемые общей религией, общей расой и общими целями, образовали как по существу, так и по форме одно целое, не допускающее дележа на части в силу каких бы то ни было соображений».

По настоянию округов Анатолии назначались новые выборы депутатов и созыв меджлиса (парламента).

В Анкаре в близком окружении Кемаля оказываются полковник Исмет и капитан Еджен. Исмет – прекрасный организатор, он занимался всеми мелочами, которые, по выражению одного из приближенных Кемаля, «вызывали у него головную боль».

В сложившейся ситуации султан и союзники были вынуждены согласиться на выборы нового меджлиса. Османский парламент начал работу 12 января 1920 г. в составе семидесяти пяти депутатов и в отсутствие султана: официально Мехмет VI испытывал недомогание, в связи с чем получил от Кемаля пожелания скорейшего выздоровления.

Сам Кемаль предусмотрительно в Константинополь не поехал. Он был избран от Эрзерума, но отказался от мандата. Большинство депутатов были настроены против оккупантов, но не желали быть пешками в руках Кемаля.

Кемалю оставалось только… воевать. Собственно, войну он начал 19 мая 1919 г. Тогда по его указанию началась резня понтийских греков, а позже и армян. Вот как это происходило: По всему Понту начались страшные зверства: грабежи, убийства, изнасилования. Понтийцев целыми семьями запирали в церквях и школах, а потом сжигали живьем. Так, например, в городе Пафра были сожжены около шести тысяч человек, в основном женщин и детей. Еще порядка 22 тысяч жителей Пафры, избежавших смерти в огне, были расстреляны или зарезаны. Все женщины, девушки и даже маленькие девочки перед смертью были изнасилованы, а грудным младенцам турецкие солдаты разбивали головы о стены домов. В городе Амасии и окрестных деревнях из 180 тысяч греков погибли 134 тысячи. В городе Мерджифунде были вырезаны поголовно все жители. В Триполи, Керасунде, Орду и многих других городах были перебиты почти все жители мужского пола. И это лишь небольшая часть того, что творилась тогда по всему Понту.

Продолжались и массовые депортации, но в еще больших масштабах и с еще большей жестокостью. Мария Качиди-Симеониди, одна из немногих, кто выжил в то страшное время, рассказала: «Я родилась в деревне Мурасул, недалеко от Севастии (Сиваса) (…) В 1920 г., незадолго до Пасхи, турецкие солдаты явились в нашу деревню и велели нам всем отправляться с ними, взяв с собой только то, что мы могли унести. Мы нагрузили ослов пищей в дорогу, но вскоре, когда мы шли по бездорожью, большинство переметных сум порвалось, и мы остались без еды: турки нас не кормили. По дороге турецкие конвоиры насиловали женщин и девушек; одна из них забеременела. Недалеко от Телукты мы попали в снежную бурю, и половина наших людей погибла. От Телукты нас повели через Сус-Язусу, совершенно безводную пустыню; многие умерли там от жажды. Потом, когда мы наконец дошли до реки, все бросились к воде; люди так торопились напиться, что многие упали в воду и утонули. Наконец, нас привели к Фиратриме, курдской деревне, и велели тут остановиться. В это время та девушка, что забеременела от конвоира, родила двойню; турки взяли новорожденных, разрубили их пополам и бросили в реку. Там же, на берегу реки в Фиратриме, они расстреляли еще много наших людей…»[71].

Любопытно, что сейчас 19 мая отмечают сразу в двух государствах – в Турции и Греции. У турок это праздник, а у греков – день Геноцида Понтийского народа.

В первые дни 1920 г. Кемаль атаковал французские войска в окрестностях Мараша. Мараш – это древний город, центр вилайета в 120 км от Средиземного моря и в 100 км от нынешней границы с Сирией. К

1914 г. из его 70-тысячного населения 40 тысяч составляли армяне.

«10 февраля 1920 года французское командование решает покинуть город, подвергавшийся атакам турецких партизан в течение трех недель. Отступление превращается в драму: преследуемые врагом, терзаемые снежными буранами и морозом, французы потеряли тысячу двести человек. Но больше всего жертв было у армян, брошенных французами: по меньшей мере, пять тысяч, а возможно, и двадцать тысяч армян погибли в сражениях у Мараша и при отступлении. Гибель армян привела к горячей полемике между армянами, османским правительством и кемалистами. Англичане и французы выступили против создания межсоюзнической комиссии расследования: зная, что бросили многих армян под Марашем, они не хотели, чтобы комиссия обнародовала их ответственность за гибель армян»[72].

В ночь на 27 февраля 1920 г. в Константинополе началось восстание турецких националистов. Они совершили налет на склад оружия в Акбаше, пригороде Константинополя, и захватили 8 тысяч винтовок, 40 пулеметов и 20 тысяч ящиков боеприпасов, предназначенных для отправки в Крым барону Врангелю. Это нападение вызвало ярость англичан, и они «сорвали зло» на правительстве и французах, ответственных за охрану склада, даже в большей степени, чем на националистов.

В ответ на акцию националистов британский кабинет предложил союзникам полностью оккупировать Константинополь. Однако французы были против, и союзники ограничились полумерами. «16 марта в 10 утра три тысячи британских солдат занимают префектуру полиции, главный почтамт и военное министерство. За двадцать минут до этого М. Райан официально предупредил великого визиря, а его французский коллега – султана. Население Стамбула быстро поняло, что произошло, даже до появления афиш с заявлением англичан о том, что Стамбул остается турецким, но без беспорядков и кровавых расправ, причем каждому турку, пойманному с оружием в руках, грозит смерть. Операция проходила быстро, англичане не встретили серьезного сопротивления; в ходе операции были убиты пять турецких военных и один англичанин»[73].

Турецкий парламент был распущен, несколько депутатов и генералов были арестованы англичанами и интернированы на Мальту.

Полумеры Антанты стали подарком для Кемаля. Уже 19 марта он призывает собрать меджлис в Анкаре и предупреждает, что неявившиеся к нему депутаты будут немедленно переизбраны. В Константинополе верховный глава турецкого ислама, шейх-уль-ислам, который прежде

снимал виновных султанов, приказывает всем правоверным мусульманам бороться против Кемаля и националистов.

11 мая константинопольское правительство выносит смертный приговор Мустафе Кемалю. Приговор был утвержден султаном 24 мая 1920 г.

«В ответ на обвинения шейх-уль-ислама Кемаль мобилизует 153 анатолийских муфтия, чтобы с такой же убедительной силой и теми же цитатами из Корана дать религиозное обоснование своей борьбе. Великий визирь объявлен предателем родины. Но напыщенных заявлений и цитат Корана недостаточно. Нужно сражаться и проливать «кровь братьев». Войска, лояльные халифату, состояли преимущественно из черкесов, грузин, албанцев и арабов, что было разумно, если учесть значительное число черкесов и албанцев среди населения Северо-Западной Анатолии и их преданность султану-халифу. Националисты располагали ограниченными военными ресурсами. И все же несколько решительных соратников Кемаля – Рефет, Этхемчеркес и Ариф смогли приостановить продвижение лоялистов. К концу июня армия халифата была распущена…

Еще во время конгресса в Сивасе Кемаль учреждает официальную газету националистов “Национальная воля”. Прибыв в Анкару, Кемаль стремится расширить ее влияние, символически изменяет ее название на “Национальный суверенитет” и решает заставить понять своих собеседников, что наилучшим доказательством их присоединения к националистам будет подписка на “Национальный суверенитет”. Прекрасно понимая влияние информации, даже в стране, неграмотной на 90 процентов, он рассылает многочисленные телеграммы, требующие контролировать почтовую службу и препятствовать распространению правительственной и иностранной прессы, враждебно настроенной к националистам. С мая он вводит цензуру, в чем ранее националисты так упрекали англичан, когда те ввели цензуру в Стамбуле»[74].

23 апреля 1920 г. в Анкаре состоялось открытие Великого национального собрания. В первый же день Кемаль ораторствовал более четырех часов и заключил: «Национальное собрание спасет падишаха, халифа и Османское государство, продемонстрировав всему миру, что османская династия всё еще жива… С нами Аллах!» Ну а затем при закрытых дверях было сказано: «Наша задача – добиться освобождения народа внутри национальных границ. Мы не хотели пантуранистской политики, чтобы не столкнуться с внешними трудностями. Мы не защищали и панисламизм, пугающий иностранцев. Но нам необходима моральная и материальная поддержка мусульман. Впрочем, нас

поддерживают исламские государства. У большевиков свои идеи. Я не знаю их точно. Мы считаем, что справедливо использовать любую поддержку при условии невмешательства в наши дела. <…> Так как Стамбул оккупирован англичанами, установление контактов с падишахом ничего не дает»[75].

На следующий день Кемаль на открытом заседании заявил, что «в настоящий момент Национальное собрание должно сформировать правительство, даже до принятия конституции; президент Национального собрания должен быть также главой правительства. Чтобы консерваторы успокоились и пришли в себя, Кемаль добавляет, что султан – наш верховный правитель, халиф и глава исламского сообщества, поэтому мы не можем допустить, чтобы халифат был отделен от султаната; по той же причине бесполезно и невозможно назначать представителя падишаха в Анатолии. Момент напряженный. Впрочем, никто не сомневается: в течение трех минут непрерывные аплодисменты приветствуют оратора в конце его заявления.

Он снова появляется на трибуне под приветственные возгласы и крики «браво», чтобы выполнять функции президента Национального собрания, которым его только что избрали. Он произносит всего несколько фраз, но каких: “Национальное собрание <…> созвано, чтобы спасти султана-халифа <…>. Я буду работать на благо народа и страны, не преследуя никаких личных интересов <…>. Пусть Аллах даст жизнь и здоровье нашему падишаху и удалит от императорского трона все опасности, чтобы сделать его свободным!”

Успех полный: учреждение Великого национального собрания для управления страной; избрание Кемаля главой Национального собрания и правительства. В состав правительства вошли его друзья: Бекир Сами – министр иностранных дел, Хакки Бехиш – министр финансов, Исмаил Фазыл, отец Али Фуада, – министр труда, Февзи – министр обороны и Исмет – начальник Генерального штаба»[76].

Теперь Кемаль и его сторонники считали себя законной властью в Турции. Самопровозглашенное правительство Мустафы Кемаля 29 апреля 1920 г. объявило себя «единственным представителем интересов турецкого народа».

Однако у Кемаля нет боеспособной армии. Кемаль считал, что для того, чтобы вырваться из изоляции, в которой он оказался, все средства хороши. 26 апреля он направляет Ленину в Москву «первое предложение Великого национального собрания Турции советскому правительству».

Кемаль без обиняков предлагает установление дипломатических отношений между Москвой и Анкарой и участие националистов в «общей борьбе против империализма», причем одним из первых объектов в этой борьбе будет «империалистическое правительство Армении». Взамен же Кемаль просит помощи, причем конкретной: «аванс» в пять миллионов фунтов золотом, боеприпасы, оружие, медикаменты и продовольствие.

Мусульманский историк Абдуль-Къаддим Заллюм писал по сему поводу: «Письмо от 26 апреля 1920 года – это прежде всего своеобразный вызов истории, тринадцати войнам турок с Россией и враждебному настрою их к русским, о чем свидетельствует поговорка в Анатолии: “Если вода может иногда остановиться, то Россия не остановится никогда”.

Это письмо – маленький шедевр прагматизма и политического оппортунизма. Кемаль – не приверженец марксизма, хотя в его библиотеке чуть позже появится десяток книг, изданных турецкой коммунистической партией, в том числе две книги Ленина. Он не представлял, что такое “революционный характер коммунизма”, но зато быстро усвоил, какую пользу можно извлечь из антиимпериалистических выступлений большевиков.

Кемаль, впрочем, не питал никаких иллюзий относительно природы сближения с Москвой: “Быть большевиком – это одно, а вступить в соглашение с большевистской Россией – совершенно другое”»[77].

С 1919 г. Ленин и Троцкий были охвачены параноидальной идеей поднять Восток (то есть всю Азию) против Англии.

В секретном докладе от 5 августа 1919 г. Троцкий писал: «Международная обстановка складывается, по-видимому, так, что путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»[78].

Естественно, что привлечение Турции к разжиганию «мирового пожара» стало навязчивой идеей Владимира Ильича и Льва Давыдовича.

Поддержку Лениным Кемаля можно понять. За день до того, как Ататюрк писал письмо в Москву – 25 апреля 1920 г. – маршал Пилсудский начал генеральное наступление на широком фронте от Припяти до Днепра. «Великий русский патриот» и борец за единую и неделимую барон фон Врангель вступил в союз с паном Пилсудским и начал наступление на красных в Крыму. Остатки Черноморского флота находились в руках Врангеля. Единственной силой, которая могла выбить союзников из Проливов, была турецкая армия Мустафы Кемаля.

Осенью 1920 г. в Анкару поступило 200 кг золота из Советской

России. Позже поступило еще несколько таких «посылок». Во второй половине 1920 г. большевики поставили Кемалю 6 тысяч винтовок, 5 млн. патронов, 17,6 тыс. артиллерийских снарядов. А в 1921 г. – 33 275 винтовок, 327 пулеметов, 58 млн. патронов, 54 орудия, 130 тыс. снарядов, 20 тыс. противогазов и т. д.

Армия Кемаля была в значительной степени вооружена русским оружием, как полученным от большевиков, так и захваченным в огромных арсеналах крепостей Карс и Александрополь.

17 сентября 1920 г. в Новороссийск пришла турецкая канонерская лодка «Айдин-Рейс», в 13 октября – вторая канонерка «Превези». Они пришли по личному приказанию Кемаля, спасаясь от англичан. 27 октября обе канонерки под названиями «Луч Востока» и «Восставший» были включены в состав Морских сил Черного моря, а 11 мая 1921 г. возвращены Турции.

Связь с Турцией в 1921–1922 гг. поддерживалась как советскими надводными кораблями, так и подводными лодками. Так, с июля 1920 г. по 9 февраля 1923 г. подводные лодки АГ-23, АГ-24 и АГ-25 совершили 17 секретных походов в порты Инебола и Самсун. Подлодки перевозили главным образом диппочту, советских эмиссаров и золото.

Заручившись поддержкой, кемалисты первым делом начали резать армян. 9 июня 1920 г. Кемаль двинул войска к границам Армении. Началась новая армяно-турецкая война.

29 сентября турки заняли Саракамыш, а затем Ардаган. Армяне могли несколько месяцев держаться в Карсе, но по неясным причинам не сделали этого. 30 октября турки заняли Карс и устроили там трехдневную резню. Турки взорвали бронзовый памятник русским солдатам работы скульптора Микешина. Был разграблен древний собор Архистратига Михаила. С 1921 г. службы там уже более не велись.

7 ноября пал Александрополь. Турки шли на Ереван. 18 ноября Армения вынуждена была пойти на перемирие. Согласно официальным советским источникам, 29 ноября в Армении объявился какой-то «Ревком» под руководством Касьяна (настоящая фамилия Тер-Каспарянц). На самом деле оный Касьян в ноябре 1920 г. был членом заграничного бюро ЦК КП(б) Армении, а сам Ревком был «за границей». Первым делом Ревком призвал Красную Армию на помощь «крестьян, поднявших знамя восстания». Красная армия оперативно вошла в Армению и привезла с собой «ревком» в полном составе. 29–30 ноября в Армении была установлена советская власть. А 2 декабря Ленин дал телеграмму Председателю Ревкома Касьяну: «Приветствую в лице вас освобожденную

от гнета империализма трудовую Советскую Армению. Не сомневаюсь, что вы приложите все усилия для установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана»[79]. Видимо, болезнь вождя начала прогрессировать.

Ввод Красной Армии в Армению советская историография рассматривала как интернациональную помощь трудящимся Армении, но одновременно это была и серьезная помощь правительству Мустафы Кемаля. Ведь, несмотря на отступление, армянская армия представляла серьезную угрозу режиму в Анкаре.

А между тем уступки, сделанные Франции в Европе, помогли Англии на время урегулировать в своих интересах ближневосточные проблемы.

10 августа 1920 г. в городе Севре между Англией, Францией, Италией, Японией, Арменией, Бельгией, Грецией, Геджасом, Польшей, Португалией, Румынией, Чехословакией и Югославией с одной стороны и Турцией с другой был подписан договор, по которому территория Турции сокращалась до четырех пятых. Султанской столицей Турции оставался Константинополь. Но если Турция уклонится от лояльного соблюдения условий договора, союзники оставляли за собой право пересмотреть это решение. Судоходство в Проливах по договору становилось открытым для всех военных и торговых судов без различия флага, как в мирное, так и в военное время. Для выполнения этого условия создавалась Комиссия Проливов, в которую вошли по одному представителю, располагавшему двумя голосами, от США, когда они того пожелают, Англии, Франции, Италии, Японии и России, когда они станут членами Лиги наций, и по одному представителю с одним голосом от Греции, Румынии, Болгарии и Турции, когда два последних государства станут членами Лиги наций. Комиссия Проливов имела полную независимость от местной власти, имела свой флаг и свою полицию.

Турция обязывалась выдать победителям весь свой флот за исключением 6 миноносцев и 7 канонерок. На канонерках разрешалось иметь по два орудия калибром до 76 мм и по два пулемета; на миноносцах – по одному орудию до 76 мм, а торпедные аппараты надо было снять. Через 20 лет службы эти корабли разрешалось заменить на новые (миноносцы – сторожевыми кораблями). При этом водоизмещение новых канонерок не должно было превышать 600 т, а сторожевиков – 100 т. Запрещалось строительство или покупка любых других надводных кораблей и подводных лодок. Вспомогательные суда предписывалось разоружить. Команды разрешалось набирать исключительно из добровольцев.

Режим капитуляций оставался в неприкосновенности. По договору Турции запрещалось сдавать концессии без разрешения особой финансовой комиссии союзников.

Военные силы Турции не должны были превышать 50 тыс. человек, включая штабы и офицеров. Численность жандармерии ограничивалась 35 тысячами. Количество иностранных офицеров в ее составе не должно было превышать 15 % турецкого офицерского состава.

Все укрепления в районе Проливов и островов подлежали срытию. Остальные турецкие укрепления разрешалось сохранить лишь при условии их полного разоружения.

Турция обязывалась признать самостоятельность армянского государства, предоставив ему выход к морю.

Город Смирна и принадлежавшая ему территория формально оставались под суверенитетом Турции, но Турция обзывалась передать Греции осуществление своих прав над этими территориями.

В тот же день, 10 августа 1920 г., между союзниками и присоединившимся к ним странами в Севре было заключено несколько договоров: о передаче некоторых турецких территорий отдельным государствам, о разделе сфер влияния в Анатолии между Англией, Францией и Италией и о совместной эксплуатации всех железных дорог бывшей Оттоманской империи.

Правительство султана Мехмеда VI подписывает этот договор, а Кемаль отвергает его. Он предлагает передать вопрос о Проливах конференции причерноморских государств.

Лондон и Париж быстро поняли, что заставить правительство в Анкаре подписать Севрский договор можно только силой. Они были готовы в любой момент пустить в ход 12–15-дюймовые пушки своих линкоров, но о посылке пехотных частей на полномасштабную войну не могло идти и речи. Любопытно, что после подписания Севрского мира генералы Антанты заявили, что понадобится не менее 20 дивизий, чтобы соблюсти условия договора. И тут пригодились греки. С помощью английских кораблей греки с 22 июня по 11 июля 1920 г. высадили несколько десантов на восточном берегу Мраморного моря. В течение 18 дней греки занимают порт Пандерма (Бандирма), древнюю турецкую столицу Бурсу, Балыкесир, Ушан в 200 км восточнее Смирны и Эксишехир в 200 км от Анкары. Итог наступления впечатляет: 4500 пленных, сотни пушек, а также репутация «дьявольских солдат».

Любопытна реакция министра юстиции султанского правительства на греческое наступление:

«Журналист. Наше правительство будет протестовать против наступления греков?

Министр. Наше правительство официально вынесло смертный приговор Мустафе Кемалю. Мы объявили его предателем родины и халифата… Почему мы должны протестовать против этого наступления, которое пришло нам на помощь?

Журналист. Встретит ли это наступление достойное сопротивление?

Министр. Нет, в армии Мустафы Кемаля отсутствуют должная дисциплина и организация, она состоит из рецидивистов и разбойников.

Журналист. Как долго продлится это наступление? Министр. Я не солдат. Но я уверен, что греческая армия будет действовать быстро и решительно и через несколько недель окажется у стен Анкары»[80].

Любопытно, что еще 18 июня 1920 г. генерал Вильсон записал в своем дневнике: «Нам необходима помощь греков, но все это закончится войной с Турцией и Россией и нашим вынужденным уходом из Константинополя».

Увы, Италия была не в восторге от греческой интервенции, поскольку имела претензии на турецкие острова в Эгейском море и ряд территорий на полуострове Малая Азия, включая район Смирны. Чтобы насолить конкурентам, итальянцы даже потихоньку поставляют оружие Кемалю. Анатолийское агентство нуждается в ретрансляции своих новостей по Европе? Никаких проблем, итальянское агентство в их распоряжении.

А пока премьер Венизелос вмешивается в свару между султаном и Кемалем, 27-летний греческий король Александр I 30 сентября 1920 г. у себя в саду вмешивается в драку своих любимцев – собачки и обезьянки. Обезьяна цапнула короля, и 25 октября Александр I умер от заражения крови.

Смерть глупого монарха ничего не меняла, но стала поводом для требований возвращения на престол его отца. Противники Венизелоса развернули активную кампанию за возвращение из изгнания короля Константина. 14 ноября 1920 г. были, наконец, объявлены результаты выборов: партия Венизелоса потерпела страшное поражение – из 370 мест они получили всего 120.

Венизелос недооценил народное недовольство слишком дорогой ценой греческих побед. Недостаток продовольствия, высокие налоги и многочисленные мобилизации отвратили простых людей Греции от некогда популярного премьера. А длительное пребывание у власти сторонников венизелистов породило целую армию недовольных чиновников, армейских офицеров и служащих. Все эти люди видели единственный способ вернуть себе работу и общественное положение в свержении существующего

режима.

Новое правительство, придя к власти, почти не интересовалось ходом войны в Малой Азии. Его волновало лишь быстрейшее обогащение, да месть своим политическим противникам. Теперь настала очередь венизелистов страдать за свои убеждения. Все сторонники Венизелоса в местном самоуправлении, в судопроизводстве, образовании, да просто мелкие служащие были безжалостно изгнаны со своих мест. Сам Венизелос эмигрировал в Ниццу. По всей Греции происходили ожесточенные стычки между его последователями и роялистами. В армии же офицеры, ранее уволенные венизелистами, вернулись на свои посты. Все это создавало путаницу, нескончаемые обиды и заговоры в рядах малоазийских подразделений.

Не спрашивая мнения великих держав, греки провели в стране референдум по вопросу о возвращении короля Константина. Народ проголосовал «за», и в декабре 1920 г. Константин вернулся в Грецию.

Отставка Венизелоса нанесла серьезный ущерб стране на международной арене. Во Франции еще свежи были воспоминания о расстреле французских моряков в 1916 г., что погасило всякое желание французов помогать грекам. Новое правительство, подобно Венизелосу, решило восстановить свое положение за счет разрешения на ввод греческого флота в Черное море. Два линкора – «Килкис» и «Лемнос», два крейсера и 13 эсминцев и миноносцев. Греческие корабли устроили блокаду анатолийского побережья для предотвращения контрабандного провоза оружия кемалистам, осуществляемого различными европейскими фирмами и большевиками. Однако последние с успехом доставляли оружие сухопутным путем, а отдельные грузы, как уже говорилось, – подводными лодками.

Согласно плану греческого командования, 1-я Северная армия при поддержке флота должна была овладеть черноморским побережьем Анатолии. А затем, повернув на юг, наступать на Анкару двумя колоннами: главная – от Бурсы и вспомогательная – от Гемлика, от реки Сакарья. У Эскишехира правое крыло 1-й армии должно было войти в прочную связь с левым флангом 2-й Южной армии.

2-я Южная армия, закрывая туркам южные обходные пути на Айдин – Смирну и подавляя партизанское движение в своем районе, должна была своими главными силами наступать на Анкару, охватывая левый фланг турок и ища тесного сближения с 1-й Северной армией на равнинах у Эскишехира, где планировалось дать туркам генеральное сражение. Первым этапом этого наступления должен был стать город Афьон-

Карагиссар.

16 июля 1921 г. турецкая армия проиграла сражение у Эскишехира, и в конце июля греки заняли город. В тылу же турки несли потери от греческой авиации. Турки отходили к Анкаре, постоянно оказывая упорное сопротивление грекам. На арьергардной позиции у Сминдигози цент турецкой армии держался трое суток, дав флангам отойти за линию своего фронта. Бардак в тылу задержал наступление греков, и в конце июля 1921 г. они были вынуждены остановиться. Это дало турецкой армии передышку. Фронт ее уже тянулся от полуострова Измита (позиции на реке Сакарьи) через середину расстояния от линии Эскишехир – Афьон-Карагиссар до Анкары. Фронт не представлял собой сплошной линии, и в разрывы периодически в прорывалась греческая конница.

Только к середине августа греком удалось привести в порядок свои тылы и пополнить запасы продовольствия, что дало им возможность снова двинуться на Анкару.

Генеральное сражение длилось две недели на разделе реки Сакарьи. К 13 сентября 1921 г. греческие войска потерпели поражение и начали отступление. 19 сентября Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) присваивает Мустафе Кемалю титул гази.

Между тем Париж, интригуя против Лондона, уже весной 1921 г. начинает тайные переговоры с Анкарой. 20 октября 1921 г. Франция, невзирая на протесты и угрозы Англии, заключила с Кемалем сепаратный договор, в котором скрупулезно предусмотрела обеспечение своих интересов. По этому договору состояние войны между Францией и Турцией прекращалось, производилось освобождение военнопленных и заключенных, войска обеих сторон отводились за определенную договором линию. Для Александреттской области устанавливался особой административный район с турецким языком как официальным. Пограничная линия между Турцией и Сирией устанавливалась по параллели от Александреттского залива до реки Тигра. Франции предоставлялась концессия на участок Багдадской железной дороги Бозанти – Нусейбан и на железнодорожные ветки в Аданском вилайете.

Этот договор Англия и Италия встретили «в штыки». Британская газета «Дейли Телеграф» 14 ноября 1921 г. писала: «Начало выполнения единоличного захвата Францией трехсторонней зоны, уже заложенное франко-кемалистским договором, заставляет британское правительство не признать его». Далее оспаривалась «законность» передачи Турции Киликии, которая была оккупирована французами только от имени Франции, а не от имени союзников.

Обеспокоилась и Москва. Сталин вызвал в Кремль турецкого посла Кремле Али Фуада, долго беседовал с ним и, наконец, спросил: «“В конце концов, каков истинный смысл этого франко-турецкого соглашения, которое так обеспокоило всех нас?” – “Подлинное значение соглашения с Францией – это заинтересованность в том, чтобы разделить наших двух могущественных врагов…” – ответил посол Анкары.

Сталин только усмехнулся в ответ: не он ли объяснял Фуаду семью месяцами ранее, что цель коммерческого договора, подписанного Москвой и Лондоном, – расколоть капиталистический фронт между Францией, США и Великобританией? Фуад добавил: “Мы знаем, что французы продолжают враждебно относиться к вам, но, зная, что они не могут ничего предпринять против вас при нашем посредничестве, они не делают никаких предложений на эту тему”.

Сталин и Фуад поняли друг друга. Затем они стали обсуждать другие вопросы, в том числе и вопрос об Энверпаше и о помощи, которую Турция просит у Москвы. “Энвер-паша – наш друг, он пользуется уважением в мусульманском мире”, – подтверждает Сталин. Когда Энвер покинет Батум и направится в Бухару, правительство большевиков будет считать, что им удалось убить одним выстрелом двух зайцев: его удаление от Анатолии успокоит Кемаля, а его авторитет в мусульманском мире сможет убедить мятежников Бухары присоединиться к большевикам. Энвер, таким образом, станет второй жертвой победителя на Сакарье, но заставит большевиков дорого заплатить за то, что они предпочли Кемаля.

По мнению Энвера, Бухара и ее окрестности, Ташкент, Самарканд, Хива, вершины Памира, этот регион Центральной Азии – тюркская земля, часть легендарного Турана, дорогого сердцу Энвера. “Это не русская территория, а подлинно тюркская!” – взволнованно восклицает Энвер. На следующий день после прибытия в Бухару он с горсткой соратников отправляется в горы, якобы на охоту, и присоединяется к басмачам»[81].

В августе 1922 г. турецкая армия перешла в наступление. Греческая армия медленно отходила вдоль железной дороги по направлению на Ушаку. А после Ушаки греческое отступление уже больше напоминало паническое бегство. 30 августа в сражении при Домлу-Пунаре турки окончательно разгромили греков.

«9 сентября 1922 г. в Смирну вступила турецкая армия во главе с Мустафой Кемалем. Кемаль торжественно объявил, что каждый турецкий солдат, причинивший вред гражданскому населению, будет расстрелян. По свидетельству американского консула Джорджа Хортона, 9 сентября, когда в город вступили турки, прошло относительно спокойно: еще утром в

городе поддерживала порядок греческая жандармерия, которая передала свои функции вступившим турецким войскам. Однако вечером начались грабежи и убийства, в которых активное участие принимали местные мусульмане и партизаны. Затем турки оцепили армянский квартал и приступили к систематическому истреблению армян.

13 сентября турецкие солдаты облили бензином и подожгли множество зданий в армянском квартале, выждав время, когда дул сильный ветер со стороны мусульманского квартала. Затем они стали обливать бензином и другие места в христианско-европейской части (в частности перед американским консульством). Резня и пожар шли по всему городу и сопровождались зверскими истязаниями: так, девушкам после многократных изнасилований отрезали груди. Спасаясь от пожара, большинство христианских жителей столпилось на набережной. Турецкие солдаты оцепили набережную, оставив беженцев без пищи и воды. Многие умирали от голода и жажды, иные кончали с собой, кинувшись в море. Чтобы заглушить крики погибающих христиан, постоянно играл турецкий военный оркестр. Все это происходило на виду военного флота союзников, который стоял в гавани, не вмешиваясь.

Среди убитых турками был митрополит Хризостом Смирнский. Хризостом, отказавшийся покинуть город, был выдан на растерзание турецкой толпе командующим Нуреддин-пашой. Его избивали, тыкали ножами, вырвали ему бороду, выкололи глаза, отрезали уши и нос, пока он не умер (по другим сведениям был пристрелен из жалости неким критским турком). Все это происходило на глазах французских солдат, которым командир запретил вмешиваться. Впоследствии Хризостом был причислен к лику святых. Из двух сопровождавших Хризостома старост один был повешен, другого же турки умертвили, привязав за ноги к автомобилю и таская по центру Смирны.

Турки сначала перекрыли гавань Смирны военными кораблями, однако затем, под давлением западных держав, разрешили эвакуацию населения города, кроме мужчин от 17 до 45 (по другим источникам от 15 до 50) лет, которых объявляли интернированными и подлежащими депортации во внутренние области на принудительные работы, “что было расценено как приговор к пожизненному рабству у жестоких владельцев, заканчивающемуся таинственной смертью”. Срок на эвакуацию давался до 30 сентября. После этого дня все оставшиеся также подлежали депортации на принудительные работы.

Несмотря на то, что в гавани было много судов разных союзных держав, большинство судов, сославшись на нейтралитет, не стали забирать

греков и армян, вынужденных спасаться от огня и турецких войск. В организации эвакуации большую роль сыграл американский пастор, сотрудник организации ИМКА Аса Дженнингс. Именно благодаря его стараниям 23 сентября 1922 г. в порт под охраной американских судов прибыла наскоро собранная греческая флотилия. Японские корабли выбрасывали весь свой груз, чтобы принять на борт как можно больше беженцев. Непосредственно после резни было зарегистрировано около 400 000 беженцев из Смирны, получавших помощь Красного Креста»[82].

Турки далеко перешли объявленную Севрским договором и охраняемую англичанами нейтральную зону у Проливов. Национальное собрание на угрозы англичан отвечало решительными нотами, требуя немедленного очищения и передачи ему Восточной Фракии и ухода союзных войск из зоны Проливов. Только после выполнения этих условия Национальное собрание соглашалось на переговоры, но англичане не соглашались на проход турок через Проливы.

Между турецкими и греческими войсками установилось перемирие. Во Фракии греческие части уводились за реку Марицу. Правый берег Марицы, включая Карагач, союзники оккупировали вплоть до заключения мира. Административная власть во Фракии передавалась туркам не позже, чем через 30 дней. Турки получали право содержаться в Восточной Фракии свою жандармерию, численность которой не должна превышать 8 тыс. человек. Турция обязывалась не перевозить войска, не производить наборы и не содержать военных сил в Восточной Фракии до заключения и ратификации мирного договора. Союзные войска оставались вплоть до решения мирной конференции в тех местах, где были расквартированы. Вдоль Проливов на азиатской стороне устанавливалась запретная для турецких войск зона.

Разгром греческой армии на анатолийском фронте привел к государственному перевороту в Греции. Король Константин отрекся от престола и уехал в Италию. Новым королем стал его старший сын Георг II. Главнокомандующий армией и пять министров были арестованы и казнены. 13 октября 1922 г. Греция присоединилась к Муданийскому перемирию.

В Англии поражение греков также вызвало правительственный кризис. 19 октября 1922 г. Ллойд Джордж подал в отставку. На новых выборах в Парламент консерваторы получили 350 мандатов, а на смену коалиционному кабинету Ллойда Джорджа 23 октября пришло консервативное правительство Бонара Лоу. Новым министром иностранных дел стал лорд Керзон.

20 ноября 1922 г. в казино в Лозанне открылась конференция, на которой Англию представлял лорд Керзон, Францию – Пуанкаре, а Италию – Муссолини. На конференции присутствовали также делегаты от Японии, Турции, Греции, Югославии, Болгарии и Румынии. США в ней участия не принимали, но прислали пятерых представителей в качестве «наблюдателей».

В конце ноября в Лозанну приехала советская делегация во главе с наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным и сразу же потребовала допустить ее к решению всех вопросов Лозаннской конференции. Как писала европейская пресса, присутствие советской делегации поддерживало сопротивление турок. 3 декабря в беседе с корреспондентом американской газеты «Chicago Tribune» представитель турецкой делегации от имени Исмет-паши заявил, что сами турки будут присутствовать на заседании чуть ли не в роли наблюдателей, а активное наступление в вопросе о Проливах поведут русские.

4 декабря на заседании Комиссии по Проливам выступил глава советской делегации Чичерин. Приветствуя созыв Лозаннской конференции, имеющей целью установление мира на Ближнем Востоке, он отметил, что делегация России, Украины и Грузии, к сожалению, не была допущена к участию во всех комиссиях конференции. Далее Чичерин заявил, что советская делегация будет стремиться осуществить следующее: «1) равенство положения и прав России и ее союзников с положением и правами других держав и 2) сохранение мира и безопасности территорий России и союзных с нею республик, равно как свобода их экономических сношений с другими странами»[83].

Затем Чичерин, оставив за собой право подвергнуть рассмотрению все проекты о Проливах, наложил основой рескрипт советской программы: «Постоянная свобода торгового мореплавания и мирных морских сообщений в Босфоре, в Мраморном море и в Дарданеллах должна быть обеспечена абсолютно и без какого-либо ограничения. Сохранение мира на Черном море и безопасность его берегов, равно как и сохранение мира на Ближнем Востоке и безопасность Константинополя должны быть прочно гарантированы, а это означает, что Дарданеллы и Босфор как в мирное время, так и в военное должны быть постоянно закрыты для военных и вооруженных судов, а также для военных летательных аппаратов всех стран, за исключением Турции»[84].

Глава 14
Пантюркизм – угроза существованию России

Как уже говорилось, еще младотурки выдвинули идеи пантюркизма. Однако из-за ослабления Турции в 1920– 1940-х годах эти идеи оказались замороженными.

С вступлением Турции в НАТО в 1952 г. Анкара постепенно стала возвращаться к идеям младотурок. В США всерьез не верили в возможность создания Великого Турана, но были не против использовать пантюркизм в качестве инструмента для подрыва национального единства СССР.

Формально сторонники пантюркизма постоянно твердят, что идеология культурной интеграции тюркоязычных народов не несет и не может нести в себе никакой угрозы для остальных участников мирового политического процесса. А негативное восприятие пантюркизма связано исключительно с историческими предрассудками против тюрок. Однако современные последователи идеологии единства между тюркскими народами во всем мире явно лукавят. Геноцид 1915–1923 гг., проводимый младотурками под знаменами пантюркизма, о котором армяне точно не забудут, ставит под большой вопрос всю безобидность пантюркизма как политико-идеологического течения.

Идея всеобщего тюркского объединения всегда вызывала опасения в столицах тех стран, которые граничат с тюркскими государствами, а также тех, где есть тюркские меньшинства. Россия, Китай, Иран, Болгария, Греция и Афганистан имеют значительное количество тюркских меньшинств, и они будут рассматривать всякое движение к единению тюрок как угрозу их территориальной целостности. Россия и Запад всегда относились с подозрением к турецкому экспансионизму.

Кого же хотят объединить турки? Это во-первых, территории стран с языком, принадлежащим к тюркской группе, в качестве официального: Азербайджан, Северный Кипр, Казахстан, Киргизия, Турция, Туркменистан, Узбекистан, Каракалпакстан (суверенная республика в составе Узбекистана согласно ст. 70 «Конституции Республики Узбекистан»)

Во-вторых, территории автономных областей с языком,

принадлежащим к тюркской группе, в качестве официального: Синьцзян-Уйгурский (Уйгурский) автономный район Китая, Или-Казахский автономный округ, БаркёльКазахский автономный уезд, Моры-Казахский автономный уезд, Кызылсу-Киргизский автономный округ, Аксай-Казахский автономный уезд, Сюньхуа-Саларский автономный уезд, Цзишишань-Баоань-Дунсян-Саларский автономный уезд, Республика Алтай, Республика Дагестан, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Хакасия, Республика Саха, Республика Татарстан, Республика Тыва.

В-третьих, территории областей с языком, принадлежащим к тюркской группе, на котором говорит большинство населения: иранская провинция Западный Азербайджан, иранская провинция Восточный Азербайджан, иранский город Ардебиль, иранская провинция Зенджан, монгольская провинция Баян-Улгий.

В-четвертых, территории областей с языком, принадлежащим к тюркской группе, на котором говорит меньшинство населения, но не менее 50 000 человек: Афганистан, Босния, Болгария, Грузия, Греция, Ирак, Македония, Румыния, Сирия, Таджикистан, Украина[85].

С развалом СССР Анкара начала претворять идеи пантюркизма в жизнь. Именно благодаря Турции возник и до сих пор не погас конфликт между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе. С началом боевых действий Турция начала наземную и воздушную блокаду Армении. Одновременно Турция осуществляла поставки оружия Азербайджану. В Карабах отправлялись турецкие «добровольцы».

ВВС Турции регулярно нарушают воздушное пространство Армении. Последний раз нарушения происходили 6 и 7 октября 2015 г., когда турецкие вертолеты от 2-х до 4-х минут находились в воздушном пространстве западной Армении.

20 июля 1975 г. Турция с моря высадила на Северном Кипре 3 тысячи солдат, и уже утром следующего дня они захватили город Кирению. Так Анкара начала операцию «Атилла». Через неделю на острове уже находилось 30 тысяч турецких солдат, 240 танков и 400 бронетранспортеров.

В итоге турецкая армия сумела захватить весь Северный Кипр. Свыше 200 тысяч греков-киприотов были вынуждены бежать из своих домов. А взамен их из Турции на остров начали массово переселяться лица тюркской национальности.

В 1975 г. на оккупированных турками территориях появилось

самопровозглашенное Турецкой Федеративное Государство Кипр. Через 8 лет Анкара переименовала его в Турецкую Республику Северный Кипр. Тем не менее, оное государство не признано ни одной страной в мире, разумеется, кроме самой Турции.

В ходе обеих Чеченских войн Турция поставляла чеченским боевикам оружие, боеприпасы и продовольствие. В Турции обучались и лечились чеченские террористы.

Сильнейший удар по пантюркизму нанесло создание в 1994 г. организации «Договор о коллективной безопасности», членами которой стали и два тюркских государства – Казахстан и Кыргызстан, а также исламский Таджикистан. Туркменистан стремится к внешнеполитическому нейтралитету.

Обратим внимание, что объектом притязаний пантюркистов стала даже Чувашия, где количество мусульман не превышает 2–3 процента.

Так, один из лидеров национального движения в Чувашии, представляющий в 1996 г. интересы Чувашского национального конгресса на форуме тюркских народов в Турции, сказал: «К независимости следует идти только путем единства, мы должны стремиться к единству языка, религии, мнений и дел, единству государства, армии и флага. А как мы будем объединяться? Очень просто. Будем общаться на турецком языке. Как выучили русский язык, так же выучим турецкий. Другой альтернативы нет. Либо продолжать быть порабощенными, либо идти к независимости».

Далее было заявлено: «Пока в России неразбериха, мы должны активно работать в Башкортостане, Татарстане, Чувашстане, чтобы использовать ситуацию в интересах Турции»[86].

Под предложением культурного и религиозного сотрудничества Турция наводнила Поволжье, Северный Кавказ и Крым своими преподавателями, проповедниками и литературой.

Большинство мечетей Крыма построены на турецкие деньги, а практически все татарские школы на полуострове имеют турецкие учебники и финансируются Турцией.

Гражданская война в Сирии и создания Исламского халифата на территории Ирака и Сирии стали буквально «манной небесной» для Анкары.

В 2011 году гражданская война была навязана Сирии извне. Без вмешательства США, Саудовской Аравии и государств Персидского залива о войне не могло идти и речи.

Главная причина вмешательства США – независимая политика Башара Асада и желание поставить все государства Ближнего Востока под

американский контроль.

Противники президента Башара Асада, финансируемые и поддерживаемые США и Саудовской Аравией, действовали по традиционной схеме – демонстрации «мирного населения», а затем вооруженные нападения на полицию и войска. И если на майдане в Киеве между началом мирных протестов и стрельбой прошло три месяца, то в Дамаске и городе Дераа демонстрации начались 15–20 марта 2011 г., а уже 23 марта «мирные демонстранты» открыли огонь. Интересующихся подробностями гражданской войны в Сирии я отправляю к моей книге «Битва за Сирию».

29 июля 2011 г. в Турции было заявлено о создании Свободной армии Сирии. Она возникла в результате перехода 7 офицеров сирийских вооруженных сил под руководством полковника Рияда Асада на сторону оппозиции. Было выпущено видеообращение, призывавшее сирийских военных переходить на сторону оппозиции.

Некоторое время параллельно с ССА существовала другая структура – «Движение свободных офицеров». Но после того как его основатель подполковник Хусейн Хармуш был похищен в Турции сотрудниками сирийских спецслужб, две группировки приняли решение о слиянии. Об этом было объявлено 23 сентября 2011 г.

«2 октября 2011 г. в Стамбуле был создан Сирийский национальный совет (СНС). Непосредственно за его учреждением стояли Париж и Доха, однако этот шаг поддерживался большинством “друзей Сирии”. СНС объединил представителей исламистского движения“ Братья мусульмане”, а также базировавшихся на Западе “правозащитников” (гражданку Франции Б. Кодмани, гражданина США Р. Зияде, гражданина Великобритании А. Монаджед и т. д.). Все эти “активисты” работали или были тесно связаны с крупными англо-саксонскими фондами, специализирующимися на“ демократии и правах человека”, которые еще с 2006 г. начали массированную кампанию с бюджетом в сотни миллионов долларов по “продвижению демократических стандартов в Сирии”. Это “Совет по международным отношениям”, “Американский институт мира”, “Движение за справедливость и развитие”, “Совет по демократии”, “Общество Генри Джексона”, британские “Чатэм-хаус” и “Центр стратегических исследований и коммуникаций”, а также СМИ, оказывавшие поддержку антиправительственным силам, как, например, базировавшийся в Лондоне канал “Барада”»[87].

13 июня 2012 г. заместитель генсека ООН по миротворческим операциям Эрве Ладсу признал, что в Сирии идет гражданская война, 14

июня это признал и Международный комитет Красного Креста.

19 ноября 2012 г. министры иностранных дел 27 стран Евросоюза объявили о признании Национальной коалиции «законными представителями чаяний сирийского народа».

Повстанцы, воюющие в Алеппо (14 суннитских радикальных исламистских группировок, в числе которых «Лива ат-Таухид» и «Фронт ан-Нусра»), отказались признать Национальную коалицию, «которая является результатом заговора».

28 ноября правительство Сирии опубликовало в газете «Al-Watan» имена 142 иностранных террористов из 18 стран, убитых на территории страны во время недавних боев в Хомсе, Алеппо и Дейр эз-Зур. В списке – 47 саудовцев, 27 ливийцев, 10 тунисцев, 9 египтян, 6 граждан Катара, 5 ливанцев, 11 афганцев, 5 турок, 3 чеченца, 1 гражданин Чада и 1 азербайджанец. Большинство принадлежат к сети «Аль-Каида», или присоединились к ней после того, как прибыли в Сирию.

10 января 2013 г. МИД Сирии направил послание в Совет Безопасности ООН, в котором уведомил международное сообщество о разграблении боевиками около 1000 фабрик и предприятий в Алеппо. Оборудование и товары были незаконно вывезены затем на территорию Турции. Постоянный представитель Сирии при ООН Башар Джафари сообщил, что на территорию Турции из города Алеппо были незаконно вывезены 1,5 тыс. единиц фармацевтического и промышленного оборудования и обвинил власти Турции в экономическом терроризме.

Турецкие разведывательные самолеты регулярно летали вдоль побережья Сирии, ведя радиотехническую разведку в интересах сирийских боевиков. 22 июня 2012 г. сирийская ПВО сбила турецкий разведчик RF-4E над Средиземным морем. По версии Дамаска он залетел в воздушное пространство Сирии, а по версии Анкары летал в нейтральных водах.

В ответ турки 15 марта 2013 г. сбили сирийский вертолет на сирийско-турецкой границе. Вертолет упал на сирийскую территорию в 400 м от границы. Два пилота катапультировались и успешно приземлились опять же на сирийской территории, но на земле были убиты боевиками «свободной сирийской армии». Дабы избежать подобных инцидентов, Сирия добровольно ввела безполетную 10-километровую зону на границе с Турцией.

В 2013 г. на территории Ирака и Сирии возникло Исламское Государство Ирака и Леванта. Фактически – это исламская суннитская террористическая организация.

29 июня 2014 г. ИГИЛ провозгласил себя «всемирным халифатом» со

столицей в сирийском городе Ракка. Халифом стал шейх Абу Бакр.

Помимо Сирии и Ирака, ИГИЛ или подконтрольные ему группировки также участвуют в боевых действиях в Афганистане, Пакистане, Ливии, Египте, Йемене и Нигерии.

К началу общая площадь контролируемой ИГИЛ территории оценивалась в 40–90 тыс. кв. км, а численность проживающего на ней населения, преимущественно состоящего из суннитов, – в 8 млн. человек.

В создании «исламского государства» принимала участие «Аль-Каида», которая посредством международного террориста Абу Мусаба аз-Заркави в начале 2006 г. организовала «Совещательное собрание моджахедов», к которой затем присоединились группировки «Джайш ат-Таифа аль-Мансура» («Армия победоносной общины»), «Джайш Ахлу-с-Сунна ва-ль-Джамаа» («Армия приверженцев Сунны и общины»), «Джайш аль-Фатихин» («Армия завоевателей») и «Джунд ас-Сахаба» («Войско сподвижников»), после чего 15 октября 2006 г. было заявлено о создании «Исламского государства Ирак» (ИГИ). Позже к этой организации примкнули мелкие исламистские группы, такие как «Ансар ат-Тавхид», «Аль-Гураба», «Исламский джихад», «Асаиб аль-Ахваль», «Джамаа аль-Мурабитин», «Ансар ат-Тавхид ва-с-Сунна», «Фурсан ат-Таухид», «Джунд Миллят аль-Ибрахим».

Первым лидером Исламского государства Ирак стал Абу Омар аль-Багдади.

Возникает резонный вопрос, как может существовать ИГИЛ на территории Ирака и Сирии и вести войну как с армиями обеих стран, так и с вооруженными формированиями курдов?

Несколько слов стоит сказать о судьбе курдов в начале XXI века. Точная численность их на сегодня неизвестна. Демографы полагают, что сейчас в Турции проживает 13–18 млн. курдов, в Ираке 6–8 млн., в Иране около 6,5 млн., в Сирии 1,7–2,2 млн. и, наконец, 800 тысяч курдов находятся в Германии.

В Иране после Второй мировой войны курды пытались создать свое государство, но потерпели поражение в боях с правительственной армией. До сих пор правительство Ирана отказывается давать даже автономию курдам. Однако в 1970-х годах Тегеран активно поддерживал иранских курдов в борьбе с Ираком.

Иран активно поддерживал борьбу Хафеза Асада с ИГИЛ и проамериканскими террористическими организациями, так называемой «умеренной оппозицией». На сентябрь 2015 г. в Сирии находилось не менее 15 тыс. иранских военнослужащих (в основном спецназ), которые

активно участвуют в боях на стороне правительственных войск. Однако Иран настороженно относится к созданию курдской автономии на севере Сирии.

В конце XX века сирийский президент Башар Асад и его сын Хафез Асад жестоко подавляли стремление сирийских курдов к автономии. Они хотели видеть Сирию унитарным государством с жесткой централизованной властью.

С началом гражданской войны сирийские курды несколько месяцев держали строжайший нейтралитет. Но в июле 2012 г. правительственные войска покинули район, населенный курдами, и туда хлынули банды «умеренных» и «неумеренных» террористов.

Курдам пришлось обороняться. В итоге курды с ноября 2012 г. ведут активные действия против всех бандитских оппозиций.

В 2013 г. президент Башар Асад согласился предоставить сирийским курдам автономию, но заявил: «Просто это надо сделать цивилизованным путем».

Между тем в соседнем Ираке курды получили автономию после свержения режима Саддама Хусейна в 2003 г. Согласно конституции Ирака, принятой в 2005 г., Иракский Курдистан имеет статус широкой автономии, то есть дефакто полунезависим. Новая конституция установила два официальных языка в Ираке – арабский и курдский.

Иракский Курдистан имеет свой собственный парламент, в котором 111 мест. До создания ИГИЛ Иракский Курдистан занимал площадь в 40 тыс. кв. км, где проживало 5,5 млн. человек.

Ну а главное – курды создали армию, насчитывающую около 90 тыс. солдат. Формально эта армия именуется ополчением пешмерга. На вооружении ее около 500 танков советского производства Т-72, Т-55 и ПТ-76, бронетранспортеры, боевые машины пехоты БМП-1, сотни орудий и т. д.

С июня 2014 г. пешмерга ведет ожесточенные бои с войсками ИГИЛ.

Летом 2014 г. американцам удалось сколотить против ИГИЛ огромную коалицию из 60 стран, большинство из которых воюют исключительно на бумаге. А остальные послали по несколько самолетов для воздушных ударов по террористам.

Замечу, что создание ИГИЛ до предела запутало ситуацию на Ближнем Востоке. В связи с этим США усилили свою военную помощь курдским ополченцам.

Американские транспортные самолеты С-130 регулярно сбрасывают с парашютами оружие и боеприпасы как курдским ополченцам, так и

боевикам «умеренной» оппозиции. Однако значительная часть сброшенных грузов попадает к террористам ИГИЛ.

Турция вроде бы входит в коалицию против ИГИЛ, но категорически против военной помощи курдам. Дело дошло до того, что летом 2015 г. турецкая авиация нанесла несколько ударов по позициям курдского ополчения на севере Сирии.

В 2014 г. – первой половине 2015 г. РФ постепенно наращивала свою помощь Сирии. В Сирии начали появляться и новейшие системы вооружения российского производства.

В 2012 г. сирийских боевиков стали именовать «интернационалом снайперов». У них собрались первоклассные стрелки из десятков стран Азии и Европы. Они были вооружены как обычными, так и крупнокалиберными снайперскими винтовками, которых не было у правительственных войск. «Интернационал снайперов» нанес серьезный ущерб сирийской армии.

Поэтому в начале 2013 г. сирийское правительство закупило у «Рособоронэкспорта» сотню 12,7-мм снайперских винтовок ОСВ-96 «Взломщик». Прицельная дальность их – 1800 м. Позже в Сирию поступило еще несколько сотен таких винтовок. Мало того, там оказалось и несколько десятков снайперов «славянской внешности». 12,7-мм винтовки ОСВ-96 и снайперы (как говорят на дамасском базаре, из спецназа ГРУ) нанесли существенные потери «интернационалу снайперов».

В августе 2015 г. в Сирии были замечены БТР-82А. Это последняя модификация БТР-80, оснащенная 30-мм автоматической пушкой 2А72, более мощным дизелем и даже имеющая кондиционер для удобства личного состава.

В феврале 2014 г. по боевикам впервые был нанесен удар из 300-мм РСЗО «Смерч». Дальность стрельбы комплекса – от 20 до 120 км. «Смерч» может вести огонь осколочно-фугасными, кассетными противопехотными, кассетными кумулятивно-осколочными снарядами, а также снарядом 9Н539 для дистанционной постановки мин.

С середины 2015 г. в Сирии действуют установки ТОС-1А «Солнцепек». В состав ТОС входит боевая машина БМ-1, оснащенная 24 трубчатыми направляющими калибра 220 мм. БМ-1 создана на шасси танка Т-72. Дальность стрельбы от 3600 м до 6000 м, площадь поражения залпом от 1000 до 2000 кв. м.

Ракеты имеют термобарические или зажигательные боевые части. По сообщениям СМИ, «Солнцепек» приводит в ужас террористов. Им не удается выжить даже в подземных укрытиях после, поскольку

термобарические боевые части сжигают кислород воздуха.

Зачем Россия послала свои ВВС в Сирию?

1. Политический фактор – по просьбе законного сирийского правительства, которое уже более полувека является надежным союзником нашей страны.

В Сирии есть единственная российская военно-морская база за рубежом – Тартус. В 1960–1980-х годах в Сирии постоянно базировались наши самолеты-разведчики Ту-16Р и Ан-12РБ, осуществлявшие полеты над Средиземным морем. МиГ-25 в 1971 г. летали над Израилем.

2. Появление российских самолетов в Сирии поставило крест на планах США и Турции в создании «бесполетной зоны над Сирией». Весь мир хорошо помнит, как США и НАТО создали бесполетные зоны над Ливией, подвергнув ее массированным бомбардировкам, и, в конце концов, развалили Ливию как государство.

3. Главная же цель России – остановить ИГИЛ, пока его группировки не появились в Средней Азии и РФ.

4. Боевые действия в Сирии фактически являются войсковыми испытаниями самолетов, бомб и радиоэлектронного вооружения. Причем, на уровне, невозможном на российских полигонах.

Действия российской авиации дали возможность сирийской армии перейти в решительное наступление. Появилась реальная возможность ликвидировать ИГИЛ в течение ближайших недель в случае активных и хорошо скоординированных действий Российских ВКС, сирийских войск, курдского ополчения, а также вооруженных сил Ирака и Ирана.

Помимо ударов по военным объектам необходимы удары по нефтяным объектам ИГИЛ и трафику нефти в Турцию и Иорданию.

В Интернете имеются материалы, где говорится о том, что в Сирию в конце 2014 г. – начале 2015 г. прибыли отряды из РФ и Новороссии, принадлежащие частным военным компаниям. Официальных подтверждений Москвы по сему поводу нет.

Рассказ о прямом участии РФ в сирийской войне я начну с официальных сообщений.

30 сентября 2015 г. Совет Федерации дал согласие президенту на применение Вооруженных сил РФ в Сирии, и буквально в этот же день началась военная операция.

Через три недели Владимир Путин заявил об успехе воздушной операции ВКС в Сирии:

«Действуя с воздуха и моря по заранее согласованным с сирийцами целям, наши военнослужащие добились внушительных результатов.

Уничтожены десятки пунктов управления и складов с боеприпасами, сотни террористов и большое количество боевой техники. При этом мы неизменно выступаем за формирование максимально широкой коалиции по противодействию экстремистам и террористам».

Военные итоги:

За три недели воздушной операции ВКС РФ в Сирии боевики понесли существенные потери. Основываясь на ежедневных отчетах Министерства обороны России, можно утверждать, что нашими войсками было совершено около 878 боевых вылета и запущено 26 крылатых ракет системы «Калибр-НК», в результате чего был поражен 751 объект.

24 октября начальник Главного оперативного управления Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник Андрей Картаполов провел брифинг для российских и зарубежных журналистов:

«Прошедшую неделю авиация ВКС России продолжала нанесение ударов по объектам террористической инфраструктуры организации ИГИЛ и “Джибгат ан-Нусра” на территории Сирийской Арабской Республики. Одновременно вооруженные силы Сирии продолжали вести наступательные действия, освобождая все новые и новые населенные пункты. Всего с начала применения совершено 934 боевых вылета, в которых уничтожено 819 объектов террористов. Только за прошедшую неделю уничтожено 363 объекта, в том числе 71 командный пункт и узел связи, 10 заводов и мастерских по производству взрывчатки, 30 различных складов горюче-смазочных материалов, боеприпасов и имущества, 252 опорных пункта, укрепленных района и полевых лагеря террористов.

В результате ударов российской авиации основные силы террористических группировок, состоявшие из наиболее подготовленных боевиков, утратили свою боеспособность. Нарушена система управления и снабжения бандформирований, террористы испытывают острую нужду в боеприпасах, оружии и топливе.

В ходе боев сирийских войск в южных пригородах Алеппо получил тяжелое ранение лидер действовавшего там бандформирования“ Аль-Валид” так называемый“ Шейх Ахмад”. А сама бандгруппа была полностью разгромлена.

Одной из основных проблем боевиков остается массовое дезертирство с позиций не только в тыловые районы, но и за пределы Сирии, в том числе на территорию Турции и Иордании. Полевые командиры группировки “Джибгатан-Нусра” экстренно пытаются перебросить на передовую дополнительные силы, поскольку формирования ИГИЛ оставляют занимаемые позиции и отходят в восточном направлении.

Из-за больших потерь руководству ИГИЛ приходится перебрасывать в Сирию новые силы из Ирака. Полевые командиры на подконтрольной территории вынуждены ставить по ружье поголовно всех. В ходе объявленной ими мобилизации призываются подростки в возрасте от 12 лет. Однако из-за страха эти новобранцы бросают оружие и массово оставляют свои позиции. Нам известно, что отдельные главари бандформирований в провинции Алеппо, пытаясь остановить бегство новобранцев, создают из наиболее преданных боевиков заградительные отряды. А отдельные полевые командиры начинают выходить на подразделения сирийских войск с предложениями о частных перемириях и ведения переговоров.

Сирийские вооруженные силы, используя результаты ударов российской авиации, сосредоточили основные усилия на ведении наступательных операций в провинциях Алеппо, Латакия, Идлиб, Хомс и Дамаск»[88].

Особо стоит остановиться на ставших мировой сенсацией действиях Каспийской флотилии.

7 октября 2015 г. четыре корабля Каспийской флотилии – «Дагестан», «Град Свияжск», «Великий Устюг» и «Углич» – выпустили 26 крылатых ракет 3М14 «Калибр». Ракеты пролетели около 1500 км на малой высоте над территорией Ирана и Ирака и успешно поразили цели ИГИЛ на территории Сирии.

Ракеты «Калибр» летели на малой высоте в режиме огибания местности. Разрешение на пролет ракет было заранее получено у правительств Ирана и Ирака.

К 22 октября на аэродроме Хмеймим близ Латакии находилось 4 истребителя Су-3 °СМ, 6 бомбардировщиков Су-34, 12 Су-24М, 12 штурмовиков Су-25СМ и до 20 вертолетов различного назначения. Следует заметить, что самолеты Су-34 и Су-24М перелетели с российских аэродромов в Сирию через Иран и Ирак. Причем часть из них летела над Азербайджаном, а часть – над Каспийским морем.

По данным западных СМИ, авиабазу прикрывали 7 танков Т-90 и несколько БТР-82А. Аэродром Хмеймим и базу ВМФ в Тартусе защищали 1700 солдат и 500 морских пехотинцев.

Официальные представители Минобороны РФ предпочитают помалкивать о мощных средствах радиоэлектронной борьбы, отправленных в Сирию. У берегов Сирии находятся один-два разведывательных корабля. В Сирию прибыл как минимум один самолет радиоэлектронной борьбы Ил-20, а также несколько наземных мобильных комплексов

радиоэлектронной борьбы типа «Красуха-4» 1РП257 и «Борисоглебск-2».

Российские истребители-бомбардировщики летали на высотах не менее 5 км, дабы избежать огня ПЗРК. Всего один раз, 15 октября, в районе города Гута было обнаружено излучение РЛС ЗРК «Оса», ранее захваченную боевиками. Российские самолеты немедленно нанесли удар и уничтожили боевую машину 9А33.

17 ноября 2015 г. дальние бомбардировщики Ту-22М3 и стратегические бомбардировщики Ту-95МС и Ту-160 нанесли удары по позициям террористов в Сирии. Дальние бомбардировщики Ту-22М3 действовали с аэродрома Моздок и летели через Красное море, Иран и Ирак. По объектам в Сирии они сбрасывали осколочно-фугасные бомбы.

Самолеты Ту-95МС и Ту-160 стартовали с аэродрома в Энгельсе на Волге и запускали крылатые ракеты Х-101 над Каспийским морем. Дальность этой ракеты может достигать 5 тыс. км, а вес боевой части около 400 кг.

В начале 20-х чисел ноября российские самолеты начали наносить наиболее эффективные удары по ИГИЛ. Как говаривал Петр Великий, «для войны нужны три вещи: во-первых, деньги, во-вторых, деньги и в-третьих, деньги».

И вот наши бомбардировщики ударили по карману ИГИЛ – по нефтепромыслам, нефтеперерабатывающим заводам, нефтехранилищам и многокилометровым колоннам нефтезаправщиков.

Анкара ответила предательской атакой на наш самолет Су-24.

Сегодня Анкара претендует если не на всю территорию Сирии, то по крайней мере на ее северную часть. По мнению турецкого правительства, «Исламское государство» (ИГИЛ) дает идеальный шанс для захвата всей Сирии или хотя бы ее части. Замечу, что с 2012 г. через Турцию на помощь ИГИЛ и другим террористическим организациям в Сирию прошло свыше 200 тысяч боевиков.

Еще до начала операции российских ВКС в Сирии турки требовали создать на севере Сирии бесполетную зону для правительственных ВВС. Этим Турция решала сразу несколько проблем. Во-первых, в бесполетной зоне было легче создать из местных банд боевиков некое гособразование, которое позже «законным» образом присоединится к Турции. Ну а, во-вторых, бесполетная зона обеспечивала безопасность трафику нефти, оружия, наркотиков, музейных ценностей, финансовых потоков из ИГ в Турцию и в обратном направлении.

Не менее 80 % нефти, добываемой ИГ, уходят в Турцию. А с учетом того, что ИГ продает нефть в четыре раза дешевле мировых цен, нетрудно

догадаться, как наживаются турецкие чиновники и бизнесмены. И если сейчас полностью прекратить товарооборот между ИГ и Турцией, проходящий через территорию Сирии, «Исламское государство» не продержится и полугода.

Как было заявлено 2 декабря 2015 г. на пресс-конференции в Министерстве обороны РФ, боевики ИГИЛ используют свыше 8,5 тысяч большегрузных нефтевозов для переброски нефти в Турцию. Причем, большая часть нефтевозов замаскирована под большегрузные фуры, что сделать совсем не трудно. На пресс-конференции были продемонстрированы десятки фотографий, на которых видны сотни нефтевозов.

Нефть из Сирии направляется в Турцию по трем потокам. Западный поток идет к Средиземному морю, к турецким портам Дертйол и Искендерун. Каждый день из этих портов уходит как минимум один танкер с ворованной нефтью. Второй поток направлен в город Патму на нефтеперерабатывающий завод. Третий поток – в городок Джизри. Замечу, что между первым и остальными потоками находится территория, контролируемая курдским ополчением. Из Турции же в Сирию непрерывным потоком идут оружие и боеприпасы. Только с 25 ноября по 2 декабря из Турции в Сирию прибыло около двух тысяч боевиков, свыше 120 тонн боеприпасов и более 250 автомобилей различных типов. Согласно заявлению представителей МО РФ, на 2 декабря 2015 г. было уничтожено около 1800 нефтевозов ИГИЛ, а доходы террористов от поставок нефти в Турцию снизились вдвое.

Войну в Сирии невозможно выиграть, не перекрыв сирийско-турецкую границу. Часть приграничных районов может занять сирийская правительственная армия, а остальные районы должны стать полем действия спецназа: российского, сирийского, иранского и, естественно, курдских ополченцев (пешмерги). Спецназ может уничтожать не только транспортные средства ИГ, но и массово ставить противопехотные и противотанковые мины. Минирование приграничных областей легко производить также с самолетов и вертолетов, причем любых типов. Весьма эффективно дистанционное минирование с помощью РСЗО «Смерч».

Без массовой постановки мин прикрыть 600-километровую (по прямой!) границу между Сирией и Турцией физически невозможно.

Ах, – возопят гуманисты на Западе и у нас, – ведь использование противопехотных мин запрещено Оттавской конвенцией 1997 года! Ну и что? В свое время не какие-то плюгавые дипломаты, а римские папы запрещали применение на поле боя арбалетов, мортир и т. п.

Еще дальше пошли «пикейные жилеты» на Гаагской конференции 1899 г., когда было запрещено «бросать взрывчатые вещества с летательных аппаратов», то есть поставили крест на военной авиации. Кстати, они же в том же 1899 году запретили бороться с летательными аппаратами, запретив создавать пушки калибра менее 37 мм, стрелявшие разрывными зарядами, то есть поставили вне закона всю зенитную малокалиберную морскую и сухопутную артиллерию и все авиационные пушки.

Да, а кто подписал Оттавскую конвенцию? Россия не подписала, а главное, не подписали США, Китай, Индия, Саудовская Аравия, Ирак, Сирия, Ливия, Иран, Египет, Израиль и т. д.

Между прочим, минирование границ на Ближнем Востоке в конце XX – начале XXI веков – дело рутинное.

В 1954–1962 гг. Франция вела колониальную войну в Алжире. Точно так же, как и ИГИЛ алжирские националисты без помощи извне не продержались бы и полгода. СССР, Египет и ряд других стран посылали в Алжир оружие, транспортные средства, боеприпасы, продовольствие и т. д. Небольшой ручеек тек через Средиземное море, благо французский флот блокировал побережье Алжира.

А основной поток иностранной помощи шел в Алжир через 700-километровую границу с Тунисом и 1000-километровую с Марокко.

Возможности перекрыть огромные участки границы пограничными патрулями или даже армейскими частями у французов не было, опять же как сейчас на сирийско-турецкой границе. Посему французы вспомнили о колючей проволоке и противопехотных минах.

Уже в 1959 г. граница с Марокко на всех наиболее важных участках была перекрыта минными полями, системой постов и проволочными заграждениями (560 км, в том числе 430 км электрифицированных). Вдоль границы с Тунисом протянулись 1500 км электрифицированных проволочных заграждений, усиленных сплошными минными полями. По оценкам некоторых очевидцев, французские саперные батальоны на границе Алжира с Марокко и Тунисом оборудовали полосу заграждений, состоящих из многих рядов заминированной колючей проволоки, часть которой находилась под напряжением в 6000 вольт. На каждом километре в полосе от 3–5 до 10 км в земле находилось до 20 тысяч мин всевозможной конструкции («выпрыгивающие» мины, осветительные, «глубинные», фугасные, осколочные противодесантные натяжного и нажимного действия – французские «APMB», американские «M-2», «M-3», и «M-2A-2», французские противопехотные мины нажимного действия, не обнаруживаемые «APID», и др.).

Минные заграждения серьезно осложняли действия алжирских националистов. И если война была проиграна Францией, то в основном это случилось из-за раскола внутри французского общества.

Начнись подобное восстание в Алжире в 1881–1914 гг., вся Франция поднялась бы против мятежников. Совсем иная ситуация сложилась в метрополии во второй половине 1950-х годов. В стране с 1945 г. были крайне сильны коммунисты и левые социалисты, а также пацифистские движения всех мастей.

Короче, Франция проиграла войну не из-за неэффективности минных заграждений, а по причинам внутриполитического характера. Мало того, после окончания войны алжирская армия получила от французов полный комплект документации на минные поля, но разминировать их не смогла. Тогда правительство обратилось к частным компаниям. Однако начавшая работу группа итальянцев под руководством отставного генерала Иполито Армандо из-за подрыва на минах нескольких человек, в том числе и начальника работ, вынуждена была вскоре прекратить разминирование.

В сентябре 1962 г. правительство Алжира обратилось за помощью в уничтожении минно-взрывных и иных заграждений к Советскому Союзу. Советская сторона согласилась выполнить эту опасную работу безвозмездно. Осенью 1962 г. в Алжир прибыла первая оперативная группа офицеров инженерных войск во главе с полковником В.Я. Пахомовым.

Последние советские саперы покинули Алжир в июне 1965 г. За это время они обезвредили около 1,5 млн. мин, разминировали более 800 км минно-взрывных полос и очистили 120 тыс. гектаров земли.

Ну а Турция, не мудрствуя лукаво, в конце XX века заминировала свои границы с Арменией, Ираном и Сирией. Так, Турция установила на Сирийской границе 615 тысяч (!) противопехотных мин. Цель благая – недопущение террористов и контрабандистов на турецкую территорию. Анкара 1 марта 2004 г. подписала Оттавскую конвенцию и в начале 2010-х годов решила разминировать границу с Сирией. Но это оказалось туркам не по зубам, и они пригласили израильских специалистов, чтобы те разминировали границу.

Пока турецкие бюрократы раскачивались, Турция и Израиль ухитрились поругаться. В итоге израильские специалисты разминировали 2 км границы и уехали.

В марте 2012 г. турки объявили тендер на разминирование турецко-сирийской границы. Цена контракта 400 млн. долларов, срок 4 года. Главные претенденты на выполнение работ – американская компания «Ронко» и французская «Геоминас». Судя по всему, большая часть границы

до сих пор не разминирована. Однако и «беженцы», и караваны нефтевозов, и грузовики с оружием свободно перемещаются через границу. Это еще раз доказывает то, что террористы тесно взаимодействуют с турецкими военными.

В ноябре 2013 г. МВД Турции объявило о разминировании границ с Арменией и Ираном. На 2013 год запланировано разминирование 4100 кв. км из заминированных 11,6 кв. км. На это мероприятие ЕС выделил 52,4 млн. евро, то есть 75 % стоимости проекта, а еще 25 % должно дать министерство обороны Турции. Надо полагать, Европа деньги дала, но куда они пошли – большой вопрос.

Израиль еще в 1970-х годах заминировал границу с Сирией. В начале гражданской войны «оппозиция» стала переходить израильскую границу. Но, увы, часть мин не сработала. Посему с мая 2011 г. армия обороны Израиля начала заново минировать всю сирийскую границу.

В 2012 г. турецкие власти и «умеренная оппозиция» обвинили сирийские правительственные войска в установке мин на своей границе с Турцией. Судя по всему, мин было установлено мало. Заграждение нужно расширить на всю 700-километровую границу.

Сейчас на складах РФ имеется немеренное количество противотанковых и противопехотных мин. Их уничтожение в России обойдется куда дороже, нежели отправка в Сирию.

Ну а для гражданского населения сирийское правительство создаст «гуманитарные коридоры». Речь идет о КПП под контролем пограничников Сирии, так, как это принято во всех государствах мира.

Западные, да и отечественные либералы придерживаются двойных стандартов. Во Франции и России террористами считают не только человека, взорвавшего бомбу или нажавшего на гашетку автомата, но и тех, кто поставлял убийцам бензин, продавал краденный антиквариат для финансирования террора и т. д. Такие пособники в той же Европе могут угодить в тюрьму на 20 и более лет, а то и пожизненно. А вот в Сирии подобные персонажи считаются мирными гражданами и беженцами.

Кстати, вторжение миллионов беженцев в Европу – это однозначно дело рук турецких властей. Турция – сверхцентрализованное полицейское государство, и передвижение по стране сотен тысяч беженцев физически невозможно без санкции властей. Ну а теперь Эрдоган собирается доить Европу в обмен на регулирование потоков беженцев.

Вывод неоспорим: полное минирование сирийско-турецкой границы в течение полугода поставит крест на ИГИЛ, на всякой там «умеренной» и «неумеренной» оппозиции (сирийских Грицианах Таврических), и на

порядок уменьшит поток беженцев в Европу.

Примечания

[1] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990. Т. I. С. 322.

[2] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 369.

[3] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 370.

[4] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 374.

[5] Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М.: АСТ; Астрель, 2010. С. 587.

[6] Материалы сайта: http://works.tarefer.ru/33/101493/index.html

[7] Рансимэн С. Великая Церковь. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 364–366.

[8] Коковцев М.Г. Описание Архипелага, СПб, 1786.

[9] Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911–1915. Т. XVIII. С. 141.

[10] Чернышев А.А. Российский парусный флот. Справочник в 2-х томах, М., Воениздат, 1997. Т. 1. С, 274.

[11] Русские и советские моряки на Средиземном море / Под ред. В.Н. Алексеева. М.: Воениздат, 1976. С. 45.

[12] Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М. – Л-д: Издательство Академии наук СССР, 1945. С. 87.

[13] ЦГАВМФ. Ф. Шканечные журналы, корабль «Граф Орлов», № 114, 1772.

[14] Материалы для истории русского флота. Ч. XII. С. 129–130.

[15] Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. С. 93.

[16] Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. XII. С. 132–133.

[17] «Истоки», № 1 (34). 1995.

[18] Корей А. О нынешнем просвещении Греции. СПб, 1815. С. 25.

[19] Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. III. Вып. 7. С. 100.

[20] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах.

Ленинград: Наука, 1983. Т. 26.

[21] Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. С. 662–663.

[22] Цит. по: Макарова И.Ф. Болгары и Танзимат. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 136.

[23] Макарова И.Ф. Болгары и Танзимат. С. 245–247.

[24] Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. С. 668.

[25] Цит. по: Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-пресс, 1999. С. 533.

[26] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 25. С. 65, 71, 73.

[27] Хибберт К. Королева Виктория. М.: АСТ; ЛЮКС, 2005. С. 507–508.

[28] Хибберт К. Королева Виктория. С. 508.

[29] Хибберт К. Королева Виктория. С. 507.

[30] Военная энциклопедия. Т. I. С. 6–7.

[31] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960–1968. Т. IV. С. 28.

[32] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 281.

[33] Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Кондратий Афанасьевич Булавин. М.: Просвещение, 1988. С. 98.

[34] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 304–305.

[35] Голиков. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1792. Т. 8. С. 201

[36] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 495.

[37] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 384.

[38] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 384.

[39] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 3. С. 414.

[40] Материалы сайта: http://beg-ruslan.narod.ru/Histori7.html.

[41] Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Т. 1. С. 250, 402, 403.

[42] Материалы сайта: http://www.wco.ru/biblio/books/talberg1/ H208-T.htm#2_08_01

[43] Тальберг Н.Д. История Христианской Церкви. Киев: Изд-во им. святителя Льва, папы Римского, 2008. С. 820–822.

[44] Материалы сайта: http://www.pravoslavie.ru/78025.html

[45] Семенов С.Н. Макаров. М.: Молодая Гвардия, 1972. С. 91–92.

[46] Островский Б.Г. Адмирал Макаров. М.: Воениздат, 1954. С. 90, 91, 92–94.

[47] За неимением морских тральщиков были использованы три заградителя типа «Ксения» и два парохода «Царь» и «Руслан».

[48] Безугольный А.Ю. Ни войны, ни мира. Положение на советско-турецкой границе. Меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны. // «Военно-исторический архив», № 5/2003 г. С. 67–73.

[49] АВП. РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 51. Д. 702. Л. 11.

[50] Речь идет о транспортах, снабжавших Севастополь и потопленных в открытом море или в севастопольских бухтах.

[51] Морозов М. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Летопись боевых походов. Ч. 2. Черноморский флот. М.: Стратегия КМ, 2003. С. 78.

[52] См. Лаврова Т. Черноморские проливы (Исторический очерк). Ростов-на-Дону, 1997. С. 78.

[53] В. М. Молотов занимал пост министра иностранных дел с 1939 г. по 1949 г. и с 1953 г. по 1956 г.

[54] Гасанлы Дж. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне 1939–1953. М.: Центр Пропаганды, 2008. С. 631.

[55] Военно-морской международно-правовой справочник. М.: Воениздат, 1966. С. 143.

[56] Это краткое изложение рассказа очевидца, находившегося на мостике крейсера «Москва».

[57] Манукян С. Тюрки в Анатолии. // Жаранг: Сборник статей. С. 65–66.

[58] Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002. С. 41.

[59] Сборник договоров России с другими государствами. № 63. С. 402–403.

[60] История дипломатии / Под ред. А.А. Громыка, И.Н. Земскова, В.А. Зорина и др. М.: Государственное Издательство политической литературы, 1963. Т. II. С. 710–711.

[61] Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995. С. 184–185.

[62] Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. С. 150–151.

[63] Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. С. 152–152.

[64] Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. С. 193–194.

[65] Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. С. 204–205.

[66] Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. С. 205–206.

[67] Замечу, что поп – не ругательство, а церковный чин, см. решения целого ряда русских православных соборов.

[68] Мосс В. Православная церковь на перепутье. // Материалы сайта: http://www.pravoslavie.be/index.php?option=com_content& view=article&id=190:-ii-&catid=37:2010-06-14-10-21-09&Itemid=57

[69] Материалы сайта: http://www.pravoslavie.be/index php? option=com_content&view=article&id=190:-ii-&catid=37:2010-06-14-10-21-09&Itemid=57

[70] Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. С. 209.

[71] Материалы сайта: http://www.pravmir.ru/pontijskij-genocid/

[72] Политический анализ действий Мустафы Кемаля по ликвидации Халифата. Из книги «Как был разрушен Халифат» мусульманского ученного Абдуль-Къаддима Заллюма. // Материалы сайта: http://www.halifat.org/content/view/90/76.

[73] Материалы сайта: http://www.halifat.org/content/view/90/76.

[74] Материалы сайта: http://www.halifat.org/content/view/90/76.

[75] Материалы сайта: http://www.halifat.org/content/view/90/76.

[76] Материалы сайта: http://www.halifat.org/content/view/90/76.

[77] Материалы сайта: http://www.halifat.org/content/view/90/76.

[78] Цит. по: Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М.: МуравейГайд, 1999. С. 20.

[79] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 42. С. 54.

[80] Политический анализ действий Мустафы Кемаля по ликвидации Халифата. Из книги «Как был разрушен Халифат» мусульманского ученного Абдуль-Къаддима Заллюма. // Материалы сайта:

http://www.halifat.org/content/view/90/76.

[81] Материалы сайта: http://www.halifat.org/content/view/90/76.

[82] Материалы «Википедии».

[83] Годовой отчет Наркомата иностранных дел за 1923 г. II съезду Советов СССР. М., 1924. С. 11.

[84] Годовой отчет Наркомата иностранных дел за 1923 г. II съезду Советов СССР. С. 11–12.

[85] Материалысайта: http://sputnikipogrom.com/politics/18284/ pan-turkism/#.VlgiGtLhBdg

[86] Материалы сайта: http://pravdapfo.ru/articles/76780chuvashiya-eksportirovala-v-turciyu

[87] Ходынская-Голенищева М.С. «На правильной стороне истории». Сирийский кризис в контексте становления многополярного мироустройства. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. С. 44–45.

[88] Материалы сайта: http://oko-planet.su/politik/politika rm/297292-voennaya-operaciya-rf-v-sirii-onlayn-translyaciya24-den-aviagruppa-vks-rf-v-sirii-934-boevyh-vyleta-v-kotoryhunichtozheno-819-obektov-igil.html

Список использованной литературы

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958.

Бовыкин В.И. Очерки истории внешней политики России. Конец XIX века – 1917 г. М.: Учпедгиз, 1960.

Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2-х томах. М.: Современник, Товарищество Русских Художников, 1991.

Быховский И.А. Петровские корабелы, Л-д: Судостроение, 1982.

Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко, В.Ф. Новицкого, А.В. Фон-Шварца и др. В 18 томах. Петербург, 1911–1915

Военно-морской международно-правовой справочник. М.: Воениздат, 1966.

Гасанлы Дж. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне 1939–1953. М.: Центр Пропаганды, 2008.

Годовой отчет Наркомата иностранных дел за 1923 г. II съезду Советов СССР. М., 1924.

Голиков. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1792. Движения русских военных судов в Архипелаге. Кронштадт, 1889.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Ленинград: Наука, 1983.

Дроговоз И.Г. Турецкий марш. Турция в огне сражений. Минск: Харвест, 2007.

Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка 1769–1791 / Сост. В.С. Лопатин. М.: Наука, 1997.

История дипломатии / Под ред. А.А. Громыка, И.Н. Земскова, В.А. Зорина и др. М.: Государственное Издательство политической литературы, 1963.

История стран Азии и Африки в средние века. / Под ред. Л.В. Симоновской и Ф.М. Ацамба. М.: Издательство Московского университета, 1968.

Кинросс Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М.: Крон-пресс, 1999.

Коковцев М.Г. Описание Архипелага, СПб, 1786.

Коленковский А. Дарданелльская операция. СПб.: Гангут, 2001.

Корей А. О нынешнем просвещении Греции. СПб, 1815.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших

деятелей. М., 1992.

Кротков А.С. Военные действия русского флота в Архипелаге. Кронштадт, 1889.

Кротков А.С. Русский флот в царствование императрицы Екатерины II. СПб, 1889.

Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.

Лаврова Т.В. Черноморские проливы (Исторический очерк). Ростов-на-Дону, 1997.

Макарова И.Ф. Болгары и Танзимат. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Материалы для истории русского флота. СПб., 1888.

Морозов М. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Летопись боевых походов. Ч. 2. Черноморский флот. М.: Стратегия КМ, 2003.

Надеждин Н.Я. Мустафа Кемаль Ататюрк: «Отец нации». М.: Майор Осипенко, 2011.

Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М.: Воениздат, 1937.

Норвич Дж. Срединное море. История Средиземноморья. М.: АСТ: Астрель, 2011.

Османский мир и османистика. Сборник статей к 100-летию со дня рождения А.С. Тверитиновой (1910–1973). М.: ИВ РАН, 2010.

Островский Б.Г. Адмирал Макаров. М.: Воениздат, 1954.

Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль, 1994.

Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М.: Муравей-Гайд, 1999.

Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.

Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 100 лет в именах, датах, фактах. Справочник. М.: Международные отношения, 1995.

Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Кондратий Афанасьевич Булавин. М.: Просвещение, 1988.

Пряхин Ю.Д. Ламброс Кацонис в истории Греции и России. СПб: АЛЕТЕЙЯ, 2004.

Рансимэн С. Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006.

Рансимэн С. Великая Церковь. История Греческой церкви от падения

Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006.

Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.

Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Под ред. Л.Н. Нежинского, А.В. Игнатьева. М.: Международные отношения, 1999.

Русские и советские моряки на Средиземном море / Под ред. В.Н. Алексеева. М.: Воениздат, 1976.

Сваранц А. Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе. М.: Гуманитарий, 2002.

Семенов С.Н. Макаров. М.: Молодая Гвардия, 1972.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960–1968.

Тальберг Н.Д. История Христианской Церкви. Киев: Изд-во им. святителя Льва, папы Римского, 2008.

Тарле Е.В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг. М.-Л-д: Издательство Академии наук СССР, 1945.

Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М.: АСТ; Астрель, 2010.

Фомин А.М. Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство». 1918–1923. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2010.

Хибберт К. Королева Виктория. М.: АСТ; ЛЮКС, 2005.

Хибберт К. Крымская кампания 1854–1855 гг. Трагедия лорда Раглана. М.: Центрополиграф, 2004.

Ходынская-Голенищева М.С. «На правильной стороне истории». Сирийский кризис в контексте становления многополярного мироустройства. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.

Чернышев А.А. Российский парусный флот. Справочник в 2-х томах, М., Воениздат, 1997.

Шеремет В.И. Босфор. Россия и Турция в эпоху Первой мировой войны. По материалам русской военной разведки. М.: Технологическая школа бизнеса, 1995.

Широкорад А.Б. Адмиралы и корсары Екатерины Великой. Звездный час русского флота. М.: Вече, 2006.

Широкорад А.Б. Взлет и падение Османской империи. М.: Вече, 2012.

Широкорад А.Б. Запорожцы – русские рыцари. История запорожского войска. М.: АСТ, 2008.

Широкорад А.Б. Россия на Средиземном море. М.: Вече, 2013.

Широкорад А.Б. Русские пираты. М.: Вагриус, 2007.

Широкорад А.Б. Русско-турецкие войны. Минск: Харвест, Москва: АСТ, 2000.

Широкорад А.Б. Турция. Пять веков противостояния. М.: Вече, 2008.

Широкорад А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград. М.: Вече, 2005.

Широкорад А.Б. Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М.: Вече, 2006.

Широкорад А.Б. Черноморский флот в трех войнах и трех революциях. М.: АСТ, 2007.

Шкваров А.Г. Петр I и казаки. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2010.

Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX века. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002.

Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев: Наукова думка, 1990.

http://beg-ruslan.narod.ru/Histori7.html.

http://oko-planet.su/politik/politikarm/297292-voennayaoperaciya-rf-v-sirii-onlayn-translyaciya-24-den-aviagruppa-vks-rf-vsirii-934-boevyh-vyleta-v-kotoryh-unichtozheno-819-obektov-igil. html http://pravdapfo.ru/articles/76780-chuvashiya-eksportirovalav-turciyu
http://sputnikipogrom.com/politics/18284/pan-turkism/#.VlgiGtLhBdg
http://works.tarefer.ru/33/101493/index.html
http://www.halifat.org/content/view/90/76 http://www.pravmir.ru/pontijskij-genocid/

http://www.pravoslavie.be/index.php?option=com_content&view=article&id=190:-ii-&catid=37:2010-06-14-10-21-09&Itemid=57http://www.pravoslavie.ru/78025.html
http://www.wco.ru/biblio/books/talberg1/H208-T.htm#2_08_01

---

notes

Примечания

1

Азак – от турецкого «разлившаяся, вышедшая из берегов».

2

Тяжелые полевые пушки, ближе всего к ним подходят русские орудия большой пропорции конца XVIII – начала XIX веков.

3

Термин «Золотая Орда» придуман московскими дьяками через несколько десятилетий после ее окончательной гибели.

4

Место «боев» потешных войск Петра.

5

Автор называет казаков малороссийскими, а не украинскими по двум причинам. Во-первых, они так и назывались до 1917 г., а во-вторых, чтобы читатель не путал их с запорожскими казаками, ведь по современному территориальному делению и те, и другие проживали на Украине.

6

Из них полевых пушек – 28, мортир – 23, гаубиц – 2, а также 3-фунтовых полковых пушек – 69.

7

Фактически с 1711 г. по 1713 г. было заключено три договора (11 июля 1711 г., 5 апреля 1712 г. и 13 июля 1713 г.), но эти дипломатические нюансы выходят за рамки нашей работы.

8

Торговый флаг – это современный государственный флаг Российской Федерации. В царствование Александра III его сделали государственным флагом России. Изображения же на обложках школьных учебников гренадеров 1812 г., идущих в бой под трехцветным флагом, являются фальшивкой продажных историков. Триколор в вооруженных силах впервые был использован в белых армиях в 1919 г., а затем немцами во Власовской армии.

9

Он же в разных документах – Витило или Витула.

10

С.К. Грейг родился в 1736 г. в Шотландии. С разрешения британского правительства в 1764 г. лейтенант Грейг поступил на русскую службу и сразу получил чин капитана 1-го ранга, но с условием проплавать год на русских кораблях стажером.

11

Современный греческий остров Наксос.

12

Варварийские пираты – пираты, суда которых базировались на Марокко, Алжир, Тунис и Триполитанию.

13

Бриг – небольшое судно с двумя мачтами: гроти фок-мачтами, на котором на грота-рее не было грота, а нижняя часть грот-мачты вооружена как бизань-мачта. Бриги использовались как торговые и военные суда. На военных бригах имелись весла, которые придавали бригу очень малый ход, но давали возможность уйти в штиль от неприятеля, как это сделал знаменитый бриг «Меркурий».

14

В различных источниках Алексиано называют по-разному: Панакотти, Понеотти, Папооти.

15

Фелюка (фелюга) – небольшое парусно-гребное судно. Обычно торговое, но встречались и вооруженные фелюки. Нос и корма фелюки были заострены, она не несла пушек и не имела характерного штевня галеры. На фелюке было 2 мачты: грот-мачта, стоящая вертикально посередине судна, и фок-мачта, смещенная очень близко к носу и наклоненная вперед. Бушприт короткий.

16

Под таким именем проходил он в официальных документах, подлинное имя его самого и его отца неизвестны.

17

В некоторых документах Мадзини.

18

Название эскадры происходит от названия черногорского порта Дульциньо (современное название Улцинь).

19

Иван Войнович сменил 5 октября 1771 г. грека Поникути, бывшего первым капитаном «Св. Николая».

20

Современное название Думьят, в 45 км северо-западнее современного Порт-Саида.

21

Тартана – небольшое прибрежное судно, распространенное в Средиземном и Черном морях. Обычно длина около 20 м, но изредка встречались и большие тартаны. Одна мачта и короткий бушприт. Паруса чаще «латинские», но встречались и прямые. Тартана – торговое судно, но вооруженные тартаны имелись в турецком и неаполитанском флотах. Также тартаны широко использовались пиратами.

22

Вообще-то «Соломбал» – 22-пушечный пинк (длина 36,6 м, ширина 9,5 м, осадка 3,8 м), пришедший вместе с эскадрой Спиридова. Но в отчете о сражении, данном 15 августа 1773 г. Елмановым Спиридову, он числился фрегатом.

23

Андрей Васильевич Елманов на службе с 1738 г. В ходе Семилетней войны последовательно командовал кораблями «Шлиссельбург», «Полтава», «Рафаил». В 1764–1768 гг. был главным командиром Казанского Адмиралтейства. В 1769 г. произведен в контр-адмиралы. Шел вместе с эскадрой Спиридова, имея флаг на корабле «Северный Орел», но по случаю повреждения корабля вернулся в Портсмут. В феврале 1770 г. на корабле «Европа» вышел из Портсмута в Архипелаг. В Чесменском сражении не участвовал, т. к. находился в это время на фрегате «Надежда Благополучия» на о. Менорка, откуда вернулся только в январе 1771 г. В 1773 г. произведен в вице-адмиралы и вступил в командование всем архипелагским флотом вместо уволенного по болезни Спиридова. По возвращении в Россию награжден орденом Александра Невского и назначен командиром Ревельского порта. Умер в 1778 г.

24

Русские называли греков албанцами, поэтому в так называемых «албанских» войсках греков было куда больше, чем настоящих албанцев.

25

В настоящее время турецкий город Бодрум.

26

Брадскугели, карказы – зажигательные снаряды. Разница в том, что карказ состоял из холщового мешка, наполовину заполненного порохом, а наполовину – зажигательным веществом. Мешок вкладывался в железную чашку (поддон) и скреплялся крестообразными железными полосами. Брандскугель – сферическая чугунная боба, снаряженная зажигательным составом.

27

Название пьесы Екатерины II, посвященной шведскому королю Густаву III.

28

Сейчас греки называют мыс Матапан мысом Тенорон.

29

Любопытна история появления этой цифры – 23,5 тысячи казаков. В 1718 г. Василий Долгоруков был привлечен к следствию по делу царевича Алексея. В оправдание свое Долгоруков приказал начальнику своей походной канцелярии Любиму Судейкину составить справку об убитых казаках. Сам же Долгоруков утверждал, что цифра должна быть большой.

30

Авиатранспорты «Николай I» и «Александр I» – бывшие торговые пароходы водоизмещением в 9200 т и скоростью 14 узлов. С началом войны пароходы были переделаны в авиатранспорты – носители гидросамолетов (по 7 на каждом). Иногда их называли «гидрокрейсерами», а в официальных списках флота они числились посыльными судами. Палубы их были приспособлены для установки гидросамолетов, которые спускались на воду и поднимались обратно с помощью стрел. Для поиска и буксировки поврежденных гидросамолетов на авиатранспортах имелись специальные катера.

31

Операция «Оверлорд» – вторжение англо-американцев через пролив Ла-Манш в северную Францию.

32

Второй сын греческого короля Георга I (1869–1957).